

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№1 (8) 2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление

№ 1 Том 8 2021

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Эмоциональная составляющая устной межкультурной коммуникации <i>Абакумова О.В., Величкова Л.В.</i>	4-13
--	------

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

ИКТ в домашних заданиях как способ повышения познавательного интереса школьников при изучении китайского языка <i>Бутовская З.С.</i>	14-27
--	-------

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

О гениальной политической прозорливости Ф.М. Достоевского <i>Махмудова С.М.</i>	28-34
Поэтический мир «Божественной комедии» Данте Алигьери <i>Васильева Е.В.</i>	35-40
Особенности воссоздания поэтики имажизма в переводе на русский язык (на материале самостоятельного перевода стихотворения Э. Паунда «Salutation») <i>Дикун М.М.</i>	41-47
«Представить список русских православных церквей за границей и священнослужителей при оных...» по материалам Петербургских архивов <i>Шварц Н.В.</i>	48-56
Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии во времена Муссолини <i>Алоэ С.В.</i>	57-68
Когда светит солнце, это почти рай <i>Супино В.</i>	69-75

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сопоставительный анализ компаративных ФЕ даргинского и английского языков <i>Ибрагимова Г.Х.</i>	76-81
--	-------

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Содержание и виды безопасности образовательной среды <i>Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.</i>	82-96
---	-------

Context
№ 1 Volume 8 2021

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

The Emotional Component of Verbal Intercultural Communication

Olga V. Abakumova , Lyudmila V. Velichkova4-13

**LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF
THE STUDY OF LANGUAGES AND CULTURES**

**ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive Interest of Students in Learning
Chinese**

Zinaida S. Butovskaya 14-27

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

About the Brilliant Political Insight of F.M. Dostoevsky

Svetlana M. Mahmudova28-34

Poetic World in Dante Alighieri's Divine Comedy

Elena V. Vasileva35-40

**Features of Recreating the Poetics of Imagism in Translation into Russian (Based on the
Material of an Independent Translation of the Poem by E. Pound «Salutation»)**

Marina M. Dikun41-47

**"To Present a List of Russian Orthodox Churches Abroad and the Clergy Attached to
Them..." Based on the Materials of the St. Petersburg Archives**

Natal'ya V. Shvarts48-56

Some Notes on the Reception of Dostoevsky in Italy at the Time of Mussolini

Stefano V. Aloe57-68

When the Sun Shines it's Almost Heaven

Valentina Supino69-75

GENERAL AND COMPARATIVE-HISTORICAL LINGUISTICS

Comparative Analysis of Comparative FE Darginian and English Languages

Galima K. Ibragimova76-81

PSYCHOLINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS, ETHNOLINGUISTICS

Content and Types of Safety of the Educational Environment

Nikolay V. Mikhalkin, Aleksandr N. Averyushkin82-96

Эмоциональная составляющая устной межкультурной коммуникации

Абакумова О.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Величкова Л.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

Статья посвящена межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи, параметры которой активно влияют на ситуацию общения. При осуществлении межкультурного общения необходима информированность о параметрах звучащей иноязычной речи в эмоциональном аспекте. Речевые параметры способны придавать высказыванию дополнительные оттенки или значения, в том числе противопоставленные смыслу составляющих его лингвистических единиц. Определяется роль эмоциональности как активного компонента коммуникативного процесса, обосновывается возможность исследования этого компонента только при междисциплинарном подходе, предполагающем исследование восприятия речи. Для выражения эмоциональных состояний каждый язык обладает набором национально - специфических средств, способных окрашивать высказывание вне зависимости от его лексического наполнения. Национально – специфические признаки нейтрального стиля речи обуславливают его эмоциональное восприятие носителями другого языка. Дифференциальные признаки коммуникативных типов высказываний несут в себе важную информацию о завершённом или прогрессивном характере высказывания, что при устном переводе может потребовать включения лексических средств. Анализ проводится на уровне ритмических параметров и мелодических знаков (характеристик главноударных слогов) на материале трех языков: русского, немецкого, испанского.

Ключевые слова: нарушения признаков иноязычной звучащей речи, эмоциональная составляющая устной коммуникации, распознавание стиля иноязычной речи, ритмические параметры речи, мелодические признаки, национально – специфические признаки выражения эмоционального состояния говорящего, восприятие признаков коммуникативных типов высказываний в иноязычной речи, интерференция при восприятии иноязычной речи.

Абакумова О.В., Величкова Л.В.
Эмоциональная составляющая устной межкультурной
коммуникации
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 4–13.

Abakumova O.V., Velichkova L.V.
The Emotional Component of Verbal Intercultural
Communication
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 4–13.

Для цитаты: Абакумова О.В., Величкова Л.В. Эмоциональная составляющая устной межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080101

The Emotional Component of Verbal Intercultural Communication

Olga V. Abakumova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Lyudmila V. Velichkova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

The article is devoted to intercultural communication at the level of sounding speech, the parameters of which actively influence the communication situation. When implementing intercultural communication, it is necessary to be aware of the parameters of sounding foreign language speech in an emotional aspect. Speech parameters can give additional shades or meanings to an utterance, including those opposed to the meaning of its constituent linguistic units. The role of emotionality as an active component of the communicative process is determined, the possibility of studying this component is substantiated only accompanied by an interdisciplinary approach, involving the study of speech perception. To express emotional states, each language has a set of nationally - specific means capable of coloring an utterance, regardless of its lexical content. Nationally specific signs of a neutral style of speech determine its emotional perception by speakers of another language. Differential signs of communicative types of utterances carry important information about the completed or progressive nature of the utterance, which may require the inclusion of lexical means during oral translation. The analysis is carried out at the level of rhythmic parameters and melodic signs (characteristics of the main-stressed syllables) on the material of three languages: Russian, German, Spanish.

Keywords: violations of signs of foreign-language sounding speech, emotional component of oral communication, recognition of the style of foreign language speech, rhythmic parameters of speech, melodic features, culture-specific signs of expression of the emotional state of a speaker, perception of signs of communicative types of statements in foreign language speech, interference in the perception of foreign language speech.

For citation: Abakumova O.V., Velichkova L.V. The Emotional Component of Verbal Intercultural Communication. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080101 (In Russ.).

Постановка проблемы

Исследование процесса коммуникации находится в центре внимания лингвистики. При

этом сама лингвистика сближается с рядом других наук, что позволяет ей проводить исследования речевого поведения в целом. Актуальность приобретают сопоставительные исследования в коммуникативном аспекте. Однако в постановке целей продолжается игнорирование закономерностей звучащей речи, чему во многом способствует недостаточно развитый механизм исследования этого явления. В ситуации межкультурной устной коммуникации параметры звучащей речи активно влияют на ситуацию общения. Вместе с тем, именно эта область мало описана с точки зрения межкультурного диалога.

При рассмотрении проблемы адекватности восприятия и, соответственно, коммуникации, средства звучащей речи выносятся обычно за скобку. При этом имеется в виду, что говорящие общаются без нарушения признаков иноязычной звучащей речи, а если эти нарушения имеют место, то они не влияют на процесс коммуникации. Это относится как к смыслоразличительным признакам звучащей речи (реализация фонем, интонем), так и к экспрессивным средствам речи. Данное явление свидетельствует о том, что языковой материал абстрагируется исследователями от реальной ситуации общения. В реальной ситуации межкультурного общения, как и при коммуникации на родном языке, средства звучащей речи являются «канвой», по которой протекает общение и в когнитивном и, прежде всего, в эмоциональном аспекте. Эти параметры не выходят на уровень сознания говорящих, но в случае нарушения их существенно влияют на ситуацию общения, окрашивая ее в иной тон, нежели этого желают участники коммуникации. Важно принимать во внимание тот факт естественной коммуникации, что параметры звучащей речи способны придавать сообщаемой информации дополнительные оттенки или значения, не соответствующие или противопоставленные смыслу составляющих лингвистических единиц. Представляется, что компоненты интонации, а для многих языков ведущим считается мелодический компонент, составляют механизм для выражения основных коммуникативных типов высказываний, обладающих национальной спецификой на фоне универсалий, природа которых обусловлена физиологической общностью реализаций супrasegmentных средств человеком. В этой области системный подход находится в стадии формирования. При этом мы наблюдаем большой временной разрыв между исследованием сегментного и супrasegmentного уровней.

Психолингвистический подход к экспериментальному исследованию звучащей речи

Возможность системного подхода к анализу ритмико - интонационных параметров звучащей речи позволяет проследить развитие исследовательских методик звучащего материала в направлении от формальных признаков к характеристике стиля речи и эмоционального состояния говорящего. Задачи анализа звучащей речи предполагают междисциплинарный характер исследования.

Воспринимая речь, мы, прежде всего, регистрируем комплекс признаков, характеризующих говорящего и его состояние. Эти наблюдения до сих пор не были использованы для создания модели системного представления и анализа экспрессивных средств звучащей речи. Систему средств выражения эмоциональных состояний, имеющую значение для речевой деятельности в целом, можно обнаружить именно на этом уровне.

Исследования процессов порождения и восприятия речи относятся к центральным проблемам психолингвистики. В научно-методическом Центре фонетики ВГУ

разрабатываются механизмы исследования процесса восприятия. В частности, разработана методика проведения аудитивного анализа, выявляющего перцептивные (воспринимаемые речевым слухом) признаки интонации, сигнализирующие тот или иной коммуникативный тип высказывания. Установлено, что восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в эмоциональном ключе во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках [1].

Важным этапом исследования является выбор экспериментального материала: он должен содержать речевые фрагменты с переменной эмоционального состояния, относящиеся к определенному жанру речи. Исследования, проводимые НМЦ фонетики, включают экспериментальный материал следующих стилей и речевых жанров: детская речь, художественная речь, в том числе стихотворные тексты, квазиспонтанная диалогическая и монологическая речь, профессиональные речевые жанры: речь спортивного комментатора, политическая речь в СМИ, деловая речь, в том числе в межкультурном аспекте. Исследования проводятся в сопоставительном плане на материале ряда европейских языков.

Основными методами исследования являются метод психолингвистического эксперимента и аудитивный анализ звучащей речи. В процессе психолингвистического эксперимента воспринимаемое звучащее высказывание (текст, фрагмент) соотносится с неким эмоциональным состоянием (эмоцией) на основе субъективного восприятия участников эксперимента – носителей языка (экспертов). При этом возможны два пути проведения исследования: соотнесение экспериментального звучащего материала с инвентарем (списком) эмоций или свободная оценка участниками эксперимента. В первом случае используются списки эмоций, представленные в известных работах в области теории эмоциональности [2, 4, 6]. В обоих случаях можно отметить наличие затруднений со стороны участников эксперимента: в первом случае, при заданном списке эмоций, сомнения в выборе, вызванного наличием похожих обозначений. При свободном выборе могут возникнуть кратковременные затруднения, вызванные поиском наименования эмоции. В обоих вариантах получение некоего общего результата основывается на доле одинаковых или близких оценок из числа участников эксперимента, равного от 10 до 40 в экспериментах различной сложности и объема материала.

Эмоциональная составляющая устной коммуникации

В процессе развития лингвистической теории исследования эмоциональности речи длительное время находились в тени. Это обстоятельство отражало ориентир европейской культурной традиции на рациональное постижение мира. Эмоциональность, которую следовало преодолевать и подчинять разуму, не могла быть объектом науки о языке. Такому положению способствовала и традиция опоры на письменный текст. В результате оказалось, что исследование эмоциональности проходило в пространстве науки психологии. Сегодня интерес к говорящему (и воспринимающему речь) человеку обусловил поворот лингвистики к экспрессивным средствам речи. Эмоциональность является непременной составляющей устной коммуникации. Принимая такое положение как основу для исследования, экспериментатор - исследователь звучащей речи неизбежно ставит на первый план параметры звучащей речи в их соотношении с языковыми средствами высказывания. При этом одной из установок является признание первичной роли средств звучащей речи в формировании эмоциональной характеристики высказывания. Комплекс средств звучащей речи выражает состояние говорящего и может не совпадать или находиться в оппозиции к

лексическим средствам высказывания.

Параметры устной речи воспринимаются в эмоциональном ключе, это касается любого стиля устной речи.

Прежде всего, следует определить место эмоциональности как компонента коммуникативного процесса. С лингвистической точки зрения, можно говорить об эмоционально окрашенной лексике, о нарушениях норм синтаксиса в речи, передающей эмоциональное состояние говорящего. В художественном тексте эмоциональное состояние часто обозначается описательно. При перенесении внимания исследователя на устную коммуникацию очевидным становится необходимость иного подхода к анализу средств передачи эмоциональности в речи. Исследование этого явления возможно только при междисциплинарном подходе, вернее всего этот подход можно назвать психолингвистическим, так как он рассматривает речь с позиции воспринимающего и говорящего человека. С психолингвистической точки зрения речь всегда носит эмоциональный характер. Если речевое высказывание по своим параметрам может быть отнесено к так называемому нейтральному стилю, то этот факт может свидетельствовать о владении говорящим этим стилем речи и его намерении его реализовать, но сам по себе этот факт не дает информации о действительном эмоциональном состоянии говорящего. Более того, так называемый нейтральный стиль речи не может быть прямо соотнесен с каким-либо эмоциональным состоянием говорящего, он свидетельствует в первую очередь о его речевой культуре. Даже в относительно нейтральных речевых высказываниях, в которых экспрессивные средства должны быть представлены минимально, можно наблюдать их негативное восприятие как пассивной, безучастной речи, независимо от содержания высказывания или в противоречии к нему. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что носителям языка не свойствен стиль нейтральной речи в целевой реализации. Этот стиль речи является принятым в данном социуме как произносительная норма нейтральной официальной речи, он реализуется в достаточно узком фоностилистическом пространстве: новости, постановления, судопроизводство и др.

Один из этапов экспериментальной работы имел целью определение эмоционального восприятия иноязычной звучащей речи носителями русского языка.

Для этих целей на первом этапе необходимо было получить звучащие тексты в исполнении «наивных» носителей немецкого языка в трех вариантах: «нейтральном», «положительном», «отрицательном». Были выбраны тексты современной художественной литературы, содержание которых могло восприниматься в отрыве от контекста. Стиль текста можно характеризовать как типичный, умеренный по динамике описанных событий и по эмоциональной окраске. Увеличение количества записей в исполнении различных дикторов может при анализе дать более четкое описание формальных признаков для выражения выбранных трех эмоциональных вариантов. Однако при этом устанавливается достаточно высокая типичность признаков на уровне ритмики – мелодических параметров, что объясняется установкой на реализацию и выбор наивных непрофессиональных дикторов. Для проведения следующего этапа эксперимента при предъявлении иноязычного текста для восприятия достаточно одного типичного образца (голоса) в трех заданных эмоциональных прочтениях.

Для получения достоверных результатов исследования восприятия иноязычного текста существенно количество участников эксперимента. По нашим данным, выявление общих

признаков восприятия текста возможно при количестве участников - носителей родного языка, равном 35 – 40. Дальнейшее увеличение их количества повышает точность полученных результатов.

О характере восприятия неродной (немецкой) речи носителями русского языка, не говорящими по-немецки, по данным эксперимента можно сделать вывод, что речь воспринимается с готовностью в некоем эмоциональном ключе, при этом маркеры положительности и отрицательности не совпадают с исходными. «Нейтральный» вариант был оценен в 50% ответов как «положительный», в 40% ответов как «нейтральный», в 10% ответов как «отрицательный». «Положительный» вариант прочтения текста был оценен в 75% ответов как «отрицательный», в 15% ответов как «нейтральный», в 10% ответов как «положительный». «Отрицательный» вариант прочтения был оценен в 80% ответов как «нейтральный», в 5% ответов как «отрицательный». В 15% ответов как «положительный». При восприятии текстов, начитанных носителями языка (русского), этот стиль был оценен как отрицательно окрашенный в половине случаев, что может зависеть и от степени «нейтральности» при реализации текста. Определенная неуверенность прослеживалась у дикторов и экспертов при реализации задания с нейтральной установкой, при этом сама установка воспринималась как весьма понятная. Общие выводы по результатам полученных данных следующие: «нейтральный» характер иноязычной, в данном случае немецкой речи не опознаваем однозначно. Эмоционально маркированные тексты были восприняты частично с противоположным знаком, это относится, прежде всего, к «позитивным» текстам. Эксперты сообщили, что они могли воспринять «эмоционально беспокойную» речь, но внутри нее затруднялись различать «положительную» и «отрицательную».

Для каждой данной пары языков можно поставить условия и характер восприятия звучащей речи одного языка «на фоне» другого и характер базовых единиц эмоционального восприятия речи. Теоретической основой для экспериментальных исследований является для нас положение Е.Н. Винарской об эмоционально – выразительных тембровых комплексах речи, складывающихся на очень ранних этапах речевого онтогенеза и функционирующих в процессе порождения и восприятия речи взрослого человека [3]. Сопоставление этих комплексов может объяснить предпосылки эмоционального характера восприятия речи. Параметрами, ответственными за передачу эмоционального состояния в речи, являются, прежде всего, мелодические признаки ударных слогов, для которых нами используется термин «мелодический знак», частотность восходящих и нисходящих мелодических знаков, а также ритмические параметры речи.

Для системного анализа звучащей речи с точки зрения выражения в ней эмоциональности выбраны ритмико-интонационные параметры: паузы, ударность, характеристика мелодического знака. Об усилении эмоциональности свидетельствует изменение частотности ударности и интенсивности мелодических признаков с определенным знаком (восходящий или нисходящий).

Проведение аудитивного анализа экспериментального материала носило индивидуальный характер. В работе аудиторы использовали апробированную ранее схему, разработанную при Научно-методическом фонетическом центре Воронежского государственного университета. Каждому аудитору были предложены для прослушивания видеозаписи речи:

1. отметить паузы - /;
2. отметить в каждой фразе ударный слог (или слоги);

3. определить направление движения мелодики на ударных слогах;

4. определить характер выраженной эмоции, т. е. оценить каждый отдельный текст знаком /э+/, /э-/ с точки зрения положительной или отрицательной эмоции; отсутствие эмоций / н-/.

Рассмотрим общую схему признаков передачи положительных эмоциональных состояний с нарастанием степени эмоционального состояния: для спокойной (ненапряженной) русской речи характерно равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2-3 слога. В русском языке в менее напряжённой речи ударность, как правило, приходится на слоги, стоящие в середине фразы, а кульминационное ударение стоит на последнем слоге. Нарушение этих закономерностей, которое происходит скорее в сторону увеличения дистанций, создает впечатление раздражения, угрозы и иных негативных впечатлений. При нарастании напряжения русской речи увеличивается темп речи. Увеличение количества восходящих мелодических знаков свидетельствует о нарастании позитивной эмоциональности в речи. Негативные эмоциональные состояния выражаются с участием нисходящих мелодий [8].

Рассмотрение указанных признаков звучащей речи значимо для пользования русским языком как неродным. При устном переводе важной информацией для тренинга является характеристика данных признаков в иностранном языке. В отношении немецкой речи можно, в общем, сделать вывод о том, что частота ударных слогов, превосходящая средние показатели, сигнализирует о повышении эмоционального напряжения и в целом о негативном характере этого напряжения. Эти акцентные показатели разрушают ритмическую канву привычной, «нейтральной» речи и этим создают некое беспокойное, отрицательное напряжение. При возрастании положительного настроения говорящего или его желании продемонстрировать таковой в звучащей речи (например, в звучащих текстах рекламы) наблюдается тенденция к уменьшению доли ударностей с восходящим мелодическим знаком и увеличению нисходящих мелодических знаков в конце ритмических групп [5, с. 81-84].

Результаты аудитивного анализа испанской звучащей речи позволяют заключить, что в речи испанцев при выражении положительной эмоции преобладает знак повышения тона голоса на ударных слогах; отрицательная эмоция в речи испанцев может быть выражена понижением тона голоса на ударных слогах.

Восприятие коммуникативных типов высказывания

Интонация как сложное многокомпонентное явление речи представляет наибольшую трудность при освоении неродного (иностранного) языка. Владение всеми оттенками эмоционально окрашенной интонации на родном и иностранном языке представляет собой феномен, заслуживающий внимания в теоретическом плане и в лингводидактическом аспекте. Обратимся к базовым понятиям в области интонации. Их можно рассматривать в плане участия единиц супraseгментного уровня в процессе порождения и восприятия речи и в плане их воздействия на ситуацию общения.

Система экспрессивных средств речи сопряжена определенным образом с системой интоном. По нашей гипотезе, усиление при этом дифференциальных для этой системы признаков маркирует положительные эмоциональные состояния, интенсификация интегральных признаков означает проявление отрицательных эмоциональных состояний. Иначе говоря, система интоном сопряжена с системой выражения базовых эмоций на основе

дифференциальных признаков интонации данного языка. В речевом онтогенезе можно проследить становление системы интоном в связи с формирующейся на ранней стадии онтогенеза системой эмоционально – экспрессивных средств речи.

Дифференциальные признаки интоном коррелируют определённым способом с тембровыми комплексами в родном языке, что и объясняет эмоциональный характер восприятия нарушений дифференциальных признаков интоном родной речи. Для пары языков немецкий и русский нами определены эти предпосылки и характер восприятия звучащей речи, начиная от диапазона голоса и рассматривая далее соотношение дифференциальных признаков интоном (терминальность, интеррогативность, прогредиентность) с экспрессивными средствами речи. Рассматриваемая пара языков представляет собой пример рельефно выраженных различий на уровне экспрессивных базовых средств с отражением этих различий при восприятии звучащей речи, в том числе при восприятии дифференциальных признаков интонационных единиц. Интонация как естественная среда существования звучащей речи не осознаётся человеком при общении, при его нахождении и деятельности в языковой среде, она обладает многими функциями, системное описание которых ещё не сложилось. Дифференциальные признаки коммуникативных типов высказываний относятся к лингвистическим, т.е. к системным языковым. Эти признаки не могут считаться паралингвистическими. Они реализуются как необходимые для коммуникации, имеют определённую локализацию на линейной протяженности фразы и узнаются в соответствующем типе высказывания независимо от целого ряда интегральных признаков. Восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в эмоциональном ключе во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках. Иначе говоря, если на уровне дифференциальных признаков фоном происходит – при их нарушении - искажение семантики информации, то при искажении дифференциальных признаков супraseгментного уровня включается эмоциональный фактор, т.е. любые искажения признаков супraseгментного уровня воспринимаются в эмоциональном ключе. Исследования Е.В. Лукьянчиковой о восприятии дифференциальных признаков интонации немецкого и русского языков экспериментально подтверждают это положение на материале этих двух языков. Немецкие фразы с интонацией завершения (терминальности) в экспериментах на восприятие их носителями русского языка (с привлечением большого количества испытуемых) почти без исключений были восприняты в эмоциональном ключе, а именно как категоричные [7]. Перенос интонационных признаков завершения из русского языка в немецкий как факт интерференции придавал этим фразам с точки зрения носителей немецкого языка эмоциональный оттенок неуверенности, сомнения в содержании высказываний.

Заключение

Экспериментальные данные подтверждают выдвигаемые положения об эмоциональном характере восприятия иноязычной речи. При этом можно выделить два аспекта: 1. признаки эмоционально окрашенной иноязычной речи могут восприниматься с иными, иногда противоположными эмоциональными значениями; 2. нарушения системных лингвистических признаков иноязычной звучащей речи, в первую очередь дифференциальных признаков интоном, отвечающих за характеристику коммуникативных типов высказывания (завершенность, вопросительность, прогредиентность), воспринимаются в эмоциональном ключе.

Литература

1. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В. Проект Психолингвистическое изучение звучащей речи // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 240-255. URL: https://iling-ran.ru/library/voprosy/33/19_Velichkova-idr.pdf (дата обращения: 03.12.2020).
2. Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. 1976. М.: Изд-во Московского государственного университета, 142 с.
3. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста: (на материале русской поэзии). 2003. В.: Воронежский государственный университет, 171 с.
4. Изард К.Е. Эмоции человека. 1980. М.: Изд-во Московского государственного университета, 440 с.
5. Кириченко Н.В. Эмоциональность звучащего рекламного текста (на материале немецкой телевизионной рекламы). 2012. В.: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 111 с.
6. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. 1981. М.: Наука, 215 с.
7. Lukjančikova E. Das Merkmal der intonatorischen Abgeschlossenheit im Deutschen und im Russischen // Internazionali Phonetischen Symposium "Klangsprache Im Fremdsprachenunterricht" (g. Woronesh, 02-04 oktyabrya 1998 g.). W.: Publ. VGU, 1998, P. 13–19.
8. Stock E., Veličkova L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen // *Phonus*. 2002. S.: Peter Lang, P. 294-319.

References

1. Velichkova L.V., Abakumova O.V., Petrochenko E.V., Voropaeva I.V. Proekt Psikholingvisticheskoe izuchenie zvuchashchei rechi. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, no. 3 (33), pp. 240-255. Available at: https://iling-ran.ru/library/voprosy/33/19_Velichkova-idr.pdf (Accessed 03.12.2020). (In Russ.).
2. Vilyunas V.K. Psikhologiya emotsional'nykh yavlenii. 1976. Moscow: Publ. Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 142 p. (In Russ.).
3. Vinarskaya E.N. Vyrazitel'nye sredstva teksta: (na materiale russkoi poezii). 2003. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 171 p. (In Russ.).
4. Izard K.E. Emotsii cheloveka. 1980. Moscow: Publ. Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 440 p. (In Russ.).
5. Kirichenko N.V. Emotsional'nost' zvuchashchego reklamnogo teksta (na materiale nemetskoi televizionnoi reklamy). 2012. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 111 p. (In Russ.).
6. Simonov P.V. Emotsional'nyi mozg. 1981. Moscow: Nauka, 215 p. (In Russ.).
7. Lukjančikova E. Das Merkmal der intonatorischen Abgeschlossenheit im Deutschen und im Russischen // Internazionali Phonetischen Symposium "Klangsprache Im Fremdsprachenunterricht" (g. Woronesh, 02-04 oktyabrya 1998 g.). Woronesh: Publ. VGU, 1998, pp. 13–19.
8. Stock E., Veličkova L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen. *Phonus*, 2002. Saarbrücken: Peter Lang, pp. 294-319.

Абакумова О.В., Величкова Л.В.
Эмоциональная составляющая устной межкультурной
коммуникации
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 4–13.

Abakumova O.V., Velichkova L.V.
The Emotional Component of Verbal Intercultural
Communication
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 4–13.

Информация об авторах

Абакумова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Величкова Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

Information about the authors

Olga V. Abakumova, PhD, associate professor in Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Ljudmila V. Velichkova, Doctor of philology, Professor in Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@mail.ru

Получена 11.01.2021

Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021

Accepted 25.01.2021

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE
STUDY OF LANGUAGES AND CULTURES

ИКТ в домашних заданиях как способ повышения познавательного интереса школьников при изучении китайского языка

Бутовская З.С.

ГБОУ «Школа «Покровский квартал», Институт образования НИУ ВШЭ г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-7112>, e-mail: zsbutovskaya@edu.hse.ru

Школы все активнее вводят в свои программы изучение китайского языка как второго иностранного. Учитывая специфику предмета (иероглифику, тональность), количество урочного времени (для непрофильных классов два часа в неделю) и число учеников в классе (в среднем 10 человек), добиться обозначенных во ФГОС образовательных результатов можно лишь сочетая классную работу с выполнением домашних заданий. В исследовании сделана попытка проследить связь интеграции ИКТ в домашние работы и повышения познавательного интереса школьников к изучению китайского языка. Для этого в 2019-2020 учебном году было проведено педагогическое исследование, в котором приняли участие четыре учителя китайского языка и 44 ученика 7-х классов трех государственных бюджетных общеобразовательных учреждений г. Москвы. Результаты исследования показали, что сама по себе интеграция ИКТ в домашние работы не привела к однозначному росту интереса к предмету. Тем не менее, домашние работы в электронном формате могли стать причиной повышения «интересности» занятий.

Ключевые слова: Познавательный интерес, домашние задания, ИКТ, информационно-коммуникационные технологии, китайский язык.

Для цитаты: Бутовская З.С. ИКТ в домашних заданиях как способ повышения познавательного интереса школьников при изучении китайского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 14–27. DOI:10.17759/langt.2021080102

ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive Interest of Students in Learning Chinese

Zinaida S. Butovskaya

GBOU "School" Pokrovsky quarter ", Institute of Education HSE, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-7112>, e-mail: zsbutovskaya@edu.hse.ru

In recent years, Russian schools have increasingly introduced Chinese as a second foreign language in their programs. Given the specificity of the object (characters, tone), the number of fixed lessons (for non-core classes two hours per week) and the number of students per class (average 10 people) educational outcomes, identified in the GEF, can be achieved only by combination of classwork and homework. The study attempts to trace the connection between the integration of ICT in homework and increasing the cognitive interest of schoolchildren while learning Chinese. For this purpose, in the 2019-2020 academic year, a pedagogical study was conducted in which four Chinese language teachers and 44 7th-grade students from three state-funded General education institutions in Moscow took part. The results showed that the integration of ICT in homework itself did not lead to an unambiguous increase in interest in the subject. Nevertheless, electronic homework could have caused an increase in the entertainment quality of the assignments.

Keywords: Cognitive interest, homework, ICT, information and communication technologies, Chinese.

For citation: Butovskaya Z.S. ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive Interest of Students in Learning Chinese. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 14–27. DOI:10.17759/langt.2021080102 (In Russ.).

Введение и постановка проблемы

Изучение китайского языка в России имеет долгую историю. Согласно историческим данным, его учили уже во времена Петра I. Сегодня обучение китайскому выходит на новый уровень. Этому способствует ряд факторов: укрепление российско-китайского стратегического сотрудничества, рост экономических связей между Россией и Китаем, появление на российском рынке крупных китайских компаний, доступность высшего образования в КНР.

Перспективность китайского языка обеспечивает повышение его престижа среди школьных предметов. Российские школы все чаще вводят китайский язык в качестве второго иностранного в свои образовательные программы. Согласно Рособrnadzору, китайский язык изучают более 17 тысяч школьников в 24 регионах России, в 168 учебных учреждениях¹. Он включен в список предметов-участников Всероссийской школьной олимпиады, а в 2019 году был проведен первый ЕГЭ по китайскому языку.

В этих условиях появляется необходимость в разработке и апробации методических материалов, направленных на эффективное обучение китайскому языку школьников различных возрастных категорий. Во многих исследованиях инструментом повышения вовлеченности и академических успехов учащихся является домашняя работа [21]. Однако домашние задания не эффективны сами по себе – их результативность зависит от характеристик. Сегодня изучаются такие качества домашних заданий как их частота, цели, объем. Ведутся исследования эффективности заданий с применением ИКТ [21].

Согласно докладу ЮНЕСКО *Rethinking Pedagogy*, применение ИКТ на уроках способствует вовлечению учеников в образовательный процесс, повышает мотивацию и

¹ <https://rg.ru/2018/09/19/rosobrnadzor-kitajskij-izyuk-v-rossii-izuchaiut-bolee-17-tysiach-shkolnikov.html>

уровень удовлетворенности учебной [23]. Есть данные, согласно которым на академических результатах школьников положительно может сказаться и электронная домашняя работа [22]. Учитывая все более активную цифровизацию российских школ, использование на уроках современных технологий – ресурсов МЭШ, РЭШ, презентаций, аудио и видео материалов, представляется актуальным изучение взаимосвязи академических результатов школьников и домашних заданий с применением ИКТ.

Цель исследования – попытка проследить возможную взаимосвязь информационно-коммуникационных технологий с повышением интереса школьников к изучению китайского языка за счет интеграции ИКТ в домашние работы. Концепция исследования опирается на теоретическую рамку о том, что заинтересовать учащихся можно свежим, новым, еще неизвестным материалом, при этом обязательно связывая его с уже известным, прежним, усвоенным [8].

В данном исследовании в качестве «посредника» для передачи этой информации выбраны средства ИКТ. Исследование ставит целью ответы на следующие вопросы:

- Вызывают ли домашние задания с использованием средств ИКТ больший интерес, нежели классическая домашняя работа («сделать упражнение в рабочей тетради, выучить текст»)?
- Повышает ли использование средств ИКТ количество сданных в срок и выполненных в полной мере домашних работ, стремление тратить на них больше времени или выполнять их без оценки?
- Повышает ли наличие средств ИКТ общую удовлетворенность школьников домашними работами по китайскому и влияет ли на их интерес к предмету?

Объектом исследования выступает познавательный интерес школьников к изучению китайского языка, предметом – домашние работы по китайскому языку с применением средств ИКТ.

История вопроса

По мнению В. В. Давыдова, интересы являются одной из психологических предпосылок возникновения у школьника потребности в усвоении теоретических знаний [2]. Согласно Г. И. Щукиной, познавательный интерес часто выступает как средство обучения, средство активации познавательной деятельности, как эффективный инструмент, позволяющий педагогу делать процесс обучения привлекательным, выделять в нем именно те стороны, которые могут привлечь внимание учеников [13].

На важность интереса в образовательном процессе указывали Ян Амос Коменский и Жан Жак Руссо. Первый в своем труде «Великая дидактика» отмечал, что, прежде чем начать образовывать ученика, учителю стоит возбудить интерес к знанию и вызвать тем самым большую готовность «повиноваться своему наставнику» [5, с. 130]. Второй говорил: «Интерес – вот великий двигатель, единственный, который ведет верно и далеко» [9, с. 126].

Фридрих Герbart основной задачей учителя видел развитие всесторонних интересов у детей [3]. Джон Дьюи отмечал, что интерес влияет на качество учебы, так как он приводит учащегося в активное деятельностное состояние, базируется на реальном объекте, имеет высокое персональное значение [16].

Познавательный интерес активно рассматривается в работах советских и российских ученых. Так, К. А. Абульханова, Л. В. Славская, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, С. Л.

Рубинштейн затрагивают некоторые его аспекты в рамках изучения теории деятельности. Рассмотрению интереса в целостной структуре личности посвящены работы Б. Г. Ананьева, М. Ф. Беляева, Л. А. Гордона, Н. Г. Морозовой, В. И. Мясищева. Интерес как необходимый элемент активизация обучения, как мотив изучали А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Г. И. Щукина, А. Г. Громцева, Н. Г. Морозова, М. Ф. Морозова, Р. Г. Лемберг и М. Н. Скаткин. Познавательный интерес затрагивают в своих работах Ю.К. Бабанский, А. И. Савенков, А.Н. Подьяков [12].

На Западе волна исследований интереса как мотивации к учению начинается с выхода в Германии в 1974 году книги «Мотивация к обучению и приобретение мотивов» авторства Шифеле Х. [23]. Различные аспекты познавательного интереса затрагиваются в исследованиях Дэниеля Берлина, Джея Ханта, Эдварда Келлога Стронга-мл. и других. В настоящее время проблему исследуют Андреас Крапп, Энн Реннингер, Сюзанна Хиди, Ульрих Шифеле и другие [19].

По мнению Щукиной Г. И., интерес побуждает школьника заниматься с увлечением не только на уроке, но и в процессе подготовки домашнего задания [13]. А на современном этапе развития образования домашняя работа даже обладает преимуществом перед классной, потому что дает возможность ученику не только самостоятельно, в комфортном для него режиме выполнять учебные задания, но и пользоваться сетью Интернет для решения учебных задач [11].

Часто учителя, особенно в начальной и средней школе, назначают домашние задания в традиционном формате, и как правило продолжают использовать их в будущем [20]. Несмотря на то, что домашняя работа способствует социализации, развитию самостоятельного и критического мышления учащихся, на этапе основной школы по мере увеличения количества предметов и, соответственно, домашних заданий, учителя-предметники предъявляют все больше требований к их выполнению. Уровень мотивации школьников снижается, качество выполнения домашних заданий ухудшается [9].

В книге «Переосмысление домашней работы» Кэти Ваттеротт отмечает, что традиционный подход к выполнению домашних заданий не способствует учебным достижениям всех учеников. По мнению автора, при разработке современных домашних заданий педагогам необходимо давать задачи, которые учащиеся смогут выполнить без помощи взрослых, дифференцировать домашнюю работу в зависимости от индивидуальных потребностей учащегося, помнить о важности мотивации и ситуации успеха в деле выполнения домашней работы; задавать разумное количество работы, не злоупотребляя балансом между учебой и досугом; помнить, что не все учащиеся будут выполнять работу из дома [25].

Выполнению этих условий во многом способствует использование ИКТ-инструментов в домашних заданиях. Взаимодействие по схеме «преподаватель-компьютер-ученик» превращает учащегося из объекта обучения в субъект: он сам может выбирать время и место занятий, моментально получать обратную связь [10]. Возможность исправиться в ходе выполнения заданий положительно сказывается на результате выполнения и итоговой оценке [19].

Историк образования Ларри Кьюбан 30 лет назад указал на потенциал использования новых технологий в учебе, подчеркнув их пользу для индивидуального обучения, «избавления от скуки повторяющихся действий» и возможности делать доступным материал,

не использующийся в школьном классе [16]. А сегодня в докладе ЮНЕСКО «ИКТ-компетенция для учителей» подчеркивается важность развития у учителей навыков работы с информационно-коммуникационными технологиями, применения их для решения учебных задач и развития творческого подхода к использованию цифровых технологий. В цифровом веке эти навыки становятся частью подготовки граждан к полноценному участию в жизни общества [24].

Методология

Согласно гипотезе, применение средств ИКТ в домашних заданиях может повысить желание школьников выполнять их и повысить интерес к изучению предмета. Для проверки этого предположения в 2019-2020 учебном году было проведено педагогическое исследование, в котором приняли участие четыре учителя китайского языка и 44 ученика 7-х классов трех государственных бюджетных общеобразовательных учреждений г. Москвы. Два учителя и 22 школьника были участниками экспериментальной группы, другие два учителя и 22 ученика – контрольной группы.

Таблица 1

Описательные статистики педагогического исследования

	Группа интервенции		Группа контроля	
	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4
Количество человек пре-тест	15	7	11	11
Количество человек пост-тест	15	5	10	6

Исследование началось осенью 2019 года. На первом этапе, соответствовавшем середине первого учебного полугодия, учителей проинтервьюировали на предмет содержания, объема и частоты задаваемых домашних заданий по китайскому языку, которые они задают классу, а также использования в них ИКТ. Для учеников была составлена анкета из 20 вопросов закрытого и открытого типов, которую они анонимно заполнили в конце первого учебного полугодия. Целью опросника было выявить особенности процесса выполнения школьниками домашних работ, выраженные в показателях «регулярность выполнения домашних заданий», «содержание домашних заданий», «время выполнения домашних заданий», «дополнительные ресурсы для выполнения домашних заданий» и «отношение учащихся к домашним заданиям», «заинтересованность в интеграции ИКТ».

На втором этапе исследования учителя из экспериментальной группы разработали 10 домашних заданий с применением средств ИКТ, которые были предложены для выполнения ученикам в течение двух месяцев во втором учебном полугодии. Домашние задания учителей из контрольной группы остались без изменений.

При составлении домашних работ учителя опирались на психологическое правило выработки интереса, выведенное Л. С. Выготским: чтобы предмет нас заинтересовал, он должен быть связан с чем-либо интересующим нас, уже знакомым, и вместе с тем он должен всегда заключать в себе некоторые новые формы деятельности, иначе он останется безрезультатным [1], а также на мотивы обучения, выделенные В.Д. Лобашевым [6]:

- Непосредственно-побуждающие: основаны на эмоциональных побуждениях: яркость, новизна, занимательность; интересное преподавание. Для подкрепления этих мотивов была предпринята попытка разработать домашние задания с использованием ИКТ.
- Перспективно-побуждающие: основаны на понимании значимости знания вообще и учебного предмета в частности. Для подкрепления этих мотивов в некоторых домашних заданиях мы пытались обозначить личную значимость изучаемого материала. Так, проходя тему «имена» и конструкцию «Меня зовут...», учащимся было предложено с помощью онлайн-словарей (<https://bkrs.info/>) или мобильных приложений (Trainchinese) найти свое имя, записать его иероглифами и пиньинем. Для тех, кто уже знает свое имя и/или хочет углубить знания, предлагалось найти имена родственников или любимых актеров, писателей и других популярных персонажей. Также учащемуся объяснялось, в каких ситуациях эта информация может потребоваться (прохождение таможни во время путешествия в Китай, бронирование гостиницы, беседа с носителем языка о семье и так далее).
- Интеллектуально-побуждающие: основанные на ощущениях удовлетворения от самого процесса познания. Для подкрепления этих мотивов мы пытались создать сильную проблемную ситуацию, разрешение которой приносило бы ученику чувство удовлетворения. Например, выполняя некоторые задания, составленные в приложении LearningApps.org, ученики могли проходить их несколько раз, «до победного результата», и оценка ставилась по факту выполнения задания, а не по итогам первой попытки. Также были задания с открытыми вопросами, когда любой ответ ученика засчитывался как правильный. Например, посмотреть видео о Китае, выписать географические названия, поделиться мнением, куда хотели бы поехать, почему и так далее.

Чтобы выявить динамику и качество выполнения домашних заданий с применением ИКТ, учителя из экспериментальной группы фиксировали характер выполнения домашних заданий, а учащимся было предложено вновь ответить на вопросы из той же анкеты.

В конце исследования учителя из экспериментальной группы поделились наблюдениями относительно динамики и качества выполнения домашних работ с использованием ИКТ. Школьники из контрольной группы повторно ответили на вопросы анкеты, выданной им ранее.

Из-за перехода на дистанционное обучение весной 2020 года повторное анкетирование было проведено в удаленном цифровом формате посредством сервиса «Google Формы». Несмотря на то, что из-за специфики дистанционного формата во втором анкетировании приняло участие на 8 учеников меньше (в первом полугодии их количество составило 44 человека, во втором полугодии – 36), предполагается, что полученные данные можно использовать в дальнейшем изучении вопроса интеграции средств ИКТ в процесс обучения китайскому языку.

Результаты

В результате интеграции ИКТ в домашние работы роста интереса к предмету зафиксировано не было. Такой вывод можно сделать на основе постопроса учителей и повторного анкетирования учащихся (таблица 2). Тем не менее, именно электронный формат работы мог повысить «интересность» занятий в экспериментальных группах (таблица 3).

Таблица 2

Сводные результаты экспериментальной и контрольной групп до и после интервенции

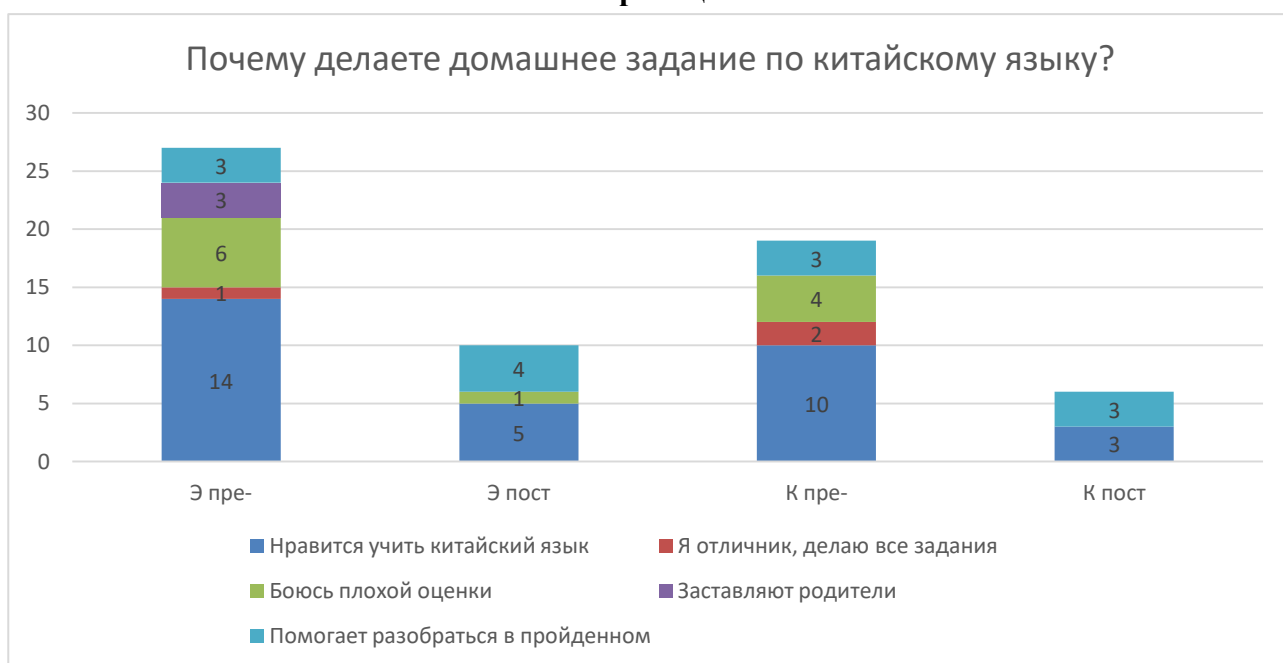

Таблица 3

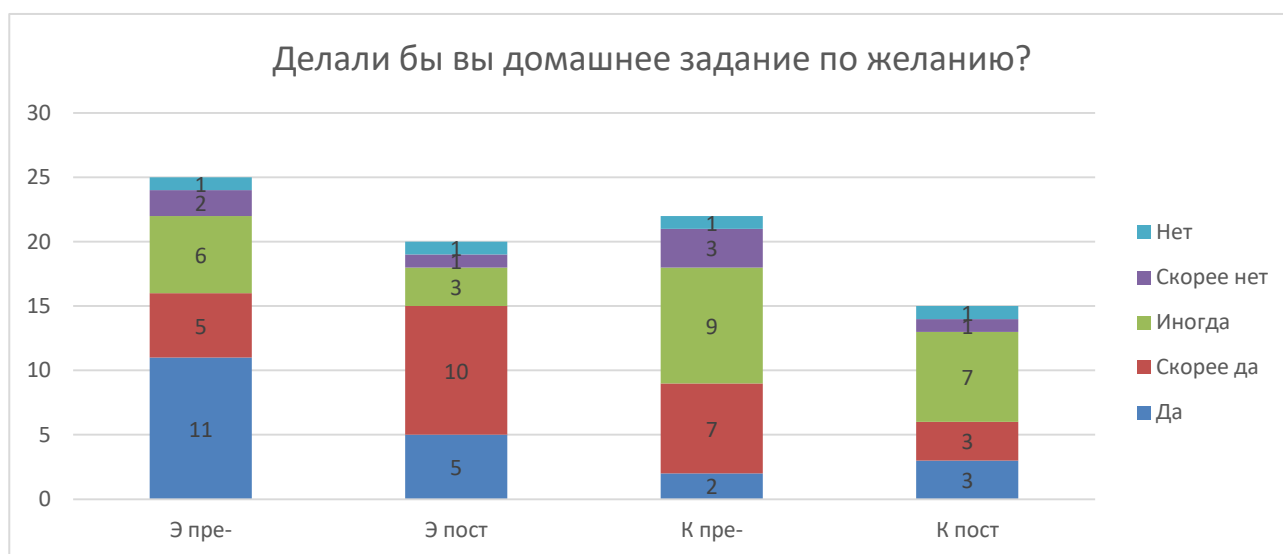
Сводные результаты экспериментальной и контрольной групп до и после интервенции

В группах, где ученики высоко оценили «интересность» заданий, желание делать домашние работы без оценок выше. Однако наличие заданий с применением ИКТ не повлияло на желание школьников делать домашнее задание дольше или без оценок (таблица 4).

Таблица 4

Сводные результаты оценки желания делать домашние работы

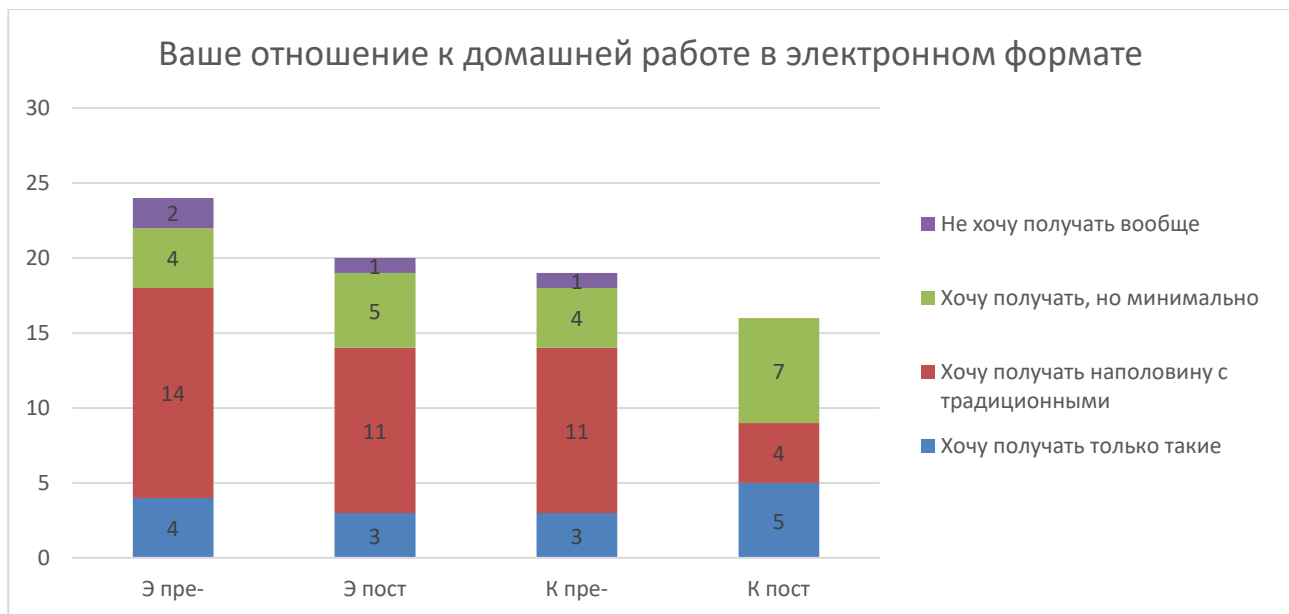
В группах, где в домашних заданиях применялись ИКТ, от учащихся не было получено комментариев относительно желания получать от учителя более тщательную проверку их домашних заданий. Это может говорить о том, что электронные задания за счет мгновенного вывода результатов дают ученику ощущение обратной связи, тем самым повышая удовлетворенность от выполненного задания.

Связи между внедрением в домашние задания ИКТ и повышением регулярности ее своевременного выполнения обнаружено не было. В экспериментальных группах активность либо осталась прежней, либо немного упала, в то время как в одной из контрольных групп она повысилась.

Несмотря на то, что многие учащиеся положительно относятся к электронным заданиям, нельзя сказать, что такой формат работы является для них наиболее желаемым. И в контрольных, и в экспериментальных классах были те, кто хотел бы получать электронные домашние работы (видео, аудио, игры, интерактивные задания), и те, кто отдавал предпочтение традиционным формам (составлять диалоги, читать и учить тексты, прописывать иероглифы) (табл. 5). В большинстве случаев ученики хотели бы иногда получать электронные задания наполовину с традиционными.

Таблица 5

Сводные результаты экспериментальной и контрольной групп до и после интервенции

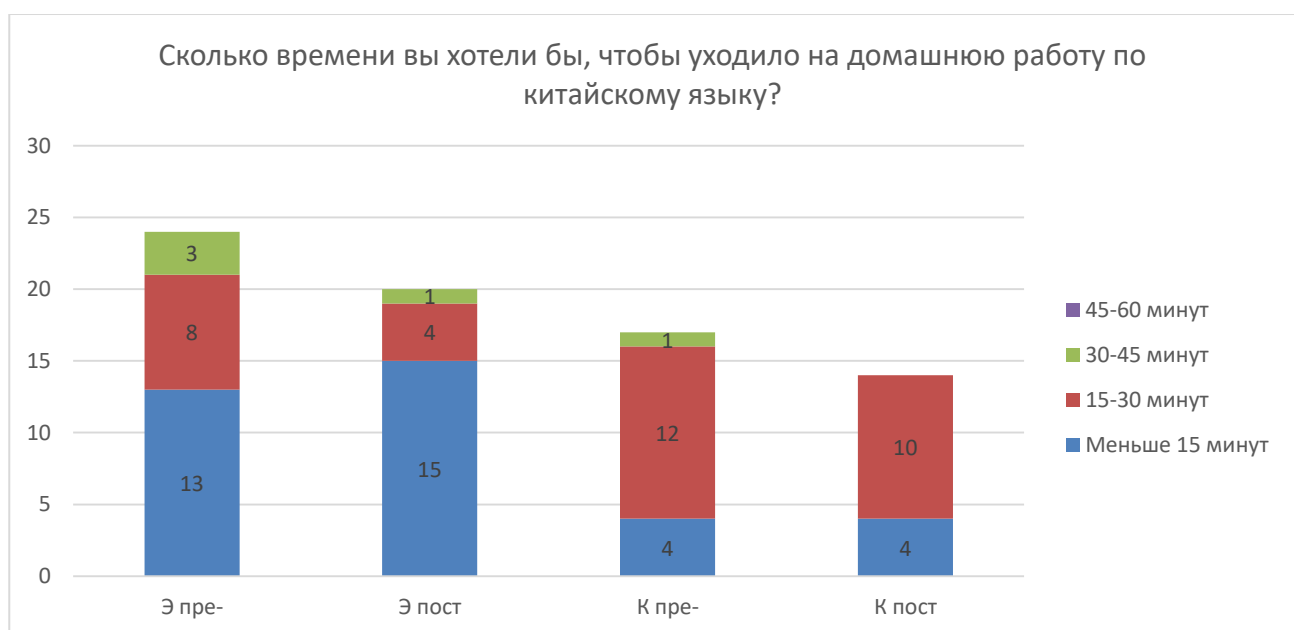

Время выполнения домашних заданий

Интеграция ИКТ в домашние работы не повлияла на скорость их выполнения (табл. 6). Большинство учеников по-прежнему тратили на домашние работы 15-30 минут, в то время как хотели бы, чтобы на них уходило менее 15 минут.

Таблица 6

Сводные результаты экспериментальной и контрольной групп до и после интервенции

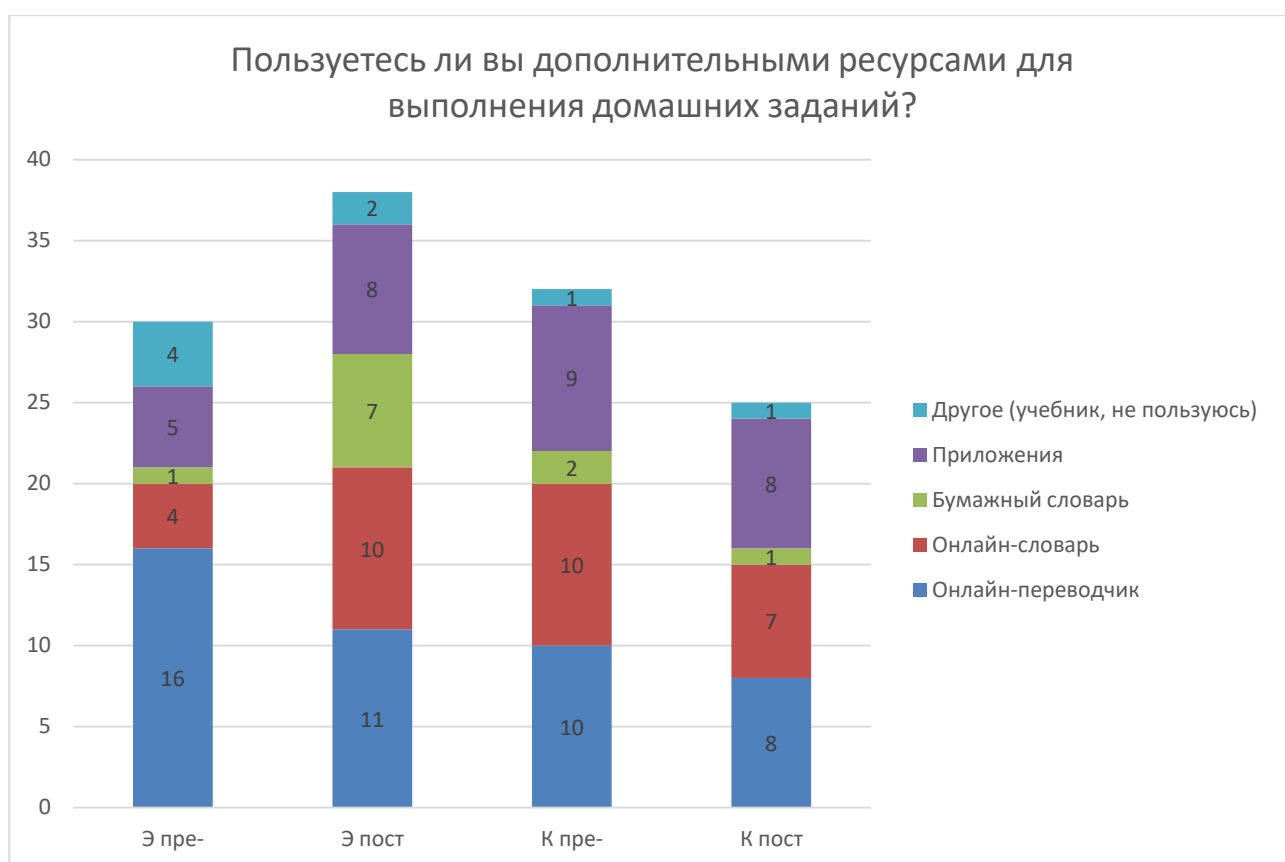

Дополнительные ресурсы для выполнения домашних заданий

В группах, где в домашние задания были интегрированы ИКТ, стали чаще использовать словари (бумажные и электронные), в то время как количество обращений к онлайн-переводчику сократилось (табл. 7). Это может говорить о повышении поисковой активности учащихся и частичном повышении интереса к предмету, стремлении разобраться в нем.

Таблица 7

Сводные результаты экспериментальной и контрольной групп до и после интервенции

Заключение

Целью исследования была попытка проследить связь между домашними заданиями с использованием ИКТ и познавательным интересом школьников к китайскому языку. С одной стороны, интеграция ИКТ в домашние работы не привела к подтвержденному анкетами или интервью росту интереса к предмету. Повышения скорости или регулярности своевременного выполнения заданий не было обнаружено. Многие учащиеся положительно относятся к электронным заданиям, однако такой формат работы не является наиболее желаемым.

С другой стороны, внедрение электронных работ могло повысить «интересность» занятий в экспериментальных группах. В группах, где ученики высоко оценили «интересность» заданий, было выше желание делать домашние работы без оценок. В экспериментальных

Бутовская З.С.
ИКТ в домашних заданиях как способ повышения
познавательного интереса школьников при
изучении китайского языка
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 14–27.

Butovskaya Z.S.
ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive
Interest of Students in Learning Chinese
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 14–27.

группах учащиеся не жаловались на отсутствие тщательной проверки заданий со стороны учителя. Это может говорить о том, что электронные задания за счет мгновенного вывода результатов дают ученику ощущение обратной связи, тем самым повышая удовлетворенность от выполненного задания. Также в группах с ИКТ-заданиями стали чаще использовать словари, что может указывать на повышение поисковой активности учащихся и частичном росте интереса к предмету, стремлении разобраться в нем.

Таким образом, по мере все более активного включения средств информационно-коммуникативных технологий в образовательный процесс представляется актуальным дальнейшее изучение вопроса о том, какую роль внедрение ИКТ в домашние задания может сыграть для формирования у школьников интереса к тому или иному предмету, в частности, к изучению второго иностранного языка.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. 2008. М.: АСТ Астрель Хранитель, 671 с.
2. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. 1996. М.: ИНТОР, 544 с.
3. *Джуринский А.Н.* История зарубежной педагогики. 1998. М.: ФОРУМ, 272 с.
4. *Загвязинский В.И.* Исследовательская деятельность педагога. 2010. М.: Издательский центр «Академия», 176 с.
5. *Колесникова К.* Рособнадзор: Китайский язык в России изучают более 17 тысяч школьников [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/09/19/rosobrnadzor-kitajskij-iazuk-v-rossii-izuchaiut-bolee-17-tysiach-shkolnikov.html> (дата обращения: 18.12.2020).
6. *Коменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения. В 3 т. Т. 1: Великая дидактика. 1939. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОМПРОСА РСФСР, 318 с.
7. *Лобашев В.Д.* Формирование познавательного интереса в процессе обучения [Электронный ресурс] // Школьные технологии. 2010. № 2. С. 118-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-poznavatel'nogo-interesa-v-protsessah-obucheniya/viewer> (дата обращения: 18.12.2020).
8. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2000. СПб: «Питер». 712 с.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения. В 2 т. Т.1. 1981. М.: «Педагогика». 653 с.
10. *Тагунова И.А.* Домашняя работа за рубежом: теория и практика [Электронный ресурс] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. №4 (69) URL: http://ozp.instrao.ru/images/2020/OZP_4.1.69.2020.pdf (дата обращения: 18.12.2020).
11. *Титова С.В.* Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. 2014. М.: «Издательство ИКАР». 240 с.
12. *Ускова И.В.* Дидактические основания домашней учебной работы в основной школе в условиях современной информационно-образовательной среды [Электронный ресурс] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. №2 (59). URL: http://ozp.instrao.ru/images/nomera/OZP_2_1_59_2019_compressed.pdf (дата обращения: 18.12.2020).
13. *Шевченко О.Н.* Познавательный интерес как ценность университетского образования: монография. 2007. Ч.: ИПК ОГУ. 149 с.

Бутовская З.С.
ИКТ в домашних заданиях как способ повышения
познавательного интереса школьников при
изучении китайского языка
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 14–27.

Butovskaya Z.S.
ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive
Interest of Students in Learning Chinese
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 14–27.

14. *Щукина Г.И.* Проблема познавательного интереса в педагогике. 1971. М.: Педагогика. 352 с.
15. *Cooper H.* Does Homework Improve Academic Achievement? A Synthesis of Research // Review of Educational Research. 2006. Vol. 76. № 1. P. 1-62. DOI:10.3102/00346543076001001.
16. *Cuban L.* Teachers and machines: the classroom use of technology since 1920. N.Y.: Teachers College Press Columbia University, 144 p.
17. *Dewey J.* Interest and effort in education. 1913. С.-М.: Houghton Mifflin Co., The Riverside Press Cambridge. 111 p.
18. *Ismail M., Mokhtar W. Z., Nasir N. N., Rashid N. R., Ariffin A. K.* The development of a web-based homework system (WBH) via TCExam // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 5. № 15. P. 249-255. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n15p249
19. *Krapp A., Prenzel M.* Research on interest in science: Theories, methods, and findings // International Journal of Science Education. 2011. № 33(1). P. 27-50. DOI: 10.1080/09500693.2011.518645.
20. *Magalhães P., Ferreira D., Cunha J., Rosário P.* Online vs traditional homework: A systematic review on the benefits to students' performance // Computers & Education. 2020. Vol. 152. P. 1-17. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.103869
21. *Mendicino M., Razaq L., Heffernan N. A.* Comparison of Traditional Homework to Computer-Supported Homework // Journal of Research on Technology in Education. 2009. Vol. 41. № 3. P. 331-359. DOI: 10.1080/15391523.2009.10782534.
22. *Mochizuki Y., Santillan-Rosas I.* Rethinking Pedagogy: Exploring the Potential of Digital Technology in Achieving Quality Education. 2019. N.D.: Mahatma Gandhi Institute of Education for Peace and Sustainable Development. 180 p.
23. *Schiefele U.* Interest, Learning, and Motivation // Educational Psychologist. 1991. Vol. 26. № 3-4. P. 299–323. DOI: 10.1207/s15326985ep2603&4_5.
24. *UNESCO.* ICT Competency Framework for Teachers. 2018. P.: UNESCO. 68 p.
25. *Vatterott C.* Rethinking homework: Best Practices That Support Diverse Needs. 2009. Alexandria, VA: ASCD. 180 p.

References

1. Vygotskii L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya [Educational psychology]. 2008. Moscow: AST Astrel Khranitel Publ., 671 p. (In Russ.).
2. Davydov V.V. Teoriya razvivayushchego obucheniya [Theory of developmental learning]. 1996. Moscow: INTOR Publ., 544 p. (In Russ.).
3. Dzhurinskii A.N. Istoriya zarubezhnoi pedagogiki [History of foreign pedagogy]. 1998. Moscow: FORUM Publ., 272 p. (In Russ.).
4. Zagvyazinskii V.I. Issledovatel'skaya deyatelnost' pedagoga [Research activity of the teacher]. 2010. Moscow: Akademiya Publ., 176 p. (In Russ.).
5. Kolesnikova K. Rosobrnadzor: Kitaiskii yazyk v Rossii izuchayut bolee 17 tysyach shkol'nikov (2018) [The Chinese language in Russia is studied by more than 17 thousand schoolchildren] *Internet-portal «Rossiiskoi gazety»*. Available at: <https://rg.ru/2018/09/19/rosobrnadzor-kitajskij-izyuk-v-rossii-izuchaiut-bolee-17-tysiach-shkolnikov.html> (Accessed 18.12.2020) (In Russ.).

6. Komenskii, Y.A. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: V 3 t. T. 1 [Collected Works: in 3 vol. Vol. 1] Velikaya didaktika [The Great Didactics] 1939. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR Publ., 318 p. (In Russ.).
7. Lobashev V.D. Formirovanie poznavatel'nogo interesa v protsesse obucheniya [Formation of cognitive interest in the learning process]. *Shkol'nye tekhnologii=School technology*, 2010, no. 2, pp. 118-129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-poznavatel'nogo-interesa-v-protsessah-obucheniya/viewer> (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).
8. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of general psychology]. 2000. Saint Petersburg: Piter Publ., 712 p. (In Russ.).
9. Russo Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]. 1981. Moscow: Pedagogika Publ., 653 p. (In Russ.).
10. Tagunova I.A. Domashnyaya rabota za rubezhom: teoriya i praktika [Home work abroad: theory and practice], *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika Publ.*, 2020, no. 4 (69). Available at: http://ozp.instrao.ru/images/2020/OZP_4.1.69.2020.pdf (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).
11. Titova S.V. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v gumanitarnom obrazovanii: teoriya i praktika [Information and communication technologies in humanitarian education: theory and practice]. 2014. Moscow: IKAR Publ., 240 p. (In Russ.).
12. Uskova I.V. Didakticheskie osnovaniya domashnei uchebnoi raboty v osnovnoi shkole v usloviyakh sovremennoi informatsionno-obrazovatel'noi sredy [Didactic bases of home educational work in the main school in the conditions of modern information and educational environment], *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika Publ.*, 2019, no. 2 (59). Available at: http://ozp.instrao.ru/images/nomera/OZP_2_1_59_2019_compressed.pdf (Accessed 18.12.2020). (In Russ.).
13. Shevchenko O.N. Poznavatel'nyi interes kak tsennost' universitetskogo obrazovaniya [Cognitive interest as the value of university education]. 2007. Chelyabinsk: IPK OGU Publ., 149 p. (In Russ.).
14. Shchukina G.I. Problema poznavatel'nogo interesa v pedagogike [The problem of cognitive interest in pedagogy]. 1971. Moscow: Pedagogika Publ., 352 p. (In Russ.).
15. Cooper H. Does Homework Improve Academic Achievement? A Synthesis of Research, *Review of Educational Research*, 2006. Vol. 76, no. 1. pp. 1-62. DOI:10.3102/00346543076001001.
16. Cuban L. Teachers and machines: the classroom use of technology since 1920. New York: Teachers College Press Columbia University, 144 p.
17. Dewey J. Interest and effort in education. 1913. Cambridge-Massachusetts: Houghton Mifflin Co., The Riverside Press Cambridge. 111 p.
18. Ismail M., Mokhtar W. Z., Nasir N. N., Rashid N. R., Ariffin A. K. The development of a web-based homework system (WBH) via TCEexam, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, Vol. 5, no. 15. pp. 249-255. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n15p249
19. Krapp A., Prenzel M. Research on interest in science: Theories, methods, and findings, *International Journal of Science Education*, 2011, no. 33(1), pp. 27-50. DOI: 10.1080/09500693.2011.518645.
20. Magalhães P., Ferreira D., Cunha J., Rosário P. Online vs traditional homework: A systematic review on the benefits to students' performance, *Computers & Education*, 2020. Vol. 152, pp. 1-17. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.103869.

Бутовская З.С.
ИКТ в домашних заданиях как способ повышения
познавательного интереса школьников при
изучении китайского языка
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 14–27.

Butovskaya Z.S.
ICT in Homework as a Way to Increase the Cognitive
Interest of Students in Learning Chinese
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 14–27.

21. Mendicino M., Razzaq L., Heffernan N. A. Comparison of Traditional Homework to Computer-Supported Homework, *Journal of Research on Technology in Education*, 2009. Vol. 41, no. 3, pp. 331-359. DOI: 10.1080/15391523.2009.10782534.
22. Mochizuki Y., Santillan-Rosas I. Rethinking Pedagogy: Exploring the Potential of Digital Technology in Achieving Quality Education. 2019. New Delhi: Mahatma Gandhi Institute of Education for Peace and Sustainable Development. 180 p.
23. Schiefele U. Interest, Learning, and Motivation, *Educational Psychologist*, 1991. Vol. 26, no. 3-4, pp. 299–323. DOI: 10.1207/s15326985ep2603&4_5.
24. UNESCO. ICT Competency Framework for Teachers. 2018. Paris: UNESCO. 68 p
25. Vatterott C. Rethinking homework: Best Practices That Support Diverse Needs. 2009. Alexandria, VA: ASCD. 180 p.

Информация об авторах

Бутовская Зинаида Сергеевна, учитель китайского языка ГБОУ г. Москвы «Школа «Покровский квартал», магистрант второго года обучения программы «Педагогическое образование», Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЕ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-7112>, e-mail: zsbutovskaya@edu.hse.ru

Information about the authors

Zinaida S. Butovskaya, Chinese language teacher, Moscow's state budgetary educational institution «Pokrovsky District school», second year master student of the programme Pedagogy, Institute of Education of National Research University Higher School of Economics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-7112>, e-mail: zsbutovskaya@edu.hse.ru

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021

О гениальной политической прозорливости Ф.М. Достоевского

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Любое государство движется к прогрессу силами и чаяниями, мыслями и трудами лучших сынов, направляющих страну, определяющих ее путь. Ф.М. Достоевский был не только писателем, философом, тонким психологом, но и государственным деятелем. Известно много работ, где он рассуждает о месте России в мире, о необходимости занять более высокое и прочное положение, о необходимости образования и обустройства российских территорий, и многие слова Ф.М. Достоевского удивляют точностью предвидения и обозначения широкого круга задач, стоящих перед его родиной.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, дневники писателя, политическая прозорливость и предвидение писателя-философа и писателя-мыслителя, взаимоотношения России и Европы.

Для цитаты: Махмудова С.М. О гениальной политической прозорливости Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 28–34. DOI:10.17759/langt.2021080103

About the Brilliant Political Insight of F.M. Dostoevsky

Svetlana M. Mahmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Any state moves towards progress with the strength and aspirations, thoughts and works of the best sons who guide the country and determine its path. F.M. Dostoevsky was not only a writer, philosopher, subtle psychologist, but also a statesman. Many works are known where he discusses the place of Russia in the world, the need to take a higher and more stable position, the need for the education and development of Russian territories, and many words of F.M. Dostoevsky is surprised by the accuracy of foresight and designation of a wide range of tasks facing his homeland.

Keywords: F.M. Dostoevsky, the writer's diaries, political insight and foresight of the writer-philosopher and writer-thinker, relations between Russia and Europe.

For citation: Mahmudova S.M. About the Brilliant Political Insight of F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 28–34. DOI:10.17759/langt.2021080103 (In Russ.).

Предметом нашего анализа являются дневники Ф.М. Достоевского, так как в дневниках писатель, на наш взгляд, наиболее откровенен, - здесь он излагает свои взгляды на будущее России, ее роль, собственную точку зрения на миссию русского народа, как видит ее мыслитель.

В главе XVI **Одна из современных фальшей** Дневника за 1873 год Ф.М. Достоевский пишет: *«Разве может русский юноша остаться индифферентным к влиянию этих предводителей европейской прогрессивной мысли и им подобных, и особенно к русской стороне их учений? Это смешное слово «о русской стороне их учений» пусть мне простят, единственно потому, что эта русская сторона этих учений существует действительно. Состоит она в тех выводах из учений этих в виде несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России...»*.

«Только в России...!» - пишет Федор Михайлович, выделяя особое место России в мире, подчеркивая, что Россия – другая, отличная от других стран, идущая своим собственным, ни на что другое не похожим путем. Он пытается понять, определить и объяснить спектр развития России, еще только находящейся на пути самоопределения. Это потом будут и революции, и новый для всего мира политический строй, впервые разработанный и испытанный Россией.

«Я на днях мечтал, например, о положении России как великой европейской державы, и уж чего-чего не пришло мне в голову на эту грустную тему! Взять уже то, что нам во что бы то ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой. Положим, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит – гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак.» (Дневники писателя за 1873 год. XI. **Мечты и грезы**).

Эти строки в современной России читаются как нечто само собой разумеющееся, а время, когда Ф.М. Достоевский пишет их - еще XIX век, - Россия только-только избавилась от крепостного ига, еще большая часть народа неграмотна, забита и нестроена, все окраины еще удивляют безысходностью и нищетой.

И далее там же: *“...Выходит у меня, что мы покамест всего только лепимся на высоте нашей державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи. В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество во всем, что касается России... Огромный сосед изучает нас неусыпно и, кажется, уже многое видит насквозь. ... Возьмите наше пространство и наши границы (заселенные инородцами и чужеземцами, из года в год все более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов), возьмите и сообразите: во скольких точках мы стратегически уязвимы? Да нам войска, чтобы всё это защитить, ... надо гораздо больше иметь, чем у наших соседей. Возьмите опять и то, что ныне воюют не столько оружием, сколько умом, и согласитесь, что это последнее обстоятельство даже особенно для нас невыгодно”*, - рассуждает писатель о безопасности, окидывая мысленным взглядом бескрайность российских просторов, которые, он еще не знает, еще более расширятся после революции.

Патриот России, Ф.М. Достоевский предвидит многое, что теперь стало настоящей проблемой не только для России: *«Теперь в каждые десять лет изменяется оружие, даже чаще. Лет через пятнадцать, возможно, будут стрелять уже не ружьями, а какой-нибудь молнией, какою-нибудь всеожигающею электрическою струёю из машины. Скажите, что можем мы изобрести в этом роде, с тем чтобы приберечь в виде сюрприза для наших соседей?»*, - понимает Федор Михайлович опасность, которая до сих пор еще является актуальной проблемой для страны.

Проблемы образования также получают освещение - *«На просвещение мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско....»*

Только узкая часть населения России тогда была образованна (правда, высокообразованна!), основная масса не имела даже начального образования. И перед страной, претендующей на статус великой державы, собирающейся сделать громадный шаг в собственном развитии, чтобы догнать остальные страны, задача всеобщего просвещения вставала остро, как одно из главных условий в достижении цели.

Ф.М. Достоевский предвидит и проблемы, с необходимостью входящие в задачу образования россиян, - например, проблема кадров, которых в огромной по размерам и населению России не хватает для покрытия потребностей в них:

Деньгами ни за что не купишь всего.... Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель – это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и ученых; и что же? – все-таки людей не наделаете. Что в том, что он ученый, коли он дела не смыслит? педагогики он, например, выучится и будет с кафедры отлично преподавать педагогию, а сам все-таки педагогом не сделается. Люди, люди – это самое главное».

И вот эта мысль автора (*Люди, люди – это самое главное!*) становится еще более актуальной особенно сегодня, в век цифровизации образования, когда искусственный разум может заменить все, включая учителя. То есть роль учителя в образовании молодого поколения Ф.М. Достоевскому видится несомненной, автор с прозорливостью гения предвидит проблему образования не только XIX века.

Предсказал Ф.М. Достоевский и некоторую сегодняшнюю политическую прослойку: *«Наши западники – это такой народ, что сегодня трубят во все трубы с чрезвычайным злорадством и торжеством о том, что у нас нет ни науки, ни здравого смысла, ни терпения, ни умения; что нам дано лишь ползти за Европой, ей подражать во всем рабски и ,в видах европейской опеки, преступно даже думать о собственной нашей самостоятельности...».*

Как показывает приведенная цитата, Федор Михайлович уже предвидел особенность нашей современной российской действительности, когда люди, политические деятели, живущие в России, воспитанные и вскормленные Россией, преклоняются перед другой страной, видят будущее своих детей на Западе, тогда, когда могли бы принести пользу своей стране, сделать ее лучше, приложить силы и капиталы здесь, на Родине.

«Европейцу, какой бы он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой европейской национальности, чем

научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочно изучавшие нас европейцы, для каких-нибудь целей (а таковые были), и положившие на это большой труд, несомненно уезжали от нас, хотя и много изучив, но все-таки до конца, не понимая иных фактов и даже, можно сказать, долго еще не будут понимать, в современных и ближайших поколениях по крайней мере. Все это намекает на долгую еще, может быть, и печальную нашу уединенность в европейской семье народов; на долгие еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России».

Европа и по сей день так же не понимает Россию, русская и европейская картины мира, ментальность, видение роли Европы в мире и политической роли России в мире не совпадают до сих пор.

В Дневниках за январь 1881 г. Ф.М. Достоевский пишет: *«Какая необходимость ... в Азии? Потому необходимость, что Россия не только в Европе, но и в Азии, потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!.. Да, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию».*

Эти прозорливые слова мыслителя приобретают особую актуальность, когда Россия на современной политической арене лишается связей с Европой, которой не хочет дать командовать собой, но укрепляет связи с Азией, с Китаем, Казахстаном, Индией и др., - крупнейшими государствами, нашими традиционными верными союзниками.

«Все эти освобожденные нами (европейские – С.М.) народы тотчас же, еще не и не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной... Теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служба? Одну ее ненависть!», - пишет Ф.М. Достоевский, будто из сегодняшнего дня, напоминая европейцам о заслуге России в освобождении всей Европы от наполеоновской армии и захвата. Правда, Ф.М. Достоевский еще не мог знать, что позже, в 1945 году, Советский Союз освободит мир еще и от гитлеровской чумы фашизма. То есть Россия дважды спасала не только себя, но и всю Европу от захвата, от смертей миллионов людей, от рабства.

Однако, *«Все эти освобожденные нами (европейские – С.М.) народы тотчас же, еще и не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На Конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной... Теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служба? Одну ее ненависть!» -* пишет мыслитель будто из сегодняшнего дня.

Может показаться, что Ф.М. Достоевский противопоставил Россию Европе. Нет! Человек, который жил в Италии, творил во Флоренции, восхищался великой культурой Италии, не мог это сделать. Это была боль патриота России, русского до последнего дыхания человека за пренебрежение Европы еще только встающей на ноги Россией; это была боль за неустроенность России, когда другие страны, где он бывал, уже продвинулись в своем историческом развитии; боль за присущую русскому народу доброту и открытость души, составляющих самую суть русского народного духа, не понятые европейцами, не оцененные

ими и принятые за слабость.

Это была боль человека-патриота, желающего поставить свою страну на заслуженную высоту рядом с другими европейскими странами и выше их, и на себе испытывающего муки, в которых рождалась Великая Россия.

И если душа России состоит из духа каждого отдельного гражданина, то это устами Достоевского говорит дух России, ее планы и ее стремления, которым в скором времени предстояло осуществиться.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 1979. М.: Сов. Россия, 318 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: "Проблемы поэтики Достоевского". Работы 1960-х-1970-х гг. 2002. М.: Русское слово, 799 с.
3. Дергачева И.В. Образы Италии в художественном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 4. С. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403
4. Дергачева И.В. Образы Италии в эпистолярном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 1. С. 38–44. DOI:10.17759/langt.2019060106
5. Достоевская А.Г. Воспоминания. Часть четвертая. Пребывание за границей [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/dostoevskaya-vozpominaniya/chast-chetvertaya-prebyvanie-za-granicej.htm> (дата обращения: 22.12.2021)
6. Достоевский Ф.М. Достоевский Ф. М. - Ивановой С. А., 29 августа (10 сентября) 1869 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm> (дата обращения: 22.12.2021)
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. Т.1. / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. А. Архиповой, А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Г. Галаган, Е. Кийко, В. Рака, Г. Степановой, В. Туниманова. 2011. М.: Книжный Клуб 36.6, 800 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. Т.2. / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. А. Архиповой, А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Г. Галаган, Е. Кийко, В. Рака, Г. Степановой, В. Туниманова. 2011. М.: Книжный Клуб 36.6, 752 с.
9. Достоевский Ф.М. Достоевский Ф. М. - Ивановой С. А., 1 (13) января 1868 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-1-13-yanvary-1868.htm> (дата обращения: 22.12.2021)
10. Достоевский Ф.М. Достоевский Ф. М. - Ивановой С. А., 29 августа (10 сентября) 1869 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm> (дата обращения: 22.12.2021)
11. Достоевский Ф.М. Достоевский Ф. М. - Ивановой С. А., 29 марта (10 апреля) 1868 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-marta-1868.htm> (дата обращения: 22.12.2021)
12. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Дневник писателя, 1877, 1880, август 1881. 1995. СПб: Наука, 783 с.
13. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. 2015. М.: Индрик, 630 с.
14. Захаров В.Н. Судебный розыск Достоевского летом 1871 г. // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29. 2012. СПб: Серебряный век. С. 276-277.
15. Махмудова С.М. Поэтика Флоренции в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 2. С. 17–22. DOI:10.17759/langt.201906020
16. Якушин Н. Федор Достоевский, основные даты жизни и творчества [Электронный

ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/> (дата обращения: 22.12.2021)

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. 1979. Moscow: Sov. Rossiya, 318 p. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 6: "Problemy poetiki Dostoevskogo". Raboty 1960-kh-1970-kh gg. 2002. Moscow: Russkoe slovo, 799 p. (In Russ.).
3. Dergacheva I.V. Obrazy Italii v khudozhestvennom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in the Artistic Heritage of Dostoevsky]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403. (In Russ.).
4. Dergacheva I.V. Obrazy Italii v epistolyarnom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in Dostoevsky's epistolary heritage]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 1, pp. 38–44. DOI:10.17759/langt.2019060106. (In Russ.).
5. Dostoevskaya A.G. Vospominaniya. Chast' chetvertaya. Prebyvanie za granitsej [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/dostoevskaya-vospominaniya/chast-chetvertaya-prebyvanie-za-granicej.htm> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).
6. Dostoevskii F.M. Dostoevskii F. M. - Ivanovoi S. A., 29 avgusta (10 sentyabrya) 1869 [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).
7. Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatelya. V 2 t. T.1. / Vstup. st. I. Volgina, komment. A. Arkhipovoi, A. Batyuto, A. Berezkina, V. Vetlovskoi, G. Galagan, E. Kiiko, V. Raka, G. Stepanovoi, V. Tunimanova. 2011. Moscow: Knizhnyi Klub 36.6, 800 p. (In Russ.).
8. Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatelya. V 2 t. T.2. / Vstup. st. I. Volgina, komment. A. Arkhipovoi, A. Batyuto, A. Berezkina, V. Vetlovskoi, G. Galagan, E. Kiiko, V. Raka, G. Stepanovoi, V. Tunimanova. 2011. Moscow: Knizhnyi Klub 36.6, 752 p. (In Russ.).
9. Dostoevskii F.M. Dostoevskii F. M. - Ivanovoi S. A., 1 (13) yanvarya 1868 [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-1-13-yanvarya-1868.htm> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).
10. Dostoevskii F.M. Dostoevskii F. M. - Ivanovoi S. A., 29 avgusta (10 sentyabrya) 1869 [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).
11. Dostoevskii F.M. Dostoevskii F. M. - Ivanovoi S. A., 29 marta (10 aprelya) 1868 [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-marta-1868.htm> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).
12. Dostoevskii F.M. Sobranie sochinenii: v 15 t. T. 14. Dnevnik pisatelya, 1877, 1880, avgust 1881. 1995. Saint-Petersburg: Nauka, 783 p. (In Russ.).
13. Zakharov V.N. Imya avtora – Dostoevskii. 2015. Moscow: Indrik, 630 p. (In Russ.).
14. Zakharov V.N. Sudebnyi rozysk Dostoevskogo letom 1871 g. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 29*, 2012. Saint-Petersburg: Serebryanyi vek. pp. 276-277. (In Russ.).
15. Makhmudova S.M. Poetika Florentsii v tvorchestve Dostoevskogo [Poetics of Florence in the works of Dostoevsky]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 2, pp. 17–22. DOI:10.17759/langt.201906020. (In Russ.).
16. Yakushin N. Fedor Dostoevskii, osnovnye daty zhizni i tvorchestva [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/> (Accessed 22.12.2021). (In Russ.).

Информация об авторах

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры

Махмудова С.М.

О гениальной политической прозорливости Ф.М.
Достоевского
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 28–34.

Mahmudova S.M.

About the Brilliant Political Insight of F.M. Dostoevsky
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 28–34.

«Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Information about the authors

Svetlana M. Mahmudova, doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: rutulsveta@mail.ru

Получена 11.01.2021

Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021

Accepted 25.01.2021

Поэтический мир «Божественной комедии» Данте Алигьери

Васильева Е.В.

Институт Святого Франциска Сальского, г. Читта-ди-Кастелло, Италия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-9806>, e-mail: lennyvas92@gmail.com

В 2021 году отмечается 700-летие со дня смерти гениального итальянского поэта. Целью данной статьи является выявление определенных признаков, характерных для «Божественной комедии» Данте Алигьери. Мы разберем такие особенности его поэмы как числовая символика, пейзаж и метафоричность языка.

Ключевые слова: итальянская литература, Данте Алигьери, Божественная комедия, числовая символика, пейзаж, метафора, язык, мистицизм.

Для цитаты: Васильева Е.В. Поэтический мир «Божественной комедии» Данте Алигьери [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 35–40. DOI:10.17759/langt.2021080104

Poetic World in Dante Alighieri's Divine Comedy

Elena V. Vasileva

Istituto San Francesco di Sales, Città di Castello, Italy,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-9806>, e-mail: lennyvas92@gmail.com

In 2021, is celebrated the 700th anniversary from the death of the brilliant Italian poet. The purpose of this article is to reveal certain features that define Dante Alighieri's "Divine Comedy". We will analyse such features of his poem as numerical symbolism, landscape and metaphorical language.

Keywords: Italian literature, Dante Alighieri, Divine Comedy, numerical symbolism, landscape, metaphor, language, mysticism.

For citation: Vasileva E.V. Poetic World in Dante Alighieri's Divine Comedy. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 35–40. DOI:10.17759/langt.2021080104 (In Russ.).

«Божественная комедия» Данте Алигьери давно стала классикой не только итальянской, но и мировой литературы. Нельзя переоценить ее влияние на общеевропейскую культуру. Многие ученые-литературоведы справедливо полагают, что «Божественная комедия» стала предвестником перехода эпохи Средневековья к Возрождению.

Великое произведение Алигьери было создано сразу после того, как поэт был изгнан из родного города, Флоренции, в 1306 году. На написание произведения у Данте ушло порядка

пятнадцати лет, которые он провел в скитаниях по стране. Сначала поэт начал работу над частью «Ад». Она была закончена в течение трех лет. После этого Данте создал «Чистилище», где особая роль отводится реальной возлюбленной поэта, Беатриче Портинари (ей и посвящена вся поэма). Заключительная же часть, «Рай» была создана в последние годы жизни Алигьери, которые он провел в Равенне.

Основой сюжета всего произведения послужил достаточно часто используемый в литературе Средних веков прием— путешествие по царству мертвых, который, к слову, Данте изобразил по-своему. Проводником лирического героя поэмы по аду и чистилищу стал Вергилий, древнеримский поэт, автор знаменитой «Энеиды».

Рассмотрим особенности авторского стиля и основные приемы Данте Алигьери, используемые при написании «Божественной комедии» (Таблица 1).

Прежде всего, нужно отметить, что все произведение написано трехстрочными строфами, так называемыми терцинами. В каждой терцине первая строфа рифмуется с третьей, а вторая создает рифму с первой и третьей строфами следующей терцины.

Таблица 1

Особенности авторского стиля и основные приемы Данте Алигьери, используемые при написании «Божественной комедии»

<i>Nel mezzo del cammin di nostra vita (1) mi ritrovai per una selva oscura, (2) ché la diritta via era smarrita. (3)</i>	<i>Земную жизнь пройдя до половины, (1) Я очутился в сумрачном лесу, (2) Утратив правый путь во тьме долины. (3)</i>
<i>Ahi quanto a dir qual era è cosa dura (1) esta selva selvaggia e aspra e forte (2) che nel pensier rinova la paura! (3)</i>	<i>Каков он был, о, как произнесу, (1) Тот дикий лес, дремучий и грозный, (2) Чей давний ужас в памяти несущу!(3)</i>

Что характерно, Данте делает основной упор на христианскую религиозную доктрину и ее представления о жизни, загробном мире, переходе души в качественно новое состояние и Вселенной. Тем не менее, можно с уверенностью заявить, что поэт существенно преобразил своим произведением не только представление современников о мироустройстве, но также повлиял на общемировую культуру.

Примечательно то, каким образом Данте воссоздает художественное пространство в своем произведении. До него в литературе Европы фактически не было произведений, где в стихотворной форме был бы описан пейзаж. Основными чертами, используемыми поэтом для описания природы являются яркая образность, лирическая окрашенность языковых средств выразительности и естественная изменчивость. Помимо этого, в описания пейзажа Данте часто вводит образы людей (часто реальных, современных поэту), животных, насекомых и даже теней.

Таблица 2

Воссоздание Данте художественного пространства в своем произведении

<i>Quante 'l villan ch'al poggio si riposa, nel tempo che colui che 'l mondo schiara la faccia sua a noi tien meno ascosa, come la mosca cede alla zanzara, vede lucciole giù per la vallea, forse colà dov'e' vendemmia e ara</i>	<i>Как селянин, на холме отдыхая, — Когда сокроет ненадолго взгляд Тот, кем страна озарена земная, И комары, сменяя мух, кружат, — Долину видит полной светляками Там, где он жнёт, где режет виноград.</i>
--	---

Другой чертой поэтического стиля «Божественной комедии» является частое использование чисел и наделение их особым, мистическим смыслом. Как правило под понятием «символ» в литературе мы подразумеваем знак, предмет или признак, замещающий определенный предмет и отражающий скрытую суть. Также, как такие тропы как аллегория и метафора, символ образует перенесение смысла, однако у него великое множество значений.

Многие ученые-литературоведы (М.Н. Голенищев-Кутузов, Н.Г. Елина, С.С. Мокульский, О.И. Фетодов и др.) в бессмертном произведении Данте отмечали роль числа как меры вещей. В частности, чисел три, девять и всевозможных производных от них.

Вся система образов произведения, ее повествование, сюжетная линия и другие детали подчинены мистическому символизму, если точнее, троичности. Тем не менее, рассматривая числа 3 и 9, ученые говорят об их смысле только в строении поэмы и ее строфике (в каждой из трех частей поэмы 33 песни, 3 кантики, 3-строчные строфы и проч.).

Помимо этого, мы можем наблюдать троичность в отрывке, где лирический герой восходит на холм спасения. Там он сталкивается с тремя дикими зверьми: рысью (символ сладострастия), львом (воплощение гордости и власти) и волчицей (олицетворение жадности и корыстолюбия). В эпизоде, в котором нам представлен лимб ада, Данте поместил три вида душ - души праведников из Ветхого Завета, души некрещеных младенцев и души добродетельных язычников.

Похожую тройственность мы наблюдаем в частях «Чистилище» (три святые добродетели - вера, надежда и любовь, три сияния ангелов, три художника - Франко, Чимабуэ и Джотто) и «Рай» (три девы, сидящие в амфитеатре и образующие своим положением треугольник, три благословенные жены, три вечных создания - небо, земля и ангелы).

Данную тройственность всех образов поэмы можно объяснить представлениями католической церкви о трех формах бытия (ад, чистилище и рай). К тому же, важной частью христианского учения является символ Троицы (бог-отец, бог-сын и бог-святой дух), что тоже повлияло на представление троичности в «Божественной комедии».

В своем труде «Столп и утверждение истины» философ и математик, профессор П.А. Флоренский утверждал, что «...число три, в нашем разуме характеризующее безусловность Божества, свойственно всему тому, что обладает относительной samozаклученностью, — присуще заключенным в себе видам бытия. Положительно, число три являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления.»

К примеру, существует три категории времени (прошлое, настоящее и будущее), три составляющих психики человека (разум, воля и чувства), философское проявление «отрицания отрицания» (тезис, антитезис и синтез). Все это и многие другие особенности, вольно или невольно, отразил в своем произведении Данте.

В результате, использование поэтом символики числа 3 позволяет дать лучшее представление об устройстве потустороннего мира, помогает создать поэтическую гармонию и дисциплину, четко показывает математическое устройство мира в представлении людей эпохи Средневековья, насыщает поэму яркими образами, глубоким философским смыслом и этическим богатством.

Однако не только числовой символизм придает столько смысла «Божественной комедии». Данте активно использует в поэме метафоры, что демонстрирует его взгляд на устройство мира и художественный способ мышления. Алигьери невероятно ярко и четко создает миры, полные острых противоречий и контрастов. Делая упор на представление о Вселенной (описанное Птолемеем), на устройство загробного мира (ада-чистилища-рая), поэт сопоставляет непроглядный мрак и яркий свет. Для этого в поэтике произведения органично используются переносы значений и перемещения сравниваемых явлений и предметов.

Кроме того, метафора, как литературный прием, соединяет в себе как реальное отражение мира, так и поэтическую фантазию (в данном случае конкретно Данте Алигьери). То есть, физическое соединяется с духовным, а космос, природа и предметный мир - с чем-то божественным и отвлеченным. Посему, автор часто прибегает к метафоризации.

Необходимо отметить и вариативность метафор в тексте из 3 кантик. Поскольку метафора - это троп, зачастую она передает особый философский смысл (примеры: «души восходят», «утро воспылало», «звенит отрада», «злоствует вражда»). Несмотря на то, что в каждой из этих метафор заключены разные семантические планы, все они гармоничны и единообразны.

Помимо повсеместно встречающихся языковых метафор, вроде «устремил глаза», «жажда говорить», «сердце согрето», «день уходил», которые поэт использовал для того, чтобы лучше раскрыть излюбленный для литературы эпохи Средневековья мотив странствия в загробный мир, Данте прибегает к использованию поэтических метафор, которые характеризуются новизной и сильной экспрессивностью. Данные метафоры показывают вариацию впечатлений автора, чтобы пробудить воображение читателей, к примеру выражения: «ворвался гул», «труд природы»), «свет хочу просить», «воет глубина».

Необходимо особо отметить, что все метафоры, используемые Данте в «Божественной комедии», условно можно разделить на 3 основные группы, руководствуясь способом взаимоотношений живых существ с космическими и природными явлениями и предметами.

В первую группу можно выделить те метафоры, где природные и космические явления и объекты обладают признаками одушевленных существ. Например: «солнце покажет»/ «солнце зажигает», «бежал приветливый родник», «суета отклонит» и прочие.

Ко второй группе относятся метафоры, где свойства живых существ приписываются природным явлениям и предметам. Пример: «Вергилий — родник бездонный», «плечи горные», «башен строй» и так далее.

К третьей группе можно причислить те из них, в которых разнонаправленные противопоставления соединяются воедино. К примеру: «свет сквозил», «загорелись дали», «волна волос», «мысль канет» и тому подобные.

Примечательно, что во всех трех группах выражения имеют оценку автора, что помогает узнать мнение Данте касательно описываемых им явлений. Так, в положительном ключе

представлено все, что относится к правде, свободе, свету и чести («вкусит честь», «блеск разросся чудно», «свет правды»).

Данте использовал данное средство языковой выразительности также, чтобы отобразить всевозможные признаки описываемых им объектов, вроде формы («круг вершиной лёг»), цвета («терзает воздух чёрный»), звучания («лучи молчат»), местоположения («в глубь моей дремоты»), освещенности («свет покоит твердь»), действий, совершаемых предметом («разум воспаряет»).

Отметим также, что в «Божественной комедии» используются метафоры, различающиеся по составу и строению. Так, Данте вводит простые метафоры, которые состоят из одного слова («окаменел»); словосочетания вроде («того, кто движет мирозданье»); и, наконец, развернутые метафоры (в первой песне части «Ад» автор приводит метафору леса).

Помимо всего этого, Алигьери для составления метафор прибегает к использованию разных частей речи. Он применяет существительные («планета зажгла восток»); глаголы («стеснилась грудь»), прилагательные («слепой водопад»), причастия («свет стремившийся») и деепричастия («ветер, отдыха не зная, мчит»).

Таким образом, редкий поэтический дар Данте Алигьери отражен в языке «Божественной комедии», уникальном произведении по глубине мышления и богатству идей. Для того, чтобы передать свое видение мира, религии и философии, автор использовал особые средства выразительности при описании пейзажа и ввел символику чисел, чтобы придать особый смысл там, где это было необходимо.

Литература

1. Андреев М.Л. Данте. // История литературы Италии. В 3 т. Т. 1. «Средние века». 2000. М.: ИМЛИ РАН : Наследие, С. 307-367.
2. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. 1971. М.: Наука, 550 с.
3. Лозинского М.Л. Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. 1967. М.: Худож. лит., 686 с.
4. Елина Н.Г. Данте критико-биографический очерк. 1965. М.: Художественная литература, 197 с.
5. Мокульский С.С. Итальянская литература. 1966. М.: Высш. шк., 250 с.
6. Фетодов О.И. Жизнь и творчество Данте Алигьери [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 16. № 1. С. 118—144. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004861604_222873/ (дата обращения: 23.12.2020).
7. Флоренский П. Столп и утверждение истины : опыт православной теодицеи. 2003. М.: АСТ, 640 с.
8. Tomazzoli G. Le metafore nella "Commedia": tre modelli di lettura // Atti delle Rencontres de l'Archet Morgex (Italy, 14-19 settembre 2015). Italy: Publ. Lexis Compagnia Editoriale in Torino, 2017. P. 180-187.

References

1. Andreev M.L. Dante. // Istoriya literatury Italii. V 3 t. T. 1. «Srednie veka». 2000. Moscow: IMLI RAN: Nasledie, pp. 307-367. (In Russ.).
2. Golenishchev-Kutuzov I.N. Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura. 1971. Moscow: Nauka, 550 p. (In Russ.).
3. Lozinskogo M.L. Dante Alig"eri. Novaya zhizn'. Bozhestvennaya komediya. 1967. Moscow: Khudozh. lit., 686 p. (In Russ.).

Васильева Е.В.
Поэтический мир «Божественной комедии» Данте
Алигьери
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 35–40.

Vasileva E.V.
Poetic World in Dante Alighieri's Divine Comedy
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 35–40.

4. Elina N.G. Dante kritiko-biograficheskii ocherk. 1965. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 197 p. (In Russ.).
5. Mokul'skii S.S. Ital'yanskaya literatura. 1966. Moscow: Vyssh. shk., 250 p. (In Russ.).
6. Fetodov O.I. Zhizn' i tvorchestvo Dante Alig'eri [The life and work of Dante Alighieri]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural and historical psychology*, 2011. Vol. 16, no. 1, pp. 118—144. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004861604_222873/ (Accessed 23.12.2020). (In Russ.).
7. Florenskii P. Stolp i utverzhenie istiny : opyt pravoslavnoi teoditsei. 2003. Moscow: AST, 640 p. (In Russ.).
8. Tomazzoli G. Le metafore nella "Commedia": tre modelli di lettura // Atti delle Rencontres de l'Archet Morgex (Italy, 14-19 settembre 2015). Italy: Publ. Lexis Compagnia Editoriale in Torino, 2017. pp. 180-187.

Информация об авторах

Васильева Елена Владимировна, преподаватель английского языка, Институт Святого Франциска Сальского, г. Читта-ди-Кастелло, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-9806>, e-mail: lennyvas92@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Vasileva, english teacher, Istituto San Francesco di Sales, Città di Castello, Italy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2385-9806>, e-mail: lennyvas92@gmail.com

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021

Особенности воссоздания поэтики имажизма в переводе на русский язык (на материале самостоятельного перевода стихотворения Э. Паунда «Salutation»)

Дикун М.М.

Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3148-2669>, e-mail: marinadikun@yandex.ru

Имажизм — течение в англо-американской поэзии 1910-х годов. Ключевым, программным текстом имажизма принято считать эссе Эзры Паунда «A Few Don'ts», в котором он кратко характеризует состояние поэзии начала XX века и составляет список “нескольких запретов” для поэтов-современников. Э. Паунд останавливается на описании техники письма, которой должен владеть поэт. Он отмечает, что необходимо избегать избыточных слов и выражений, абстрактной лексики и обобщающих понятий, которые не способствуют созданию образов. Работая над переводом, мы пришли к выводу, что основные трудности, возникающие при переводе, были связаны с передачей имажинистской поэтики оригинальных текстов, а также с передачей частной поэтики автора. На этапе предпереводческого анализа текста нами была выбрана стратегия эквиритмичного перевода, что было продиктовано историко-литературным контекстом стихотворения (наблюдениями Э. Паунда относительно тех принципов, которыми должен руководствоваться поэт начала XX века).

Ключевые слова: имажизм, англо-американская поэзия, Эзра Паунд, перевод, анализ текста.

Для цитаты: Дикун М.М. Особенности воссоздания поэтики имажизма в переводе на русский язык (на материале самостоятельного перевода стихотворения Э. Паунда «Salutation») [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 41–47. DOI:10.17759/langt.2021080105

Features of Recreating the Poetics of Imagism in Translation into Russian (Based on the Material of an Independent Translation of the Poem by E. Pound «Salutation»)

Marina M. Dikun

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3148-2669>, e-mail: marinadikun@yandex.ru

Imagism is a current in Anglo-American poetry of the 1910s. The key program text of imagism is considered to be Ezra Pound's essay "A Few Don'ts", in which he briefly describes the state of poetry at the beginning of the XX century and makes a list of "several prohibitions" for contemporary poets. He notes that it is necessary to avoid redundant words and expressions, abstract vocabulary and generalizing concepts that do not contribute to the creation of images. Working on the translation, we came to the conclusion that the main difficulties encountered in the translation were related to the transfer of the imagist poetics of the original texts, as well as to the transfer of the author's private poetics. At the stage of pre-translation analysis of the text, we chose the strategy of equirhythmic translation, which was dictated by the historical and literary context of the poem (E. Pound's observations on the principles that should guide a poet of the early XX century).

Keywords: imagism, English-American poetry, Ezra Pound, translation, text analysis.

For citation: Dikun M.M. Features of Recreating the Poetics of Imagism in Translation into Russian (Based on the Material of an Independent Translation of the Poem by E. Pound «Salutation»). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 41–47. DOI:10.17759/langt.2021080105 (In Russ.).

Имажизм — течение в англо-американской поэзии 1910-х годов. Ключевым, программным текстом имажизма принято считать эссе Эзры Паунда «A Few Don'ts»¹, в котором он кратко характеризует состояние поэзии начала XX века и составляет список «нескольких запретов» для поэтов-современников. Э. Паунд останавливается на описании техники письма, которой должен владеть поэт. Он отмечает, что необходимо избегать избыточных слов и выражений, абстрактной лексики и обобщающих понятий, которые не способствуют созданию образов. Иллюстрируя примерами этот принцип отказа от общих, ничего не значащих слов, Паунд использует словосочетание «the minutiae of the craft»². Примечательно, что, описывая процесс создания стихотворения, Паунд использует слово «craft», русским эквивалентом которого является слово «ремесло». Под «ремеслом» обычно подразумевается занятие, профессия, в основе которой лежит то или иное умение, владение определенными техниками, приемами. Такой подход к поэзии противоречит представлениям, которых придерживались представители романтизма. Например, Уильям Вордсворт в «Предисловии к «Лирическим балладам»» пишет, что поэзия представляет собой «spontaneous overflow of powerful feelings»³. Слово «стихийное» подразумевает отсутствие осознанного использования каких-либо приемов, поэтому, называя поэзию «ремеслом»,

¹ Pound, E. A Few Don'ts // *Literary essays of Ezra Pound* / T. S. Eliot. – New York : A New York Directions Book, 1968. – P. 4-8.

² тонкости ремесла (англ.) (здесь и далее перевод мой - М.Д.) (Цит. по: Pound, E. A Few Don'ts // *Literary essays of Ezra Pound* / T. S. Eliot. – New York : A New York Directions Book, 1968. – P. 6)

³ стихийное излияние сильных чувств (англ.) (Цит. по: *Wordsworth W. Preface to Lyrical Ballads* / W. Wordsworth // *Wordsworth & Coleridge. Lyrical Ballads* / R. L. Brett, A. R. Jones. – Ed. 2. – London, New York : Routledge, 1991. – P. 236.)

Паунд отступает от характерного для романтизма представления о поэзии. Более того, он акцентирует внимание на том, что искусство поэзии требует очень тщательного и внимательного подхода, что на то, чтобы овладеть этим искусством в совершенстве, требуется потратить не меньше времени и усилий, чем хороший пианист тратит на постижение искусства музыки. Кроме того, Паунд уделяет пристальное внимание комментированию того, как следует обращаться со стихотворным размером и рифмой. Он отмечает, что следование жесткой ритмической организации и попытки заполнить строку определенным количеством стоп, разрушают образный ряд стихотворения, так как, концентрируясь лишь на внешней форме текста, поэты зачастую жертвуют точностью образа и ясностью и чистотой описания. Чтобы избежать таких потерь, следует помнить, что внешняя форма стихотворения и его ритмическое обрамление должны находиться в соответствии с его содержанием, а начало каждой новой строки должно продолжать ритмическую волну предыдущей до тех пор, пока не возникнет необходимость сделать логическую паузу.

Подытоживая свои наблюдения, Паунд отмечает, что какие-либо принципы и правила в искусстве хороши только для определенного и очень непродолжительного отрезка времени. Каждая эпоха имеет свои особенности, которые находят отражение в искусстве, но эти особенности не могут долго оставаться неизменными. Настоящая поэзия не может быть написана так, как она писалась бы двадцать лет назад, так как это будет свидетельствовать о том, что у автора нет прямой связи с сегодняшним днем, с настоящим, что его взгляд устремлен назад, в прошлое. Паунд замечает, что то, что можно увидеть в поэзии Кавальканти, уже не найти в поэзии викторианской эпохи, однако это не означает, что искусство какого-либо из этих периодов превосходит искусство другого.

Теперь, когда мы кратко осветили основные положения эссе Паунда «A Few Don'ts», попробуем выделить и сформулировать основные особенности имажистской поэтики. Итак, к ним можно отнести предметную конкретность образа, ориентированность на создание зрительного образа, использование поэтической формы верлибра, тесноту поэтического ряда, точность и лаконизм языка.

Рассмотрим, как поэтика имажизма может быть передана в переводе на русский язык. Для этого обратимся к комментированию выполненного нами перевода стихотворения Э. Паунда «Salutation», опубликованного им в 1916 году в составе стихотворного сборника «Lustra».

Перед тем как приступить к выполнению перевода, нам требовалось обозначить, каким критериям должен соответствовать переводной текст и при помощи каких средств можно этого достичь. Чтобы определить стратегию перевода, мы обратились к монографии Андре Лефевра «Перевод поэзии. Семь стратегий и подробный план»⁴ («Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint»). А. Лефевр пишет, что, несмотря на бесчисленное множество разных видов поэтического перевода, все эти виды могут быть сведены к шести стратегиям. Под шестью стратегиями поэтического перевода Лефевр подразумевает следующие: акцентирующий внимание на звуковом аспекте фонетический перевод; буквальный перевод, в основе которого лежит принцип семантической эквивалентности; перевод стихотворного

⁴ *Lefevre André Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint // Van Gorcum. – Assen. – 1975.*

текста прозой; эквиритмичный перевод, сохраняющий ритм оригинала; рифмованный перевод (не обязательно рифмованного) текста оригинала; перевод стихотворного текста с использованием ритма, не совпадающего с ритмом оригинала.

Описывая стратегии и возникающие при переводе проблемы, Лефевр обращает внимание на то, что зачастую перевод получается «неудачным» из-за того, что переводчик концентрируется только на каком-либо одном аспекте оригинального текста, при этом забывая о других особенностях, за счет чего перевод теряет ту целостность, которой обладает исходный текст. Тенденция ограничивать перевод передачей лишь одного аспекта оригинала наблюдается во всех шести стратегиях, так как переводчик, установив для себя четкие правила, ограничивает свободу выбора переводческих решений. Хотя подобные ограничения в той или иной степени встречаются при выборе любой из предложенных стратегий, наиболее подверженными невольным запретам на передачу целостности оригинала являются фонетический и буквальный перевод. Использование стратегии фонетического перевода не может дать читателю ясного представления об оригинале, поскольку «by concentrating on sound only, the phonemic translation distorts all the other aspects of the source text, and reduces it to a curiosity, a bilingual parody incapable of survival in the literature of the target language»⁵. Буквальный же перевод, по словам Лефевра, вовсе лишен художественности и является мифом, так как «no two languages are identical, either in the meaning given to corresponding signals or in the ways in which such signals are arranged in phrases and sentences; it stands to reason that there can be no absolute correspondences between languages. Hence there can be no fully exact translations...»⁶. Отсутствие художественности, однако, не означает, что буквальный перевод теряет право на существование. Он может быть использован читателями, не владеющими языком оригинала, но нуждающимися в точном прочтении текста, в качестве подстрочного перевода.

Эквиритмичный перевод и перевод стихотворного текста прозой концентрируются исключительно на внешней форме и искажают «the balanced structure of that text, destroying it, in fact, as a work of literature»⁷. Рифмованный перевод и перевод, представляющий из себя белый стих, также страдают от ограничений, которые приводят к потере целостности

⁵ сосредоточившись исключительно на передаче звуковой стороны языка, фонетический перевод искажает все остальные аспекты оригинала, и сводит его к любопытному эксперименту, двуязычной пародии, неспособной к выживанию в той культуре, на язык которой осуществляется перевод. (англ.) (Цит. по: *Lefevre André Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint // Van Gorcum. – Assen. – 1975, P. 96*)

⁶ нет ни одного языка полностью тождественного другому, существует разница либо в значении соответствующих понятий, либо в способе, которым эти понятия объединяются во фразы и предложения; эта разница является причиной того, что между языками не существует абсолютного соответствия. Следовательно, не существует и абсолютно точных переводов... (англ.) (Цит. по: *Lefevre André Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint // Van Gorcum. – Assen. – 1975, P. 96*)

⁷ сбалансированную структуру текста, уничтожая его тем самым как художественное произведение (англ.) (Цит. по: *Lefevre André Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint // Van Gorcum. – Assen. – 1975, P. 98*)

оригинала, и более того, по словам Лефевра, рискуют превратиться в пародию на исходный текст.

Таким образом, причиной того, что многие переводы становятся «неудачными», является недостаточное количество внимания, которое было уделено переводчиком проработке каждой характеристики оригинала в результате сосредоточенности на каком-то одном аспекте исходного текста.

Принимая во внимание ключевые положения эссе Э. Паунда «A Few Don'ts», в котором он пишет, что необходимо стремиться к тому, чтобы стихотворение состояло из плавно переходящих друг в друга ритмических «волн», которые сменяются вслед за завершением одной логической фразы и началом следующей, кажется логичным придерживаться стратегии эквиритмичного перевода.

Итак, обратимся к нашему переводу стихотворения «Salutation»:

Salutation

O generation of the thoroughly smug
and thoroughly uncomfortable,
I have seen fishermen picnicking in the sun,
I have seen them with untidy families,
I have seen their smiles full of teeth
and heard ungainly laughter.
And I am happier than you are,
And they were happier than I am;
And the fish swim in the lake
and do not even own clothing.

Приветствую!

Вы, поколение вечно разодетых
и вечно раздосадованных,
Я видел рыбаков на пикнике под солнцем,
Я видел их неряшливые семьи,
Я видел их зубастые улыбки,
слышал неприлично громкий смех.
И я вас счастливее,
А они счастливее меня.
А в пруду плавают рыбы
вовсе нагишом.

Название стихотворения (“Salutation”) на русский язык можно перевести следующим образом: “приветствие”, “фраза приветствия”⁸. Однако русские эквиваленты не передают торжественной эмоциональной окраски, которая содержится в английском слове “Salutation”. Чтобы передать эту окраску, можно предложить такие соответствия: “Приветствую!”, “Привет!”, “Салют!”. На первый взгляд, вариант “Салют!” кажется наиболее подходящим, однако слово “салют”, используемое иногда в качестве приветствия в русском языке, относится к пласту разговорной лексики, оно не соответствует речевому регистру оригинала, так как содержит коннотацию, вызывающую ассоциации, не заложенные в оригинале. Итак, остаются варианты “Приветствую!” и “Привет!”, из которых наиболее подходящим кажется “Приветствую!”.

В первом предложении Э. Паунд дважды использует наречие “thoroughly”, которое можно перевести как: “полностью”, “вполне”, “совершенно”, “совсем”, “тщательно”. “Thoroughly” должно согласовываться и сочетаться с прилагательными “smug” и “uncomfortable”, усиливая значение последних. Значит, необходимо подыскать не перевод отдельных слов (“thoroughly”, “smug” и “uncomfortable”), а перевод словосочетаний (“thoroughly smug” и “thoroughly uncomfortable”). Прилагательному “smug” можно подобрать следующие

⁸ АБВУУ Lingvo Live [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/Salutation>

варианты перевода: “щеголеватый”, “аккуратный”, “элегантный”, “подтянутый”. Прилагательному “uncomfortable” — “испытывающий неудобство”, “стеснённый”. Таким образом, “thoroughly smug” и “thoroughly uncomfortable” должны создавать противоречивый образ, выстроенный на контрасте безукоризненного внешнего вида, манер и внутреннего недовольства, отсутствия гармонии. Так как предложенные выше варианты перевода наречия “thoroughly” не образуют такого сочетания со “smug” и “uncomfortable”, которое бы соответствовало стилистике русского языка и создавало бы образ, соответствующий оригинальному тексту, то кажется уместным отступить от буквального перевода и остановиться на вариантах “вечно разодетые” и “вечно раздосадованные”.

Также определенную трудность при переводе представляют две последние строки стихотворения («And the fish swim in the lake / and do not even own clothing»). Так как неожиданно появляющийся в них образ рыбы замыкает всю образную систему текста, то в переводном тексте тоже необходимо сохранить контраст, появляющийся в последних строках. Для этого в качестве перевода был выбран вариант «А в пруду плавают рыбы вовсе нагишом».

За исключением вышеупомянутых переводческих решений (“thoroughly smug” и “thoroughly uncomfortable” — “вечно разодетые” и “вечно раздосадованные”; «And the fish swim in the lake / and do not even own clothing» — «А в пруду плавают рыбы вовсе нагишом»), получившийся перевод можно назвать переводом, обладающим относительно высокой точностью. Это обусловлено особенностями синтаксиса: стихотворение состоит только из сложносочиненных предложений. Кроме того, малое количество слов-связок в некоторой степени облегчает перевод, так как отпадает необходимость искать их эквиваленты в русском языке и организовывать усложнившуюся структуру предложения таким образом, чтобы она подходила к ритму оригинала.

Еще одной особенностью можно считать перевод частицы “o”, стоящей перед обращением («O generation of the thoroughly smug»), и перевод союзов “and”. Так как в русском языке обращение, начинающееся с “o”, встречается довольно редко, то в переводе было решено начать обращение с местоимения “вы”. А так как союз “and”, обычно употребляемый в качестве сочинительного союза “и”, может переводиться и как противительный союз “но”, то показалось уместным остановиться на втором варианте (“но”), чтобы создать контраст и противопоставление, которые есть в оригинальном тексте.

Работая над переводом, мы пришли к выводу, что основные трудности, возникающие при переводе, были связаны с передачей имажинистской поэтики оригинальных текстов, а также с передачей частной поэтики автора. На этапе предпереводческого анализа текста нами была выбрана стратегия эквивалентного перевода, что было продиктовано историко-литературным контекстом стихотворения (наблюдениями Э. Паунда относительно тех принципов, которыми должен руководствоваться поэт начала XX века).

Литература

1. АBBYYLingvoLive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 21.12.2020).
2. Lefevere A.A. *Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint*. 1975. A.: Van Gorcum, 127 p.
3. Pound E.A. *Few Don'ts // Literary essays of Ezra Pound*. 1968. N.Y.: A New York Directions Book, P. 4-8.

Дикун М.М.

Особенности воссоздания поэтики имажизма в переводе на русский язык (на материале самостоятельного перевода стихотворения Э. Паунда «Salutation») *Язык и текст*. 2021. Том 8. № 1. С. 41–47.

Dikun M.M.

Features of Recreating the Poetics of Imagism in Translation into Russian (Based on the Material of an Independent Translation of the Poem by E. Pound «Salutation») *Language and Text*. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 41–47.

4. *Wordsworth W.* Preface to Lyrical Ballads // *Lyrical Ballads*. 1991. L., N.Y.: Wordsworth & Coleridge, Routledge, P. 233–258.

References

1. ABBYYLingvoLive [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (Accessed 21.12.2020).
2. *Lefevere A.A.* Translating poetry Seven Strategies and a Blueprint. 1975. Amsterdam: Van Gorcum, 127 p.
3. *Pound E.A.* Few Don'ts // *Literary essays of Ezra Pound*. 1968. New York: A New York Directions Book, pp. 4-8.
4. *Wordsworth W.* Preface to Lyrical Ballads // *Lyrical Ballads*. 1991. London, New York: Wordsworth & Coleridge, Routledge, pp. 233–258.

Информация об авторах

Дикун Марина Максимовна, магистрантка, Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3148-2669>, e-mail: marinadikun@yandex.ru

Information about the authors

Marina M. Dikun, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3148-2669>, e-mail: marinadikun@yandex.ru

Получена 11.01.2021

Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021

Accepted 25.01.2021

«Представить список русских православных церквей за границей и священнослужителей при оных...» по материалам Петербургских архивов

Шварц Н.В.

Международное Общество Достоевского, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-0023>, e-mail: nshwartz@list.ru

В настоящей статье на основе ранее не использованных исследователями документов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) даётся представление о священниках, служивших в русских православных церквях в Италии в 60-е годы XIX века. Именно тогда Неаполь, Флоренцию и Рим посещал великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Его путешествия совпали с периодом глубокого преобразования системы управления заграничными церквями и пересмотра штатного расписания причтов, при выборе которых особое внимание уделялось их образованию. На сегодняшний момент документальных доказательств личного общения писателя со священниками нет, но проанализировать положение и деятельность русских православных церквей за границей представляется целесообразным, поскольку интерес Достоевского ко всему, что происходило в Италии, был велик на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Италия, РГИА, ЦГИА Санкт-Петербурга, православные церкви, Святейший Синод, священно – церковнослужители.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-90034 «Достоевский и Италия».

Для цитаты: Шварц Н.В. «Представить список русских православных церквей за границей и священнослужителей при оных...» по материалам Петербургских архивов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 48–56. DOI:10.17759/langt.2021080106

"To Present a List of Russian Orthodox Churches Abroad and the Clergy Attached to Them..." Based on the Materials of the St. Petersburg Archives

Natal'ya V. Shvarts

International Dostoevsky Society, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-0023>, e-mail: nshwartz@list.ru

The article is based on documents from the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive of St. Petersburg that have not previously been used by researchers, which contains information about the priests served in Russian Orthodox churches in Italy in the 1860-s. It was then that cities Naples, Florence and Rome were visited by the great Russian writer F.M. Dostoevsky. His travels had coincided with a profound transformation of the government of the overseas churches and updating the staff list of priests. When choosing priests for ministry outside Russia special attention was paid to their education. Today there is no documentary evidence of personal communication between the writer and the clergy, but to analyze the situation and activities of Russian Orthodox churches abroad seems appropriate, because Dostoevsky's interest in all events that took place in Italy was great throughout his life.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Italy, RGIA, TSGIA of St. Petersburg, Orthodox Churches, Holy Synod, holy clergy.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90034 «Dostoevskii i Italiya».

For citation: Shvarts N.V. "To Present a List of Russian Orthodox Churches Abroad and the Clergy Attached to Them..." Based on the Materials of the St. Petersburg Archives. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 48–56. DOI:10.17759/langt.2021080106 (In Russ.).

Православные церкви за пределами Российской империи существовали уже в XVIII веке. О деятельности священо- и церковнослужителей, а также о том, как осуществлялось содержание церквей, рассказывают документы, хранящиеся в российских архивах. В Петербурге это Российский Государственный исторический архив (РГИА) и Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Так, в фонде Священного Синода хранятся документы, дающие представление о том, как и по каким причинам в 1862 году было принято решение о пересмотре «Положения для русских православных церквей за границей». Начато 13 июля 1862 года и окончено 11 мая 1867 года [РГИА, ф. 797, оп.32, д. 173]. Указать эти даты необходимо, поскольку они частично совпадают с заграничными путешествиями Ф.М. Достоевского. У нас пока нет документальных доказательств посещения им православных церквей в тех городах, где он бывал. Неизвестно, был ли писатель знаком со священниками, служившими в Риме и Неаполе, но окончательно исключить подобные обстоятельства нельзя. Даже гипотетическая возможность общения Фёдора Михайловича Достоевского со священниками православных церквей в Италии вызывает интерес к этим людям и надежду на то, что доказательства со временем найдутся. В свете этого важно представлять, как существовали русские православные церкви за границей, каково было их предназначение, какими были священники, служившие в них, кто выделял финансовые средства на содержание церквей.

Дело «О пересмотре «Положения для русских православных церквей за границей» начинается письмом министра Императорского Двора графа В.Ф. Адлерберга Обер-прокурору Святейшего Синода А.П. Ахматову, в котором ставится вопрос о необходимости перемен. Внешним поводом для них явилась ситуация «касательно определения способов для поддержания дальнейшего существования состоящей при Дворе в Бозе почившей

Великой Княгини Марии Павловны православной церкви в Веймаре» [РГИА, ф. 797, оп.32, д. 173, Л. 3]. Но уже через несколько строк министр пишет: «...При этом случае Его Императорскому Величеству благоугодно было обратить внимание, что все заграничные православные церкви, находящиеся как при Особах Императорской фамилии, так равно и при Миссиях и Посольствах наших, имеют одно лишь общее положение, что в отношении иерархического управления они состоят в ведении здешнего епархиального начальства; но затем все назначения по содержанию сих церквей и причтов оных до сих пор производятся по распоряжению различных ведомств и из разных источников. От сего могла произойти и оказывающаяся разность в определении не только размера содержания священно-и церковнослужителей, но и самих прав каждого из них на другие служебные преимущества. Вследствие сего имея ввиду, что при постоянно распространяющемся сближении нашем с иностранными государствами существование там православных церквей уже и ныне составляет не только надобность для Особ Императорской Фамилии и лиц, состоящих при наших Миссиях и Посольствах, но и существенную потребность для значительного числа пребывающих там русских подданных – Государь поручил мне войти с Высокопреосвященным Митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским и Вице-канцлером князем Горчаковым в надлежащее соглашение: не следует ли все вообще заграничные православные церкви наши подчинить во всех отношениях заведыванию одного начальства, и в таком случае пересмотреть изданные для каждой из сих церквей отдельные постановления, установить для всех их в отношении материальных средств и вообще служебных преимуществ единообразные, сколько возможно, положения с определением при том и одного общего источника, из которого должны производиться все издержки на содержание церквей и причтов оных» [РГИА, ф. 797, оп.32, д. 173, Л. 5-7].

Обсуждение, споры, разные точки зрения на проблему представлены в большой и подробной переписке между различными инстанциями: Министерством Иностранных дел, Министерством финансов, Канцелярией Обер-прокурора Святейшего Синода, Петербургской Духовной Консистоией, Министерством Императорского Двора. Результатом этого обсуждения является постепенно складывающаяся система контроля и поддержки заграничных церквей. В фонде Петербургской Духовной Консистоии имеется Дело «По отношению Духовно-учебного Управления при Святейшем Синоде о доставлении списка церквам и причтам, находящимся за границей». Начато 14 марта 1862 года и окончено 22 июня 1862 года [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 54, д. 47]. В письме секретарю 1 экспедиции Санкт-Петербургской Духовной Консистоии поручается в Канцелярию Обер-прокурора Священного Синода «представить список Русских православных церквей за границей и священно-церковнослужителей при них, с означением звания, имён, отчеств, фамилий и лет каждого, а также времени, с которого они находятся за границей, и количества получаемого ими содержания на службе» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 54, д. 47, Л. 4]

В эти годы русские православные церкви находились во многих европейских странах, а также в Китае, Японии, Иерусалиме и Константинополе, но в данном исследовании мы рассмотрим только города Италии – в связи с путешествиями по этой стране Ф.М. Достоевского. Много прежде реальной поездки в эту страну, в 1846 году, когда уже состоялся его успешный дебют – восторженный отзыв о романе «Бедные люди», когда он пережил холодность критики и читателей, с которой была встречена его повесть «Двойник», когда задумывались и строились новые планы, Фёдор Михайлович мечтает: «А я в Италии,

на досуге, на свободе хочу писать роман для себя...» [Достоевский Ф.М. ПСС, т. XXVIII2, Л. Наука, Ленингр. отд-ние, 1985, 19 с.].

В 1861 году в письме Я.П. Полонскому писатель признавался: «Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Ещё с романов Радклиф, которые читал я ещё восьми лет, разные Альфонсы, Катарини и Лючии вьелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами ещё и до сих пор брежу. Потом пришёл Шекспир – Верона, Ромео и Джульетта – чёрт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию!» [Достоевский Ф.М. ПСС, т. XXVIII1, Л. Наука, Ленингр. отд-ние, 1985, 128 с.].

Ф.М. Достоевский бывал в Италии трижды: 1862 года, в 1863, и почти год с сентября 1868 года до августа 1869. Из приведенного выше документа становятся известны следующие факты. В Неаполе в церкви во имя Рождества Христова служат: священник Михаил Никифорович Орлов, диакон Никита Иванович Богословский, псаломщик Павел Леонтьевич Бедин. Они будут значиться и в документах 1866 года.

«В Сан-Дonato, близ Флоренции – церковь во имя Святого и Чудотворца Николая. Священник Платон Петрович Травлинский, 35 лет. В Санкт-Петербургской Духовной академии со степенью магистра, из воспитанников Санкт-Петербургской Духовной семинарии. Произведён к сей церкви во священник 12 января 1857 Певчий Бонифаций Дмитриевич Кашперский 33 лет, из Волынской семинарии, но курса не окончил, из пономарей Варшавского кафедрального собора, определён к сей церкви 16 мая 1857 г. [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 54, д. 47, Л.8] В Риме – церковь во имя Святого и Чудотворца Николая. Настоятель Архимандрит Палладий, 45 лет. В Санкт-Петербургской Духовной академии со степенью магистра, из настоятелей Константинопольской миссии, определён к сей церкви 2 октября 1855 г.

Диакон Пётр Яковлевич Яковлев, 44 года. В Санкт-Петербургской Духовной семинарии, где и окончил курс. Из диаконов Санкт-Петербургского 2-го кадетского корпуса, определён к сей церкви в 1847 г.

Псаломщики: Пётр Фёдорович Долоцкий, 37 лет, В Санкт-Петербургском Духовном училище, из певчих Санкт-Петербургского Казанского Собора, определён к сей церкви в 1849 г. августа 5 дня. Григорий Иванович Лебедев 25 лет. Из Санкт-Петербургской Духовной академии, из воспитанников оной определён к сей церкви 7 мая 1860 г. Иван Петрович Березин, 29 лет, с 16 февраля 1862 г.» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 54, д. 47, Л.9] К 1866 – 1867 годам относится ещё одно Дело из фонда Духовной Консistorии в ЦГАЛИ СПб – «О предоставлении в канцелярию Господина Обер-прокурора Священного Синода списка о заграничных причтах». Начато 30 декабря 1866 г. и окончено 11 апреля 1867 г. [ЦГИА СПб, ф. 19, оп.58, д. 29]. Следует заметить, что специальным Предписанием Обер-прокурора Святейшего Синода было поручено секретарю Консistorии доставлять подробные списки священно-и церковнослужителей при всех православных храмах за границей к 1 января каждого года. Из предоставленного к 1 января 1867 года списка видно, что многие священники успешно продолжали свою карьеру, о чём свидетельствуют более подробные описания их служения. В Неаполе, где Достоевский провёл несколько дней в 1863 году, существовала Христовоздвиженская церковь при Посольстве России. История Православия в Неаполе восходит к концу XVIII века, когда Святейший Синод утвердил штат посольской церкви в королевстве обеих Сицилий. Но посольская церковь была закрыта в

1866 году в связи с внутренними политическими переменами в стране. Последним настоятелем храма был священник Михаил Орлов – личность во многом интересная и значительная.

«Протоиерей Михаил Никифорович Орлов, 36 лет. Окончил курс учения в Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1855 г. Рукоположен в диакона в Парижской Посольской церкви 1855 ноябрь 22, в священники при той же церкви на вакансии второго священника 1856 декабрь 6; Пожалован ему из Кабинета Золотой наперсный крест 1857 май, получил в подарок золотой с драгоценными камнями перстень за служении в Ницце при Великой Княгине Екатерине Михайловне 1858 ноябрь 4. Перемещён на настоящее место в Неаполе 1859 май. Возведён в степень магистра 1859 август 23. За отличную усердную службу возведён Священным Синодом в сан протоиерея 1864 в августе, указом предписано ему именоваться протоиереем 1864 сентябрь 23. Награждён бархатной фиолетовой камилавкою 1863 мая 4. Всемиловнейше пожалован орден Св.Анны 3 ст. 1867 март 14» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп.58, д. 29].

В РГИА ф. 869 оп. 1, д. 659 хранится Статья священника Михаила Орлова о закрытии монастырей в Италии в 1860-х г.г., и в ф. 797, оп. 29, д. 241а - подробное письмо «О гарибальдийском движении, об отношении разных слоёв общества к этому движению в 1859-1860 г.г.». Ф.М. Достоевского чрезвычайно интересовала личность Джузеппе Гарибальди, его революционная деятельность и его взгляды. В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской, жены писателя, есть такая запись: «В начале сентября 1867 года в Женеве состоялся Конгресс мира, на открытие которого приехал Джузеппе Гарибальди. Приезду его придавали большое значение, и город приготовил ему блестящий прием. Мы с мужем тоже пошли на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги. Дома были пышно убраны зеленью и флагами, и масса народу толпилась на его пути. Гарибальди, в своем оригинальном костюме, ехал в коляске стоя и размахивал шапочкой в ответ на восторженные приветствия публики. Нам удалось увидеть Гарибальди очень близко, и мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка» [Достоевская А.Г. Воспоминания. 1846 - 1917 Солнце моей жизни – Фёдор Достоевский. М., ООО «Бослен», 2015, 220-221 с.].

«Диакон на вакансии псаломщика Никита Иванович Богословский, 43 лет. Окончил курс учения Новгородской Духовной семинарии в 1845 г. Определён псаломщиком к Неапольской церкви 1848 декабрь. Рукоположен в диаконы с оставлением на причетнической вакансии 1859 октябрь 18. По случаю служения в присутствии Их Императорских высочеств Великих Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича удостоился получить в награду 50 руб. сер. 1852. Всемиловнейше пожалован ему в пособие полугодовой оклад жалованья 285 руб.50 коп. за усердную службу и отлично хорошее поведение 1863 июля 24.

Псаломщик Павел Леонтьевич Бедин, 29 лет. В службу вступил к Высочайшему Двору малолетним певчим в 1847 г. Потом находился канцелярским служителем Департамента народного просвещения-1854; произведён в коллежские регистраторы -1858. Определён на настоящее место в Неаполе 1859 ноябрь 25» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп.58, д. 29] Церковь святителя Николая при Императорской Российской Миссии в Риме – самый старый из русских приходов в Италии. Императорский указ «Об учреждении греко-российской

церкви при Римской миссии» был подписан 6 (18) октября 1803 г. Но сложные дипломатические отношения между Россией и папским государством привели к тому, что только в 1823 году была освящена домовая церковь святителя Николая Чудотворца. Она несколько раз меняла своё местонахождение, и на тот момент, когда Достоевский был в Риме, находилась в палаццо Джустиниани на площади Сан-Луиджи-де-Франчези. В ней служили: «Диакон Пётр Яковлев, 53 лет. Окончил курс учения в Санкт-Петербургской семинарии в 1837 г. Рукоположен в диакона в церкви Павловского Кадетского корпуса 1838 августа 3. Перемещён на настоящее место в Рим в 1847 г. Награждён годовым окладом жалованья за отлично усердное прохождение должности законоучителя упомянутого корпуса в 1847 г.

Причетники: Пётр Долоцкий, 40 лет, из высшего отделения Петропавловского духовного училища поступил в хор певчих Казанского собора в 1847 г. Определился на настоящее место в Риме 1849 августа 5. Посвящён в стихарь 1849 сентябрь 8. Переведён на причетническую вакансию в Мадридской церкви 1867 февраль 20. Иван Берёзкин, 35 лет, из духовного училища поступил послушником в Донской монастырь, а потом перешёл в Александровскую Лавру в 1857 г. Посвящен в стихарь в 1859 г. Определён в настоящее место в Риме февраля 16 1862 г. Вследствие разрыва дипломатических отношений наших с римским двором в мае 1866 года и упразднении Миссии остался за штатом» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп.58, д. 29]

Июлем 1864 года датируется Объяснительная записка из Донесения комиссии по составлению Положения о заграничных церквях. В этом документе очень подробно представлена дискуссия между членами комиссии. Так, от Министерства иностранных дел статский Советник Средин предлагал в целях экономии государственных денег закрыть церкви в Мадриде, Стокгольме и Турине, мотивируя это тем, что русские путешественники крайне редко и мало их посещают. Доводам чиновника свои аргументы привёл протоиерей Василий Полисадов. Он утверждал, что существование наших церквей целесообразно не только в это время, но и на будущее. Православных путешественников бывает в них много и особенно в Неаполе. «Существование церквей и причтов наших в различных странах западного Христианского мира имеет целью не одно удовлетворение духовных потребностей православных русских, но ещё и представительство православной веры и обряда пред Христианами инославных исповеданий, что особенно важно в настоящее время, с одной стороны, сближение народов даже в духовных интересах, а с другой, потрясений и брожения в западном Христианском мире. Смотря с этой точки зрения на Церкви наши в Неаполе и Мадриде, я нахожу, что та и другая находятся в странах наиболее папских – наиболее удалённых от влияния в них духа Апостольской чистоты в вере и обряде. Приходят иноверцы в наши церкви, заводят знакомства с нашими священниками и узнают от них, что кроме испорченного папизма есть Церковь Восточная, столь же древняя, как и Римская, но оставшаяся неизменно верною Апостольскому преданию, а потому и Православно – Католическая». [РГИА, ф. 797, оп.32, д. 173]. Высоко оценивает протоиерей Полисадов уровень образованности священников русской православной церкви и ставит это в заслугу правительству. Будучи настоятелем русской посольской церкви в Берлине, он знал лучше многих членов комиссии истинные трудности и заботы русской православной церкви за рубежом. Окончательным результатом огромной работы стал Проект Положения о заграничных церквях православного вероисповедания, которым определялась будущая их

Шварц Н.В.

«Представить список русских православных церквей за границей и священнослужителей при оных...» по материалам Петербургских архивов
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 48–56.

Shvarts N.V.

"To Present a List of Russian Orthodox Churches Abroad and the Clergy Attached to Them..." Based on the Materials of the St. Petersburg Archives
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 48–56.

деятельность

«Отдел I: Православные церкви, учреждённые при некоторых Посольствах, Миссиях, Консульствах и при Дворах Высочайших Особ Императорской Фамилии за границей, состоят в заведовании Министерства Иностранных дел под непосредственным покровительством и наблюдением Посланников наших при заграничных Дворах. Составляя необходимую потребность для значительного числа русских подданных, пребывающих за границей, церкви эти открыты для всех верующих православного исповедания. Заграничные церкви, по кругу служебной деятельности их причтов и по окладам жалованья и пенсии священно - и церковнослужителей разделяются на три разряда.

1. Церкви Посольские: в Вене, Лондоне и Париже.

2. Церкви Миссий: в Афинах, Берлине, Берне, Константинополе, Копенгагене, Мадриде, Пекине, Риме, Стокгольме, Тегеране и Турине (церковь этой миссии находится в Неаполе). Придворные: в Гааге и Стутгардте. Надгробные: в Веймаре, Висбадене и Ироме (Венгрия).

3. При Консульствах: в Хокодате (Япония) и в Чугучаке (Китай)

Отдел II О церквах, учреждённых частными лицами» [РГИА, ф. 797, оп.32, д. 173, Л.Л.33-34].

Литература

1. Алоэ С. Италия в биографии Ф.М. Достоевского: Несколько вводных заметок по поводу архивных находок Валентины Супино [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 3-12. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3801
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869-1894: в 2 т. Т.2 (М-Я). 1896. СПб: Тип.и лит Б.М.Вольфа, С. 118-120
3. Битюгова И.А. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821-1881.: в 3 т. Т.2. 1993. СПб.: Академический проект, 583 с.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. 1998. СПб.: ПОЛРАДИС, С. 473-938.
5. Волгин И.Л. Хроника рода Достоевских. 2013. М.: Фонд Достоевского, 1222 с.
6. Григоренко В.В. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. 1964. М.: Худож. лит., 439 с.
7. Достоевская А.Г. Солнце моей жизни - Федор Достоевский: воспоминания 1846-1917. 2015. М.: Изд-во Бослен, 765 с.
8. Достоевская Л.Ф. Мой отец Фёдор Достоевский. 2017. М.: Изд-во Бослен, с. 158.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. 1985. Л: Наука, Ленингр. отделение, 572 с.
10. Печатнов В.О., Печатнов Вал.В. МИД и реформа заграничных церквей русской православной церкви в 1860 –х годах [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО Университета. 2020. № 3. С.7-25. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-7-25
11. Половцов А.А. Русский биографический словарь: в 25 томах. 1896-1913. Санкт-Петербург: Имп. Рус. ист. о-во.
12. Православная энциклопедия: в 20 т. Т. 4: Афанасий-Бессмертие. 2002. Москва: Церковно-науч. центр "Православная энцикл.", С. 210

13. Руммель В.В. Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. 1886. Санкт-Петербург: А. С. Суворин. С.13-20.
14. Сараскина Л.И. Достоевский. 2011. М.: Изд-во Молодая гвардия, 825 с.
15. Супино В. Флорентийские адреса Достоевского [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 13-30. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3841
16. Сулова А.П. Годы близости с Достоевским. Дневник – повесть – письма. 1991. М.: Русслит, 189 с.
17. Якубович И.Я., Орнатская Т.И. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821-1881.: в 3 т. Т.1. 1993. СПб.: Академический проект, 530 с.

References

1. Aloe S. Italiya v biografii F.M. Dostoevskogo: Neskol'ko vvodnykh zametok po povodu arkhivnykh nakhodok Valentiny Supino [Italy in the Biography of F. M. Dostoevsky: Several Introductory Notes About the Archival Finds of Valentina Supino]. *Neizvestnyi Dostoevskii= Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 1, pp. 3-12. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3801
2. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' ego sushchestvovaniya. 1869-1894: v 2. T.2 (M-Ya). 1896. Saint-Petersburg: Tip.i lit B.M.Vol'fa, pp. 118-120
3. Bityugova I.A. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo. 1821-1881.: v 3 t. T.2. 1993. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 583 p.
4. Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. 1998. Saint-Petersburg: POLRADIS, pp. 473-938.
5. Volgin I.L. Khronika roda Dostoevskikh. 2013. Moscow: Fond Dostoevskogo, 1222 p.
6. Grigorenko V.V. F.M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. T. 1. 1964. Moscow: Khudozh. lit., 439 p.
7. Dostoevskaya A.G. Solntse moei zhizni - Fedor Dostoevskii: vospominaniya 1846-1917. 2015. Moscow: Publ. Boslen, 765 p.
8. Dostoevskaya L.F. Moi otets Fedor Dostoevskii. 2017. Moscow: Publ. Boslen, pp. 158.
9. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 28. 1985. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 572 p.
10. Pechatnov V.O., Pechatnov Val.V. MID i reforma zagranichnykh tserkvei russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1860 –kh godakh [Russian Foreign Ministry and the Reorganization of Russian Orthodox Churches Abroad in 1860 s]. *Vestnik MGIMO Universiteta= Bulletin of MGIMO University*, 2020, no. 3, pp.7-25. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-7-25
11. Polovtsov A.A. Russkii biograficheskii slovar': v 25 tomakh. 1896-1913. Saint-Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo.
12. Pravoslavnaya entsiklopediya: v 20 t. T. 4: Afanasii-Bessmertie. 2002. Moscow: Tserkovno-nauch. tsentr "Pravoslavnaya entsikl.", pp. 210
13. Rummel' V.V. Golubtsov V.V. Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii. 1886. Saint-Petersburg: A. S. Suvorin. pp.13-20.
14. Saraskina L.I. Dostoevskii. 2011. Moscow: Publ. Molodaya gvardiya, 825 p.
15. Supino V. Florentiiskie adresa Dostoevskogo [Florentine Addresses of Dostoevsky]. *Neizvestnyi Dostoevskii= Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 1, pp. 13-30. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3841
16. Suslova A.P. Gody blizosti s Dostoevskim. Dnevnik – povest' – pis'ma. 1991. Moscow: Russlit,

Шварц Н.В.

«Представить список русских православных церквей за границей и священнослужителей при оных...» по материалам Петербургских архивов
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 48–56.

Shvarts N.V.

"To Present a List of Russian Orthodox Churches Abroad and the Clergy Attached to Them..." Based on the Materials of the St. Petersburg Archives
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 48–56.

189 p.

17. Yakubovich I.Ya., Ornatskaya T.I. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo. 1821-1881.: v 3 t. T.1. 1993. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 530 p.

Информация об авторах

Наталья Владимировна Шварц, секретарь Российского общества Достоевского, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-0023>, e-mail: nshwartz@list.ru

Information about the authors

Natal'ya V. Shvarts, Secretary of the Russian Dostoevsky Society, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-0023>, e-mail: nshwartz@list.ru

Получена 11.01.2021

Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021

Accepted 25.01.2021

Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии во времена Муссолини

Алоэ С.В.

Университет Вероны, г. Верона, Италия,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>, e-mail: stefano.aloe@univr.it

Статья представляет собой предварительную попытку очертить контуры комплексной рецепции творчества и идейного мира Ф.М. Достоевского в Италии в двадцатилетний период фашистского режима (1922-1943). Попытка оправдывается отсутствием до сих пор подобных исследований, при наличии ряда интересных статей и монографий, посвященных отдельным аспектам восприятия русского писателя в Италии в указанный период. Остался до сих пор нерешенным вопрос о том, использовалось ли имя Достоевского для целей фашистской пропаганды, другими словами, воспринимался ли русский властитель дум предшественником фашистской право-консервативной революции. Первые, пока еще провизиональные наблюдения склоняются к мнению, что «фашистизация» Достоевского происходила, но имела окказиональный характер и слабо влияла на рецепцию писателя в общем в Италии, в то время как самое сильное и прочное влияние на рецепцию писателя оказали литераторы не-фашисты или даже анти-фашисты, которые, следовательно, интерпретировали его фигуру и творческое наследие согласно категориям, несовместимым с идеологическим пространством фашизма.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Итальянская рецепция русской литературы – 1922-1943, Фашистская Италия, фашистская культура, Власть и литература.

Для цитаты: Алоэ С. Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии во времена Муссолини [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 57–68. DOI:10.17759/langt.2021080107

Some Notes on the Reception of Dostoevsky in Italy at the Time of Mussolini

Stefano V. Aloe

University of Verona, Verona, Italia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>, e-mail: stefano.aloe@univr.it

The article is a preliminary attempt to outline the contours of the complex reception of the creativity and ideological world of F. M. Dostoevsky in Italy during the twenty-year period of the fascist regime (1922-1943). The attempt is justified by the

lack of such studies so far, in the presence of a number of interesting articles and monographs devoted to certain aspects of the perception of the Russian writer in Italy during this period. The question of whether Dostoevsky's name was used for the purposes of fascist propaganda, in other words, whether the Russian ruler of the doom was perceived as a precursor of the fascist right-wing conservative revolution, remains unresolved. The first, as yet pro-visionary observations lead to the opinion that Dostoevsky's "fascization" took place, but had an occasional character and had little influence on the reception of the writer in general in Italy, while the strongest and most lasting influence on the reception of the writer was exerted by non-fascist or even anti-fascist writers, who, consequently, interpreted his figure and creative heritage according to categories incompatible with the ideological space of fascism.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Italian reception of Russian literature – 1922-1943, Fascist Italy, Fascist culture, Power and Literature.

For citation: Aloe S.V. Some Notes on the Reception of Dostoevsky in Italy at the Time of Mussolini. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 57–68. DOI:10.17759/langt.2021080107 (In Russ.).

Si può affermare senza rischio di esagerazioni che Fedor Dostoevskij e le sue opere hanno permeato della loro influenza la cultura italiana del Novecento. Ciò vale non soltanto per la letteratura, perché il contatto con quelle opere è stato altrettanto intenso da parte del pensiero filosofico e religioso, oltre che di quello socio-politico, psicologico, psicoanalitico, e persino giuridico. E altrettanto significativa è la traccia dostoevskiana in diverse arti: dal teatro alla musica al cinema.¹

Il processo di “rivelazione” del genio dostoevskiano in Italia non fu lineare né agevole. Occorsero infatti diversi decenni di dubbi, pregiudizi, travisamenti ed interpretazioni erranee della poetica dello scrittore russo prima che ne incominciasse una lettura più matura ed empatica. I primi tentativi interessanti in tal senso appartengono all’inizio del Novecento, ma è solo dagli anni '20 che Dostoevskij viene accolto pienamente dalla cultura italiana: non più come un corpo estraneo ed esotico, attraente nella sua “stranezza” e “morbosità” e rappresentante di una letteratura, quella russa, che fino a poco tempo prima veniva considerata periferica rispetto a quelle europee; ma come un grande classico della contemporaneità capace di svelare nuovi temi e rivoluzionario nella scrittura. Da questo momento in poi la cultura italiana rimarrà estremamente ricettiva nei confronti di Dostoevskij, e saprà dare interpretazioni originali, a volte molto acute, della sua opera.

L’episodio-chiave nella storia della ricezione dostoevskiana in Italia va rintracciato in un articolo del giovanissimo Piero Gobetti, «Dostoevskij classico» (1921), che spazzava via con precisione impressionante i pregiudizi accumulati sullo scrittore russo [25;95-98]. Primo in Italia, Gobetti vedeva chiaramente in Dostoevskij il grande artista della penna, lo stilista raffinato e al tempo stesso libero dai canoni. Gobetti recuperava così quel legame imprescindibile tra qualità letteraria e originalità di pensiero che fino ad allora era stato negato, ad esclusivo vantaggio del Dostoevskij pensatore.

Negli stessi anni intervenne un fattore decisivo per una corretta ricezione dell’opera dostoevskiana: cominciarono a diffondersi traduzioni di buona qualità, fedeli al testo e condotte direttamente sull’originale russo. Se fino a quel momento il lettore italiano si era trovato a leggere

¹ Rimando alla mia bibliografia dostoevskiana, pubblicata in russo e in italiano: [1], [8].

un romanziere “abbellito” e rimaneggiato secondo i canoni del gusto e della moda della belletristica francese ed italiana, a partire dagli anni '20 le caratteristiche stilistiche di quei romanzi e racconti apparvero per la prima volta in una forma molto prossima alla fonte. Più complessi, ma più comprensibili nella loro unicità, e perciò più incisivi [11], [20], [34].

Un ruolo importantissimo per la ricezione della letteratura russa in Italia lo ebbe quella folta e qualificata emigrazione di letterati e scrittori che, lasciata la Russia bolscevica, scelsero di vivere per periodi più o meno continuativi nella Penisola italiana. Molti di loro divennero attivi intermediari tra le due culture e furono tra i protagonisti della vita intellettuale italiana [3].

Un altro fattore storico significativo, peraltro interconnesso con il precedente, consiste nella nascita, in quegli stessi anni '20, della slavistica e russistica accademica italiana. A questi anni risalgono infatti le prime cattedre universitarie dedicate allo studio della lingua e della letteratura russa, emergono le prime figure di specialisti (tra questi spiccano i nomi di Ettore Lo Gatto, Enrico Damiani, Evel Gasparini, Wolf Giusti ed altri) [16], [19], [22], [29], [33]. Grazie a questi studiosi competenti e appassionati trovano immediata espansione sia l'attività di ricerca scientifica (con le prime riviste e collane editoriali dedicate alle letterature slave) che la divulgazione a più livelli (su giornali e riviste popolari, oltre che nell'opera di traduzione e di introduzione ai romanzi tradotti). Decine di case editrici si cimentano con le letterature slave e in primo luogo con quella russa, che diventa popolarissima anche in conseguenza degli straordinari avvenimenti storici (la Russia è chiaramente al centro dell'attenzione dell'opinione pubblica dopo gli avvenimenti del 1917) [34], [12].

Non è perciò un caso che proprio in questo periodo attorno a Dostoevskij aumenti così tanto l'interesse dei letterati e degli intellettuali italiani. Tanti aspetti dell'opera e del pensiero dello scrittore russo risultano ancora nuovi e sorprendenti, suscitano dibattiti di cui si può trovare eco sulle riviste letterarie, nei giornali e nella corrispondenza privata di numerosi esponenti dell'*intelligencija* italiana [37]. La popolarità dei suoi romanzi è dimostrata anche da una discreta produzione di spettacoli teatrali, opere liriche e film ispirati ad essi.²

Ma è soprattutto sul piano della letteratura italiana che si può cogliere un “effetto Dostoevskij”: se, infatti, è vero che l'influsso del romanzo tolstoiano è predominante (e lo sarà ancora di più dopo la Seconda Guerra Mondiale), le tecniche narrative e determinati temi dostoevskiani suggestionano la parte più sperimentale degli scrittori italiani, penetrando in varie forme, non sempre evidenti, nelle loro trame e modalità di scrittura [9].

Sempre a partire da questo periodo, i personaggi del romanziere russo cominciano a rivivere stabilmente nel pensiero religioso e filosofico italiano. Da una parte è forte l'impatto dei suoi personaggi-ideologi, specialmente i “demoni” nichilisti e l'individualista “superomista” Raskol'nikov: le loro figure vengono discusse alla luce della diffusione del comunismo sovietico e delle ideologie di massa, ivi compreso il nascente fascismo [5]. Va ricordato, del resto, che l'ascendente degli esperimenti politici russi in Italia era forte sin dalla seconda metà dell'Ottocento, e concetti come nichilismo, populismo, anarchismo vi avevano ampiamente attecchito ben prima della nascita del fascismo. Non meno rilevante è la penetrazione dei temi spirituali dell'opera dostoevskiana nel pensiero religioso, e specificamente cattolico italiano. La sfida dello scrittore russo al cattolicesimo venne accolta come una possibilità di mettere in discussione alcuni fondamenti della tradizione religiosa occidentale, mentre la sua lettura del cristianesimo russo finì per affascinare pensatori di ogni livello.

² Un censimento completo di queste opere ancora non è stato fatto.

Di questa polimorfa ricezione dell'opera dostoevskiana nell'Italia della prima metà del Novecento molto è stato studiato. Tuttavia, ad oggi mancano studi complessivi che ce ne offrano un panorama ragionato (una parziale eccezione è rappresentata dall'ottimo saggio di Sergia Adamo dedicato alla ricezione di Dostoevskij nelle riviste letterarie) [7]. Non sono stati finora studiati i legami tra le caratteristiche di questa ricezione e popolarità e le specificità della vita culturale dell'Italia del Ventennio fascista (1922-1943). Uno studio su questi aspetti della ricezione dostoevskiana sarebbe peraltro auspicabile. In sua mancanza ci si potrà basare per adesso su dati essenzialmente frammentari, ma abbastanza indicativi di alcune possibili tendenze in attesa di verifiche più precise.

Nella sua prima fase, corrispondente all'incirca agli interi anni '20, il fascismo italiano si trovò ad imbastire la propria politica culturale in modo meno consapevole di quanto non avesse fatto sin dalle origini il bolscevismo nella Russia sovietica. Sotto questo profilo, proprio l'esperienza sovietica rappresentava per Mussolini e per i suoi sodali il modello più prossimo, con tutte le contraddizioni implicite nel fatto di ispirarsi a quello stesso nemico ideologico da cui il fascismo nasceva per opposizione e rigenerazione. Del resto, per tutti gli anni '20 il regime fascista oscillò tra un anticomunismo radicale e un rivoluzionarismo di destra che del comunismo era la copia ribaltata e deformata, ma riconoscibile. Che per alcuni anni il fascismo rimanesse ambiguo nel proprio atteggiamento verso l'URSS, e che coltivasse al proprio interno la tentazione di un avvicinamento a quel modello, è cosa che non può stupire. Lo dimostrano le relazioni diplomatiche e commerciali tra i due stati, che Mussolini volle ristabilire sin dalla presa del potere nel 1922 e che portarono al riconoscimento dell'URSS da parte del Regno d'Italia già nel 1924 (l'Italia fu così tra i primi stati a riconoscere ufficialmente l'Unione Sovietica) [13;238-239]. E solo a partire dagli anni '30 il fascismo ricusò in modo netto ogni affinità ideologica con l'URSS.

Gli storici tendono ad osservare nella politica culturale del regime mussoliniano la sostanziale carenza di una concezione organica e totalizzante [22;13-14] con la conseguenza che lo *status* e il ruolo della cultura nell'Italia fascista risultano molto più modesti di quelli che caratterizzano sia la situazione sovietica che, successivamente, quella nazionalsocialista in Germania, due stati totalitari in cui la politica culturale era da considerarsi centrale e strategica. In Italia non fu percepita la necessità di investire la nuova cultura totalitaria del fascismo di una missione così marcata, né di delegare un ruolo di primo piano ai letterati; di conseguenza, mancò anche una censura così ferrea e totalizzante come quella che agiva in URSS e in Germania. Il fascismo in genere concentrò le proprie attenzioni sulla cultura di massa, lasciando alle *élites* culturali una relativa libertà di espressione, purché non entrassero direttamente nelle questioni della politica nazionale e dell'ideologia al potere.

La popolarità della letteratura russa, e persino di quella sovietica, non soltanto non trovò particolari ostacoli nell'Italia mussoliniana, ma anzi crebbe assai rapidamente almeno fino alla prima metà degli anni '30, quando l'atmosfera cambiò in modo repentino e la propaganda antisovietica (ma anche, più in generale, autarchica e isolazionista) cominciò ad ingerire in modo attivo sulla vita culturale del paese. Solo in quegli anni la censura divenne capillare, con la conseguenza di ridurre al minimo la quantità di pubblicazioni legate alla Russia. Solo a questo punto si verificarono anche episodi di confisca di tirature già pronte [31;74]. Un mercato editoriale fiorentissimo venne in questo modo soffocato nel giro di brevissimo tempo.

Ma fino a quel momento la letteratura russa aveva avuto larga diffusione nell'editoria italiana, e tra gli autori russi Dostoevskij occupava il primo posto per quantità di libri pubblicati, con tirature spesso assai significative [34]. Case editrici di ogni dimensione facevano a gara per assicurarsi

traduzioni dei romanzi e dei racconti dello scrittore russo, e intorno a quelle traduzioni e alle figure dei traduttori avvampavano puntualmente accese polemiche, confronti e discussioni, aventi come oggetto la fedeltà e qualità letteraria delle traduzioni stesse.

L'attenzione nei confronti di Dostoevskij era così alta da giustificare la traduzione non solo delle sue opere letterarie, ma anche di una parte consistente della pubblicistica (a partire dal «Diario di uno scrittore», tradotto da Ettore Lo Gatto) e del *corpus* epistolare (nella traduzione di Ol'ga Resnevič Signorelli). In tal modo anche le opinioni politiche dello scrittore trovarono ricezione tra il pubblico italiano. Ma ciò non portò, come forse ci si sarebbe potuti aspettare, alla costruzione di un'immagine pubblica di Dostoevskij precursore della “rivoluzione fascista”, conservatrice e anticomunista, come invece avveniva in Germania negli stessi anni e anche da prima [6], [35]. Gli argomenti in favore di questa visione (risvolti politici e biografici, e specialmente i punti di vista espressi da Dostoevskij nel «Diario di uno scrittore») ebbero in Italia una presa modesta, al contrario degli spunti che derivavano dalla sua produzione letteraria. Contro questa sua immagine di nazionalista mistico prevalse ampiamente l'idea dello scrittore profeta dell'umanesimo cristiano, universale e fraterno, probabilmente perché più familiare alla componente cattolica della società italiana. Non a caso cominciavano ad avere discreta popolarità le interpretazioni di Nikolaj Berdjaev e di Vjačeslav Ivanov (quest'ultimo, va ricordato, visse buona parte della sua esistenza a Roma ed intrattenne attivi scambi con gli intellettuali italiani). Più del Dostoevskij scrittore nazionale russo si impose dunque l'immagine del Dostoevskij scrittore (e pensatore) religioso e universale. Proprio negli anni '30 cominciò a studiarne l'opera sotto un profilo etico-filosofico uno dei più originali rappresentanti dell'esistenzialismo italiano, Luigi Pareyson. Fu prima di tutto il fondamento etico e spirituale, soprattutto in chiave cristiana, dei romanzi dostoevskiani a colpire l'immaginario collettivo dei lettori italiani.

In questo processo, l'ideologia fascista rimaneva in disparte. I principali rappresentanti ufficiali della cultura italiana dell'epoca, il fascista Giovanni Gentile e l'indipendente Benedetto Croce, in generale non dimostrarono di apprezzare e capire più di tanto la cultura russa e la sua lingua, e in particolare si mostrarono assai guardinghi, se non addirittura ostili, nei confronti di Dostoevskij. Ciò riguarda soprattutto Croce, che con ogni evidenza non lo capì e non ne seppe apprezzare il talento, se è vero che lo assimilava frettolosamente al verismo italiano e al naturalismo francese della fine dell'Ottocento [7;89]. In generale in quella valutazione trapela un pregiudizio complessivo nei confronti del pensiero russo: Croce riteneva l'*intelligencija* russa evanescente ed arretrata, un po' “barbarica”, sotto il punto di vista filosofico e politico.

Su posizioni simili, almeno inizialmente, si posizionava anche Gentile [36;42]. In uno scritto del 1919, per esempio, definiva l'*intelligencija* russa «la matta genia proliferata da quell'astratto e spiantato spirito russo, che fu così tipicamente espresso dalle ingenue teorie di Bakunin e dall'arte stessa del Tolstoj» [21;340]. Va però detto che Gentile, vero promotore della politica culturale del fascismo, con il tempo si dimostrò più lungimirante: il suo implicito riconoscimento del valore di Dostoevskij (e della letteratura russa) si desume dalle iniziative che intraprende a partire dal 1932, quando diviene titolare della casa editrice Sansoni. In quella veste, Gentile si distingue per un piano editoriale che ricorda da vicino la collana “Vsemirnaja literatura” ideata da Gor'kij nella Russia sovietica; tra i classici della letteratura mondiale inseriti nel progetto sansoniano, poi solo in parte realizzato, si trovano infatti anche i principali romanzi di Dostoevskij e di altri scrittori russi, oltre alla fondamentale «Storia della letteratura russa» di Ettore Lo Gatto [38;197].

Ma in generale, la penetrazione dell'opera di Dostoevskij nella coscienza culturale italiana fu opera prevalentemente di intellettuali e letterati tangenziali rispetto all'ideologia fascista (come

Alberto Moravia, Alfredo Polledro tra gli altri), quando non direttamente suoi avversari (come Piero Gobetti, Leone Ginzburg, Antonio Gramsci ed Evel Gasparini tra gli altri). Al contempo, gli intellettuali più organici al fascismo si spingevano spesso a dichiarare la pretesa autosufficienza (ovvero “primato”) dello “spirito italico”, negando con ciò ogni necessità di interazione con le culture allogene, e a maggior ragione con quella della politicamente “appestata” Russia. Sintomatiche sono le dichiarazioni rilasciate nel 1927 ad una rivista francese da un fascista militante come lo scrittore Curzio Malaparte, per il quale Dostoevskij era «Un énergumène épileptique. Connais pas. Tolstoi? Un vieux type qui est allé mourir dans une salle d’attente de troisième classe, dans une petite gare de Russie. Il ne faut pas lire les auteurs qui ne sont pas latins. C’est inutile est c’est néfaste» [27;84-85]. Malaparte in realtà non soltanto era un grande conoscitore della Russia (che aveva visitato dopo la Rivoluzione), ma ne apprezzava sicuramente la letteratura; e Dostoevskij, fra gli altri, sembra avere avuto un ruolo di primissimo piano anche per i suoi orientamenti stilistici e narrativi [23]. La natura dissacrante e provocatoria delle sue dichiarazioni va perciò letta alla luce della personalità molto sopra le righe di questo scrittore e della sua appartenenza ad un’idea estetica di fascismo permeata dallo spirito radicale e iconoclastico del futurismo. Il caso di Malaparte risalta, ma non va inteso come un caso isolato: questo genere di spaccineria era caratteristico della frazione più radicale del fascismo italiano e per nulla minoritario, specialmente negli anni ’20.³

Non si può comunque dire che non ci fossero anche tentativi di “fascistizzare” Dostoevskij. Negli anni ’30 se ne incontrano: per esempio, un’occasione di propaganda in tal senso arrivò nel 1931, cioè in concomitanza con il cinquantenario dalla morte dello scrittore. Questa ricorrenza ebbe grande risalto nell’ambiente intellettuale italiano, e si ricorda in particolare un numero speciale della rivista letteraria “La Cultura”, curato da Leone Ginzburg, nel quale furono ospitati scritti su Dostoevskij dei principali studiosi dell’epoca, italiani e stranieri (fra questi, Al’fred Bem e Vladimir Pozner) [15]. Ma se l’élite intellettuale coglieva l’occasione del cinquantenario per leggere una volta di più e commentare l’opera di Dostoevskij, l’anniversario fu anche il pretesto per una commemorazione di carattere ufficiale e patriottardo. Ci si riferisce alla solenne inaugurazione del monumento tombale della figlia dello scrittore, Ljubov’ Dostoevskaja, in un sobborgo di Bolzano, in Alto Adige. Ljubov’ Dostoevskaja vi aveva trascorso gli ultimi anni di vita ed era lì morta in povertà cinque anni prima, nel 1926. Che la tomba fosse molto modesta era stato messo in luce da un giornale viennese, «Neue Freie Presse», che incitava l’opinione pubblica ad impegnarsi per dare maggiore decoro alla sepoltura. L’Alto Adige (storicamente Tirolo meridionale) era stato annesso al Regno d’Italia solo nel 1919, e la sua popolazione era in larga maggioranza germanofona. La segnalazione della «Neue Freie Presse» conteneva perciò un’implicita polemica anti-italiana che fu immediatamente colta dalla stampa italo-fona dell’area. A brevissimo giro, Gino Cucchetti, redattore capo della «Rivista della Venezia Tridentina», punto nell’orgoglio, con la collaborazione di altre riviste nazionali rilanciò la posta, chiamando autorità e popolazione italiana a una raccolta fondi che rapidamente ottenne il risultato. Il 12 dicembre del 1931 fu solennemente inaugurato il nuovo monumento funebre a Ljubov’ Dostoevskaja, opera di uno scultore locale. Nella sua veste decorativa, dominata da fasci littori, il monumento sottolineava il messaggio nazional-patriottico sottinteso nell’intera operazione [28;98-104].

³ Lo spirito provocatorio era tra gli aspetti più vistosi del fascismo italiano e valse a conquistare a questo movimento ampie simpatie internazionali, anche da parte di intellettuali. Non va dimenticato il ruolo pionieristico del fascismo italiano nello sviluppo dei movimenti di destra sociale in tutto il mondo. Sui legami più specificamente tra fascismo italiano e fascismo russo, si vedano [2], [4], [24].

E tuttavia non va sovrastimata la portata di questo episodio, che ebbe rilevanza, di fatto, solo a Bolzano e nei suoi dintorni. In generale la figura di Dostoevskij dovette apparire troppo complessa e ambigua, e perciò potenzialmente pericolosa, per poterla canonizzare nell'orizzonte ideologico del fascismo. Come Sergia Adamo desume dalla sua analisi dei giornali e delle riviste dell'epoca,

Dopo il 1931, mentre in Italia si facevano sempre più centrali le istanze di fabbricazione del consenso <...> anche l'accostamento a Dostoevskij subì una svolta. <...> con una preliminare opera di riduzione della problematicità che era andata emergendo soprattutto nel corso degli anni '20 <...> lo scrittore russo venne piegato a incarnare i motivi fondamentali della propaganda fascista e contemporaneamente marginalizzato. <...> Su queste basi, Dostoevskij venne rivestito contemporaneamente della funzione di fautore di una religiosità statalizzata in vista di un primato imperialistico e di ammonitore nei confronti della vera natura del bolscevismo. La costruzione dostoevskiana del primato russo-ortodosso poteva diventare un modello per la missione imperiale fascista, che aspirava, a partire dall'Italia, a imporre una supremazia fatta di tradizione nazionale e apertura allo sviluppo [7;193-195].

L'attrazione esercitata sul regime fascista dalla Germania hitleriana nella seconda metà degli anni '30 portò ad imitare l'alleato in forme sempre più palesi su molti temi di carattere socio-politico e nelle forme della comunicazione di massa. Si acuirono le connotazioni etniche e razziste del nazionalismo italiano, come anche l'ossessione imperialista, nutrita di una retorica da "missione civilizzatrice". Ma soprattutto si fece strada anche in Italia un antisemitismo bellicoso che fino a quel momento aveva avuto un ruolo molto marginale nel dibattito interno del paese. E non è un caso che proprio nel settembre del 1938, all'indomani, cioè, della proclamazioni in Italia delle famigerate "leggi razziali", apparisse nella «Gazzetta di Venezia» un articolo, anonimo, dal titolo eloquente: «La rivoluzione (ebraica) russa e una profezia di Dostoevskij» [10;5]. Appoggiandosi all'autorità di Dostoevskij, l'anonimo autore di questo testo denunciava il ruolo supposto pernicioso degli ebrei per l'economia mondiale. Fino a quel momento, gli scritti antisemiti di Dostoevskij avevano trovato eco nella stampa italiana soltanto una volta, nel 1927, quando «Il Selvaggio», una delle riviste culturali di punta del fascismo, aveva pubblicato la traduzione di un estratto dall'articolo «Status in statu», desunto dal «Diario di uno scrittore» [32;87]. Per quanto l'antisemitismo non fosse del tutto assente dal dibattito socio-politico italiano dell'epoca, e anzi venisse spesso usato per argomentare ostilità nei confronti della rivoluzione bolscevica (mostrata dalla propaganda fascista come la presa di potere in Russia da parte degli ebrei) [13;235], tuttavia in Italia l'atmosfera non era così pesantemente anti-ebraica come in tanti altri paesi d'Europa, e comunque il nome di Dostoevskij non era solito associarsi a questo tipo di tematiche. Marginale, dunque, l'influsso della polemica anti-ebraica sollevata da Dostoevskij nel «Diario di uno scrittore», mentre dalla Russia si erano diffusi anche in Italia e con ben maggiore influsso i «Protocolli dei Savi di Sion» [14], [17], [18].

Rimangono da verificare molti aspetti della presenza e dell'uso del nome di Dostoevskij (e di suoi personaggi) nel dibattito culturale e socio-politico italiano del Ventennio fascista. Per esempio, andrebbe indagata l'eventualità che la propaganda bellica possa essersi richiamata al grande scrittore russo sul fronte sovietico durante la Seconda Guerra Mondiale (sia ad uso delle truppe dell'ARMIR che per avvicinare gli occupanti italiani alle popolazioni dell'URSS con cui venivano a contatto). Episodi di tal genere sono ricordati dalla memorialistica sovietica e tedesca in relazione all'esercito nazista, alcune divisioni del quale si appropriarono del nome Dostoevskij come proprio vessillo di battaglia, indicandolo non troppo implicitamente come un autore compatibile con l'ideologia del nazional-socialismo e come autorevole nemico di socialismo ed ebraismo [6]. Non si

possono escludere episodi analoghi tra le truppe italiane e per opera degli agitatori della propaganda fascista in territorio sovietico; tuttavia, finora dagli studi esistenti non ne risultano. Al contrario, sono noti casi di segno opposto: il nome di Dostoevskij era menzionato come simbolo di umanesimo, spiritualità e senso di pietà e giustizia, anche in senso politico, da diversi rappresentanti dell'antifascismo (tra questi si possono menzionare Gramsci negli scritti dal carcere e il partigiano Toni Giuriolo così come ricordato dallo scrittore Luigi Meneghello, suo compagno di lotta partigiana) [26], [30;180].

Per trarre delle prime, molto provvisorie conclusioni: l'idea di studiare il posizionamento ideologico dei diversi regimi totalitari e dei loro sistemi culturali nei confronti dell'opera di Dostoevskij non è un capriccio ozioso, ma un compito complesso e di grande rilevanza storica e culturologica. L'autore dei «Demoni» e dei «Fratelli Karamazov», come si è più volte sottolineato, ha saputo intuire (secondo molti “profetizzare” o “predire”) i meccanismi del pensiero totalitario e le sue conseguenze sul comportamento individuale e di massa. Inoltre, lo stesso Dostoevskij aspirava ad un ruolo di primo piano come pubblicista e ideologo nazionale russo, fornendo spunti, potenti e contraddittori, per letture politiche tra loro anche molto distanti. Questo è sufficiente per spiegare, tra l'altro, l'ambiguità con cui tutti i regimi totalitari europei del Novecento (dal comunismo al nazismo, passando per il fascismo) si rapportarono ad uno scrittore che da un lato si prestava a rivestire i panni affascinanti del “profeta” (della nazione, del cristianesimo, del popolo, della reazione, ecc.), ma dall'altro appariva come un temibile antagonista e smascheratore delle ipnosi di massa e degli esperimenti politici e sociali. E come lo scrittore, anche i suoi personaggi, specialmente se decontestualizzati, solleticavano la tentazione di letture manipolatorie e parziali, ma mai si piegavano del tutto ad esse, rimanendo indipendenti da ogni tentativo di lettura ideologica così come sono, di fatto, rimasti indipendenti anche dal loro stesso autore.

Литература

1. Алоэ С. Достоевский в итальянской критике // Достоевский: Материалы и исследования: в 22 т. Т. 20. 2013. СПб.: Наука, С. 3–24.
2. Гардзонио С. Русский и итальянский фашизм. Материалы к теме [Электронный ресурс] // Europa Orientalis. 2003. № 2. С. 273–287. URL: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/2003%20n.2/2003%20n.%202.19.pdf> (дата обращения: 24.12.2020).
3. Д'Амелия А., Рицци Д. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века : энциклопедия. 2019. М.: Политическая энциклопедия, 863 с.
4. О कोरोков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). 2001. М.: Русаки, 593 с.
5. Страда В. Достоевский – наш современник // Россия как судьба: сб. статей. 2013. М.: Три квадрата, С. 79–86.
6. Уральский М.Л., Мондри Г. Достоевский и евреи. 2021. СПб.: Алетейя, 888 с.
7. Цёггелер Б.М., Талалай М. Любовь Достоевская. С.-Петербург – Больцано. 1999. Больцано : Ассоц. "Русь", 149 с.
8. Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869–1945. 1998. Pasian di Prato (UD): Campanotto, 236 с.
9. Aloe S. Dostoevskiana in Italia (1945-2012) // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore. 2012. Napoli: La scuola di Pitagora, P. 19–41; 485–525.
10. Aloe S. Il romanzo russo // Il romanzo in Italia. Vol. III: Il primo Novecento. 2018. Roma: Carocci, P. 147–178.

11. *Baselica G.* Alla scoperta del «Genio russo» // Tradurre. pratiche teorie strumenti. Un'antologia dalla rivista, 2011–2014. 2017. Bologna: Zanichelli, P. 175–197.
12. *Béghin L.* Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra. 2007. Roma, Bruxelles: Istituto Storico Belga, 501 p.
13. *Bresciani M.* Tra “guerra civile europea” e “crisi eurasiatica”: Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo // Storia e politica: Annali della Fondazione Ugo La Malfa. XXXI (2016): L'Italia e la Rivoluzione d'Ottobre. Masse, classi, ideologie, miti tra guerra e primo dopoguerra, a cura di G. Petracchi. 2017. Milano: Unicopli, P. 217–241.
14. *Cifariello A.* L'ombra del kahal. Immaginario antisemita nella Russia dell'Ottocento. 2013. Roma: Viella, 284 p.
15. *Dostoiewski F.M.* Gli Ebrei – status in statu // Il Selvaggio. 1927. № 22. P. 87.
16. *Ginzburg L.* La Cultura // Numero special, 2 febbraio. 1931, № 10.
17. *D'Amelia A.* Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis. 1987. № 6. P. 329–382. URL: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/1987/1987.14.pdf> (дата обращения: 24.12.2020)
18. *De Michelis C.G.* Il principe N. D. Ževaxov e i Protocolli dei savi di Sion in Italia // Studi storici. 1996. Vol. 37. № 3. P. 747–770. URL: [Il principe N.D. Zevaxov e i "protocolli dei Savi di Sion" in Italia - Dialnet \(unirioja.es\)](http://www.dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2412202) (дата обращения: 24.12.2020)
19. *De Michelis C.G.* La giudeofobia in Russia: dal Libro del kahal ai Protocolli dei savi di Sion. 2001. Torino: Bollati Boringhieri, 223 p.
20. *Faccani R.* Evel Gasparini // Le lingue occidentali nei 150 anni di storia di Ca' Foscari, a cura di A. Cardinaletti et al. Venezia: I libri di Ca' Foscari. 2018. Vol. 7. P. 252–256, DOI: 10.30687/978-88-6969-262-8/009.
21. *Ferri G.* Leone Ginzburg e la traduzione da letterale a editoriale // Tradurre - Pratiche, teorie, strumenti. 2019. № 16. URL: <https://rivistatradurre.it/category/archivio/numero-16/> (дата обращения: 24.12.2020)
22. *Gentile G.* Russia e Germania // Gentile G. Guerra e fede: Frammenti politici. 1919. Napoli: Ricciardi, P. 339–341.
23. *Ghini G.* Praz, Lo Gatto e il fascismo // Linguae &. Rivista di lingue e culture moderne. 2008. № 2. P. 13–40. URL: <https://www.ledonline.it/index.php/linguae/article/view/247/222> (дата обращения: 24.12.2020)
24. *Giacobbe C.M.* Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato. Università degli Studi di Milano, Corso di Dottorato in studi linguistici, letterari e interculturali in ambito europeo ed extra-europeo. 2016/2017. Milano, 256 p.
25. *Giuliano G.* I russi alla corte di Mussolini. Archivio russo-italiano V – Russi in Italia // Europa Orientalis. 2009. № 9. P. 304–323. URL: http://www.europaorientalis.it/uploads/files/archivio_v/14_giuliano.pdf (дата обращения: 24.12.2020)
26. *Gobetti P.* Dostoevski classico // Gobetti P. Paradossos dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Introduzione di V. Strada. 1976. Torino: Einaudi, P. 95–98.
27. *Gramsci A.* Odio gli indifferenti. 2011. Milano: Chiarelettere, 108 p.
28. *Lagarde P.M.* Curzio Malaparte ou le super-nationaliste devant le problème franco-italien // Filologia e critica. 2000. № 1. P. 69–94.
29. *Mazzitelli G.* Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921-1944). 2016. Firenze: FUP, 374 p.

30. Meneghello L. Fiori italiani. 1976. Milano: Rizzoli, 181 p.
31. Re L. Woman and Censorship in Fascist Italy // Culture, Censorship and the State in Twentieth-Century Italy. 2005. Cambridge: Legenda, P. 64–75.
32. La rivoluzione (ebraica) russa e una profezia di Dostoiewski // Gazzetta di Venezia. 1938. № 245, P. 5.
33. Romoli F. La vicenda logattiana nel ventennio fascista: alcune piste di ricerca // Linguae & Rivista di lingue e culture moderne. 2008. № 2. P. 107–130. URL: <https://www.ledonline.it/index.php/linguae/article/view/249/546> (дата обращения: 24.12.2020)
34. Sorina M. La Russia nello specchio dell'editoria italiana nel ventennio fascista: bibliografia, scelte e strategie. Tesi di dottorato. 2008–2009. Verona, 414 p.
35. Valle R. Dostoevskij politico e i suoi interpreti. 1990. Roma: Archivio Guido Rizzi, 273 p.
36. Valle R. La rivoluzione russa e l'autocoscienza d'Europa (1917–1921) // Un radioso avvenire?: L'impatto della Rivoluzione d'ottobre sulle scienze umane. 2019. Roma: Edizioni Nuova Cultura, P. 21–49.
37. Vassena R. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli // Archivio russo-italiano. VI: Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. 2010. Salerno: Europa Orientalis, P. 129–148.
38. Vittoria A. Giovanni Gentile e l'organizzazione della cultura // Studi Storici. 1984. Vol. 25. № 1. P. 181–202.

References

1. Aloe S. Dostoevskii v ital'yanskoi kritike. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*: v 22 t. T. 20, 2013. SaintPeterburg: Nauka, pp. 3–24. (In Russ.).
2. Gardzonio S. Russkii i ital'yanskii fashizm. Materialy k teme [Russian and Italian fascism. Materials for the topic]. *Europa Orientalis*, 2003, no. 2, pp. 273–287. Available at: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/2003%20n.2/2003%20n.%202.19.pdf> (Accessed 24.12.2020). (In Russ.).
3. D'Ameliya A., Ritstsi D. Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka : entsiklopediya. 2019. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 863 p. (In Russ.).
4. Okorokov A.V. Fashizm i russkaya emigratsiya (1920–1945 gg.). 2001. Moscow: Rusaki, 593 p. (In Russ.).
5. Strada V. Dostoevskii – nash sovremennik. *Rossiya kak sud'ba: sb. Statei*, 2013. Moscow: Tri kvadrata, pp. 79–86. (In Russ.).
6. Ural'skii M.L., Mondri G. Dostoevskii i evrei. 2021. SaintPeterburg: Aleteiya, 888 p. (In Russ.).
7. Tseggeler B.M., Talalai M. Lyubov' Dostoevskaya. S.-Peterburg – Bol'tsano. 1999. Bol'tsano: Assots. "Rus'", 149 p. (In Russ.).
8. Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste. 1869–1945, 1998. Pasion di Prato (UD): Campanotto, 236 p.
9. Aloe S. Dostoevskiana in Italia (1945-2012). *Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*, 2012. Napoli: La scuola di Pitagora, pp. 19–41; 485–525.
10. Aloe S. Il romanzo russo. *Il romanzo in Italia. Vol. III: Il primo Novecento*, 2018. Roma: Carocci, pp. 147–178.
11. Baselica G. Alla scoperta del «Genio russo». *Tradurre. pratiche teorie strumenti. Un'antologia dalla rivista, 2011–2014*, 2017. Bologna: Zanichelli, pp. 175–197.
12. Béghin L. Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra. 2007. Roma, Bruxelles: Istituto Storico Belga, 501 p.

13. Bresciani M. Tra “guerra civile europea” e “crisi eurasiatica”: Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo. *Storia e politica: Annali della Fondazione Ugo La Malfa*. XXXI (2016): L’Italia e la Rivoluzione d’Ottobre. Masse, classi, ideologie, miti tra guerra e primo dopoguerra, a cura di G. Petracchi. 2017. Milano: Unicopli, pp. 217–241.
14. Cifariello A. L’ombra del kahal. *Immaginario antisemita nella Russia dell'Ottocento*. 2013. Roma: Viella, 284 p.
15. Dostoiewski F.M. Gli Ebrei – status in statu. *Il Selvaggio*, 1927, no. 22, pp. 87.
16. Ginzburg L. La Cultura. *Numero special, 2 febbraio*, 1931, no. 10.
17. D’Amelia A. Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto. *Europa Orientalis*,. 1987, no. 6, pp. 329–382. Available at: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/1987/1987.14.pdf> (Accessed 24.12.2020)
18. De Michelis C.G. Il principe N. D. Ževaxov e i Protocolli dei savi di Sion in Italia. *Studi storici*, 1996. Vol. 37, no. 3, pp. 747–770. Available at: [Il principe N.D. Zevaxov e i "protocolli dei Savi di Sion" in Italia - Dialnet \(unirioja.es\)](http://www.dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2444444) (Accessed 24.12.2020)
19. De Michelis C.G. La giudeofobia in Russia: dal Libro del kahal ai Protocolli dei savi di Sion. 2001. Torino: Bollati Boringhieri, 223 p.
20. Faccani R. Evel Gasparini. *Le lingue occidentali nei 150 anni di storia di Ca’ Foscari, a cura di A. Cardinaletti et al. Venezia: I libri di Ca’ Foscari*, 2018. Vol. 7, pp. 252–256, DOI: 10.30687/978-88-6969-262-8/009.
21. Ferri G. Leone Ginzburg e la traduzione da letterale a editorial. *Tradurre - Pratiche, teorie, strumenti*, 2019, no. 16. Available at: <https://rivistatradurre.it/category/archivio/numero-16/> (Accessed 24.12.2020)
22. Gentile G. Russia e Germania. *Gentile G. Guerra e fede: Frammenti politici*, 1919. Napoli: Ricciardi, pp. 339–341.
23. Ghini G. Praz, Lo Gatto e il fascism. *Linguae & Rivista di lingue e culture modern*, 2008, no. 2, pp. 13–40. Available at: <https://www.ledonline.it/index.php/linguae/article/view/247/222> (Accessed 24.12.2020)
24. Giacobbe C.M. Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Tesi di dottorato. Università degli Studi di Milano, Corso di Dottorato in studi linguistici, letterari e interculturali in ambito europeo ed extra-europeo. 2016/2017. Milano, 256 p.
25. Giuliano G. I russi alla corte di Mussolini. *Archivio russo-italiano V – Russi in Italia. Europa Orientalis*, 2009, no. 9, pp. 304–323. Available at: http://www.europaorientalis.it/uploads/files/archivio_v/14_giuliano.pdf (Accessed 24.12.2020)
26. Gobetti P. Dostoevski classic. *Gobetti P. Paradossso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Introduzione di V. Strada*, 1976. Torino: Einaudi, pp. 95–98.
27. Gramsci A. Odio gli indifferenti. 2011. Milano: Chiarelettere, 108 p.
28. Lagarde P.M. Curzio Malaparte ou le super-nationaliste devant le problème franco-italien. *Filologia e critica*, 2000, no. 1, pp. 69–94.
29. Mazzitelli G. Le pubblicazioni dell’Istituto per l’Europa orientale. *Catalogo storico (1921-1944)*. 2016. Firenze: FUP, 374 p.
30. Meneghello L. Fiori italiani. 1976. Milano: Rizzoli, 181 p.
31. Re L. Woman and Censorship in Fascist Italy. *Culture, Censorship and the State in Twentieth-Century Italy*, 2005. Cambridge: Legenda, pp. 64–75.
32. La rivoluzione (ebraica) russa e una profezia di Dostoiewski. *Gazzetta di Venezia*, 1938, no. 245, pp. 5.

Алоэ С.
Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии
во времена Муссолини
Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 57–68.

Aloe S.V.
Some Notes on the Reception of Dostoevsky in Italy at
the Time of Mussolini
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 57–68.

33. Romoli F. La vicenda logattiana nel ventennio fascista: alcune piste di ricerca. *Linguae & Rivista di lingue e culture modern*, 2008, no. 2, pp. 107–130. Available at: <https://www.ledonline.it/index.php/linguae/article/view/249/546> (Accessed 24.12.2020)
34. Sorina M. La Russia nello specchio dell'editoria italiana nel ventennio fascista: bibliografia, scelte e strategie. Tesi di dottorato. 2008–2009. Verona, 414 p.
35. Valle R. Dostoevskij politico e i suoi interpreti. 1990. Roma: Archivio Guido Rizzi, 273 p.
36. Valle R. La rivoluzione russa e l'autocoscienza d'Europa (1917–1921). *Un radioso avvenire?: L'impatto della Rivoluzione d'ottobre sulle scienze umane*, 2019. Roma: Edizioni Nuova Cultura, pp. 21–49.
37. Vassena R. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli. *Archivio russo-italiano. VI: Olga Signorelli e la cultura del suo tempo*, 2010. Salerno: Europa Orientalis, pp. 129–148.
38. Vittoria A. Giovanni Gentile e l'organizzazione della cultura. *Studi Storici*, 1984. Vol. 25, no. 1, pp. 181–202.

Информация об авторах

Алоэ Стефано Винченцович, доктор филологических наук, профессор, доцент департамента Иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны, Верона, Италия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>, e-mail: stefano.aloe@univr.it

Information about the authors

Stefano V. Aloe, doctor of Philology, Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona, Verona, Italia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1117-4423>, e-mail: stefano.aloe@univr.it

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021

Когда светит солнце, это почти рай

Супино В.

Независимый исследователь, г. Париж, Франция

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3652-9072>, e-mail: valentina.supino@wanadoo.fr

В статье описаны посещения Фёдором Михайловичем Достоевским Италии. Федор Михайлович трижды был в Италии. Впервые в 1862 году после посещения Парижа и Лондона он в Зимних записках о летних впечатлениях рассказывает о буржуазных нравах, подвергая их тщательному анализу. Достоевский не был обычным туристом: он интересовался историей страны, итальянской политикой, национально-освободительными движениями, борьбой за объединение. Он был большим поклонником Гарибальди. Второй раз он посетил Италию вместе со своей большой любовью Аполлинарией Сусловой в 1863 году. Третий раз он прибыл в Италию в 1868 году после свадьбы с Анной в 1867 году, они решили перебраться в Европу, дабы избежать тюремного заключения Достоевского Ф.М. за долги, а также, чтобы защитить Анну от семейного гнета. Достоевский Ф.М. был очарован итальянской живописью, в его сочинениях в связи с этим можно заметить присутствие итальянского искусства в целом и особенно впечатления от работ Рафаэля.

Ключевые слова: Достоевский Ф.М., Италия, литературные произведения, душевные переживания Достоевского, тоска по Родине.

Для цитаты: Супино В. Когда светит солнце, это почти рай [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 69–75. DOI:10.17759/langt.2021080108

When the Sun Shines it's Almost Heaven

Valentina Supino

Independent researcher, Paris, France,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3652-9072>, e-mail: valentina.supino@wanadoo.fr

The article describes Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's visit to Italy. Fyodor Mikhailovich was in Italy three times. For the first time in 1862, after visiting Paris and London, in his winter Notes on summer impressions, he fought both for the mores, especially the bourgeois ones, and for the inhabitants, whom he despises to the maximum and ridicules them. Dostoevsky was not an ordinary tourist: he was interested in the history of the country, Italian politics, risorgimental movements, the struggle for unification. He was a big fan of Garibaldi. He visited Italy for the second time with his great love Apollinaria Suslova in 1863. The third time he arrived in Italy in 1868, after marrying Anna in 1867, they decided to move to Europe in order

to avoid the imprisonment of Dostoevsky F. M. for debts, and also to protect Anna from the oppression that the family had caused her to suffer. Also Dostoevsky F. M. was strongly impressed by painting and in his works you can notice the presence of art in general and in particular Raphael.

Keywords: Dostoevsky F. M., Italy, literary works, Dostoevsky's spiritual experiences, homesickness.

For citation: Supino V. When the Sun Shines it's Almost Heaven. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 69–75. DOI:10.17759/langt.2021080108 (In Russ.).

Così scrive Dostoevskij da Firenze nel 1868, quando per la seconda volta vi soggiorna con Anna. Asserzione tanto più importante che lo scrittore di solito critica duramente i paesi e i popoli occidentali. Dostoevskij si reca tre volte in Italia. Una prima volta nel 1862 dopo aver visitato Parigi e Londra che, in *Note invernali su impressioni estive*¹, fustiga sia per i costumi specialmente quelli borghesi, sia per gli abitanti che disprezza al massimo e ridicolizza per pagine e pagine.

Definisce Parigi meravigliosa dal punto di vista architettonico ma il parigino pensa solo ad «accumulare una fortuna e a possedere la maggior quantità possibile di cose», e superficiale, falso, vanesio e adora l'eloquenza.

A Londra è colpito dai quartieri popolari con i suoi abitanti mezzi nudi «selvaggi e affamati» proprio come li aveva descritti Dickens! Ed è scandalizzato dai preti anglicani: molto colti, ma freddi, pedanti, ottusi, pieni di sé che predicano una religione estrema, «cupa, arcigna e specialissima» e non pensano mai al dolore, alla povertà, all'abbruttimento delle masse.

Dopo aver visitato queste capitali che gli lasciano un gusto amaro, Dostoevskij decide di partire per l'Italia, paese che ha lungamente sognato di visitare, al quale guarda con simpatia. Chiede al suo amico, il filosofo Strachov, di raggiungerlo a Ginevra e da lì, passando per Torino, Genova e Livorno, si recano insieme a Firenze. Si sistemano alla Pensione Suisse, un albergo modesto ma proprio davanti a Palazzo Strozzi dove lo scrittore occupa la camera n°20. Dostoevskij non si interessa molto all'arte; gli piace guardare la folla «Vagando per le strade, egli scrive, mi piace osservare certi passanti del tutto sconosciuti, studiare i loro visi e indovinare chi sono, come vivono, di che cosa si occupano e che cosa li interessa particolarmente in quel dato momento»². Lancia uno sguardo pieno di tenerezza a una donna che allatta un bimbo, a un vecchio che cammina traballando o a una ragazza che cerca di attirare gli sguardi dei giovanotti. Anni dopo Strachov ricorderà così quel soggiorno: «Le nostre passeggiate attraverso la città erano molto allegre anche se Fedor Michajlovic trovava che l'Arno assomiglia alla Fontanka; la cosa più piacevole erano le nostre discussioni al calare della sera con una bottiglia di vino rosso locale».

Tornato a Firenze con la seconda moglie nel 1868, Dostoevskij gli scrive: «Vi ricordate delle serate trascorse a Firenze attorno ad una tavola piena di bottiglie (eravate sempre più previdente di me: preparavate due bottiglie per la serata mentre io ne prevedevo una sola; finita la mia cominciamo la vostra; non c'è di che vantarsi). Ciononostante i nostri cinque giorni trascorsi a Firenze erano stati piacevoli»³.

Ed è durante questo primo e breve soggiorno a Firenze che lo scrittore scopre il Gabinetto Vieusseux dove c'erano non solo i giornali, le gazzette italiane, francesi, inglesi e tedesche, ma

¹ DOSTOEVSKIJ, *Note invernali su impressioni estive*, traduzione di Serena Prina, Milano, Feltrinelli, 2008.

² DOSTOEVSKIJ, *Diario di uno scrittore*, Firenze, Sansoni editore, 1981, p. 167.

³ Lettera del 12/24 dicembre 1868.

anche, a partire dal 1850, i giornali russi: *Golos* (La Voce), *Russkij vestnik* (Il Messaggero russo) e perfino *Poljarnaja zvezda* (La Stella Polare), edito da Herzen a Londra e proibito in Russia. Dai registri del Gabinetto, sappiamo che lo scrittore ha preso in prestito i fascicoli del 1857 e 1858 della rivista *Poljarnaja zvezda*.

Dostoevskij non è un turista comune: si interessa alla storia del paese, alla politica italiana, ai moti risorgimentali, alla lotta per l'Unificazione. È un grande ammiratore di Garibaldi che raccoglie tutta la sua stima. In *Note invernali su impressioni estive*, una meditazione, una riflessione sul suo viaggio del 1862 racconta questo episodio:

Durante un pasto alla *Pensione Suisse*, Dostoevskij sente un francese meravigliarsi che Garibaldi, avendo in deposito venti milioni del governo, non avesse preso nulla per se ma restituito tutto fino all'ultimo centesimo. Questa osservazione rivelatrice della sua disonestà, lo fa montare su tutte le furie e pensa: «E che sarebbe stato, fratello, se al posto di Garibaldi ti ci fossi trovato tu, davanti alle casse del governo!»⁴, ma per lo scrittore è anche una maniera di dimostrare la superiorità morale dell'eroe italiano sul vile francese.

Cinque anni dopo, nel 1867, quando Garibaldi si reca a Ginevra per assistere al Congresso per la Pace, viene accolto trionfalmente da un'immensa folla, folla fra cui c'è anche Dostoevskij che vorrebbe incontrarlo. Lo scorge, sulla rue du Mont Blanc e trova che l'eroe italiano ha un aspetto molto simpatico e il sorriso buono.

Visita una 2a volta l'Italia insieme alla sua grande passione Apollinaria Souslova nel 1863. Questa volta si ferma a Roma e Dostoevskij ne rimane talmente colpito che scrive a Strachov:

«Strano: le scrivo da Roma e non le dico una parola sulla città! Ma cosa potrei dirle, Dio mio! Si può forse descrivere tutto questo in una lettera? Sono arrivato l'altro ieri notte e ieri mattina sono andato a vedere S. Pietro. Ho provato un'impressione così forte, Nikolaj Nikolaevic, che ho sentito un brivido freddo corrermi giù per la schiena. Oggi, ho visitato il Foro con tutte le sue rovine. Poi il Colosseo! Cosa posso dirle...»⁵. Poi i due amanti continuano per Napoli dove lui confessa di provare un tale sentimento di felicità che vorrebbe che questo viaggio non finisse mai. Prima di partire chiede a Apollinarija di sposarlo ma lei non vuole dipendere da nessuno, la vita coniugale non l'attira e litigano a proposito dell'emancipazione femminile. Decidono poi di recarsi a Livorno via mare, ma sullo stesso battello viaggia Herzen con tutta la famiglia. Dostoevskij, uomo di larghe vedute ma pieno di contraddizioni, ha allora un accesso di conformismo, e presenta Apollinarija come una lontana parente! Lei ne rimane offuscata e offesa. «Era molto vago», scriverà, e gli chiede delle spiegazioni che lui elude.

Il terzo soggiorno in Italia è del 1868, quando Dostoevskij, dopo il matrimonio con Anna nel 1867, decide di esiliarsi in Europa, onde evitare la prigione per debiti ma anche per proteggere Anna dalle angherie che la famiglia di lui le faceva subire.

Dopo due giorni trascorsi a Berlino, Dostoevskij si reca a Dresda per vedere la *Madonna Sistina* di Raffaello che riteneva fosse il capolavoro assoluto della pittura. Ne aveva appesa una riproduzione nel suo studio, proprio sopra il divano dove morirà. Cerchiamo di capire perché lo scrittore era tanto affascinato da questo quadro? L'opera è molto originale; rappresenta un'apparizione della Madonna ritratta come un'italiana del popolo vestita semplicemente, scalza, con in braccio il suo bimbo che, come spinta da un venticello, (lo spirito santo?) sembra camminare in direzione del fedele. Vediamo che intorno a Maria, le nuvole sono formate da piccole teste di

⁴ DOSTOEVSKIJ, *Note invernali ...*, op. cit., p. 80.

⁵ Lettera a Strachov del 18/30 settembre 1863.

angeli mentre le nuvole vere sono sotto i suoi piedi. Si tratta di una messa in scena della Rivelazione evangelica: si apre un sipario e ciò che era nascosto viene rivelato. Se esaminiamo attentamente il dipinto, vediamo che è composto da tre piani: in alto c'è Maria, una figura a temporale, che con lo sguardo sembra abbracciare tutta l'umanità, sotto ci sono i due santi martiri legati invece alla temporalità; a destra Santa Barbara, a sinistra Papa Sisto II. Nella parte inferiore, poggiata su una sorta di parapetto c'è in un angolo la tiara papale, simbolo del potere terrestre e, nel mezzo, due cherubini che osservano la scena in maniera un po' scettica: uno di loro sembra incuriosito, l'altro ha un'aria dubitativa e perplessa. È un po' come se fra questi santi adoranti, facessero capolino i dubbi dello spettatore che sono poi quelli dello scrittore stesso. Ed è forse questa lettura che inconsciamente affascina Dostoevskij, vissuto in un secolo dove la Russia esita fra l'umanesimo occidentale ateo e la tradizione della chiesa ortodossa. Ricordiamoci che in una lettera a Natal'ja Dmitrievna Fonvizina datata fine gennaio/20 febbraio 1854, egli scrive: «Di me, vi posso dire che sono figlio del mio tempo, figlio dell'incredulità e del dubbio (...) che terribile sofferenza mi ha portato e mi porta ancora questa sete di credere; essa si fa ancora più forte nella mia anima che ho argomenti da opporvisi.»

I Dostoevskij lasciano Dresda per stabilirsi a Ginevra ma anche questa città e questo popolo non trovano grazie agli occhi di Fedor. Scrive a Sonja: «Ginevra è noiosa, cupa, malinconica, una stupida città protestante, dall'orrendo clima»⁶. E ancora a Majkov: «Oh, se aveste idea della disonestà, della bassezza, dell'assurda stupidaggine e dell'incredibile ritardo mentale degli Svizzeri! Naturalmente, i Tedeschi sono ancora peggio, ma anche questi non sono mica male!»⁷.

Invece, quando nel settembre del 1868, Dostoevskij arriva a Milano, si sente subito a suo agio perché trova che i contadini della Lombardia assomigliano a quelli russi. Vi resta solo due mesi poi decide di stabilirsi a Firenze, allora capitale d'Italia. Appena arrivato, si iscrive subito al Gabinetto Vieusseux dove finalmente può trovare i giornali russi che tanto gli mancavano a Milano. Contrariamente a sei anni prima, questa volta desidera visitare i palazzi, le chiese e le gallerie d'arte della città. Rimane estasiato a contemplare il Duomo e il Battistero con le sue porte di bronzo, soprattutto quella detta del Paradiso che lo commuove particolarmente e, afferma, che se le riproduzioni fossero meno care ne acquisterebbe una così da poterla contemplare a piacere.

A Firenze, Dostoevskij frequenta molto le chiese dove sono esposte tante opere d'arte e forse, nonostante il suo ostracismo per il cattolicesimo, ne rimane in qualche modo affascinato. Forse, con i suoi riti e i suoi fasti lo sente più affine all'ortodossia russa dell'austero protestantesimo che ha visto a Londra. Potrebbe questo spiegare la sua richiesta di una messa e poi di una benedizione a un prete cattolico come fece durante il suo soggiorno fiorentino?⁸ Oserei dire che il suo amore per Cristo che si è sacrificato per l'umanità tutta intera, gli permette di scavalcare qualsiasi dogma o limite della sua religione per immergersi in un sentimento mistico universale che unifica tutti i credenti. Non afferma in una lettera a Natal'ja Fonvizina che se dovesse scegliere fra la verità e il Cristo sceglierebbe Cristo?

Scrive a Majkov: «Firenze è bella ma troppo umida. Le rose fioriscono ancora all'aperto, nei giardini di Boboli. E che tesori ci sono nelle Gallerie! Dio mio, nel '63, non avevo notato *La Madonna della seggiola*; durante tutta una settimana l'avevo guardata e solo ora l'ho vista. Quante cose meravigliose ci sono ancora, oltre questo quadro.»⁹

⁶ Lettera a Sonja del 1/13 gennaio 1868.

⁷ Lettera a Majkov del 22 giugno/4 luglio 1868.

⁸ V. Supino: I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera, ed. Logisma Firenze, 2017.

⁹ Lettera a Majkov del 11/23 dicembre 1868.

Firenze e forse l'unica città europea della quale Dostoevskij conserva un piacevole ricordo. «Quando splende il sole, e quasi il paradiso»¹⁰, scrive, ma la nostalgia della Russia non gli dà requie. E, quando inizia la calura estiva che lui non sopporta, diventa insofferente alla città, a tutto ciò che lo circonda e decide di lasciare Firenze per stabilirsi a Dresda.

Si ferma a Bologna per vedere la *Santa Cecilia* di Raffaello. Continua per Venezia dove rimane affascinato dalla laguna, dai monumenti e può restare ore a guardare l'angelo d'oro del campanile di San Marco, i mosaici della Basilica o i soffitti dipinti del Palazzo Ducale. Le cupole dorate devono probabilmente ricordargli la sua cara Russia e questo lo commuove. A lui piace passeggiare, guardare le vetrine, andare per le calli dove si svolge la vita quotidiana e dove può osservare il buon popolo che lavora e trovare così ispirazione per i suoi romanzi.

Da Dresda, scrive a Sonja a proposito del soggiorno fiorentino: «Sembra che l'aria calda e secca fosse indicata per me salutare per i nervi e perfino per il mio mal caduco che si era attenuato in piena calura; in genere i miei attacchi non erano molto forti a Firenze. Adesso invece sto sempre male».¹¹

Che ruolo ha ricoperto la cultura italiana nell'opera dello scrittore russo? Sappiamo che è stato fortemente impressionato dalla pittura e a varie riprese notiamo nei suoi scritti la presenza dell'arte in generale e, come abbiamo già detto, di Raffaello in particolare.

La musica di Verdi l'ha sicuramente influenzato. Anna racconta che a Pietroburgo, Fedor amava ascoltare un musicante che veniva a suonare l'aria del Rigoletto “La donna e mobile” sotto le loro finestre e lui gli gettava sempre una moneta.

Nell'*Idiota* si può trovare nel personaggio di Nastas'ja qualche similitudine con *La Signora delle Camelie* di Dumas, e ancora di più con la messa in scena di Verdi ne *La Traviata* in particolare per i due ricevimenti all'inizio, quello di Violetta e quello di Nastas'ja.

E Dante? Nel 1868, quando Dostoevskij si trovava a Firenze non c'erano sparse per la città le lapidi con i versi della Divina Commedia che furono affisse nel 1900, ma il poeta era onnipresente: c'era la tomba, (anche se vuota), costruita nel 1829 nella Basilica di Santa Croce, l'imponente statua posta davanti alla Chiesa stessa, realizzata nel 1865, l'affresco in Duomo, il ponte Santa Trinita dove la leggenda dice che abbia incontrato Beatrice. Il poeta era morto esattamente 500 anni prima della sua nascita, (nel 1321, alla fine del medioevo, mentre Dostoevskij nasce nel 1821 quando inizia il pensiero rivoluzionario,) ma ambedue avevano una visione apocalittica e globale del mondo ed erano affascinati dalla bontà suprema come dalla più oscura malvagità.

Dostoevskij, che tra l'altro si considerava «più un poeta che un romanziere», aveva quasi sicuramente letto la *Divina Commedia*, di cui alcuni frammenti dell'*Inferno* erano già stati tradotti in russo nel 1843 da Dmitrij Min e l'intera cantica nel 1855.¹² Ma avrebbe potuto leggerla in francese, in tedesco e forse anche in italiano che lui non parlava ma probabilmente comprendeva e leggeva. In ogni caso conosceva l'opera poiché già nel 1862, nell'introduzione russa di *Notre-Dame de Paris* di Hugo, lo scrittore riconosce l'importanza di Dante per la cultura mondiale e auspica che una qualche grande opera d'arte futura riesca ad «esprimere le aspirazioni e i tratti del proprio tempo con la stessa pienezza ed absolutezza con cui, per esempio, la Divina Commedia espresse la propria epoca di credenze ed ideali cattolici.» Forse è il modello che vorrebbe imitare quando durante il suo soggiorno fiorentino matura il progetto di un romanzo epico sull'Ateismo, la storia di un peccatore

¹⁰ Lettera a Sonja del 25 gennaio/6 febbraio 1869.

¹¹ Lettera a Sonja del 29 agosto/10 settembre 1869.

¹² Le traduzioni del Purgatorio e del Paradiso furono invece pubblicate postume nel 1907.

che si redime e passa così dall'inferno del peccato al paradiso della fede. Scrive a Majkov:

«Ho ora in mente un enorme romanzo dal titolo *L'Ateismo* (...) Il personaggio sarebbe un russo *di mezza età*¹³ che, improvvisamente (...) perde la fede in Dio (...) E ossessionato dalle nuove generazioni, gli atei, gli Slavi e gli Europei, i fanatici e gli eremiti russi, i preti; tra l'altro si fa intrappolare da un polacco, un missionario gesuita, fugge da lui per cadere nell'abisso della setta dei flagellati e, alla fine, trova Cristo e la terra russa, il Cristo russo e il Dio russo.»¹⁴ In questo romanzo, scrive, vorrebbe approfondire al massimo il sentimento profondo dell'uomo e particolarmente dell'uomo russo, un'arte nella quale lo scrittore eccelle; le sfaccettature, le ambivalenze dei suoi personaggi e ciò che li rende grandiosi e le sue descrizioni dell'animo umano anticipano le scoperte psicanalitiche. Nietzsche dira di lui: « E l'unico dal quale ho imparato qualcosa in psicologia.»

Per finire, si potrebbe pensare che Dostoevskij si sia sentito vicino a Dante per la costante nostalgia della propria terra, nostalgia che accomuna questi due grandi esiliati, l'uno bandito da Firenze, l'altro esiliato a Firenze. E ci si potrebbe chiedere se lo scrittore russo quando scrive:

«Ho fatto male a partire per l'estero; sarebbe stato meglio andare in prigione per debiti»¹⁵ avrebbe potuto far suoi i versi di Dante: « ...Come sa di sale/ lo pane altrui, e come e duro calle/ lo scendere e 'l salir per l'altrui scale. »¹⁶.

Литература

1. Алигиери Д. Божественная комедия. Ад / пер. Д. Е. Мина. 1902. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 436 с.
2. Алигиери Д. Божественная комедия. Чистилище / пер. Д. Е. Мина. 1902. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 436 с.
3. Алигиери Д. Божественная комедия. Рай / пер. Д. Е. Мина. 1904. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 436 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Публицистика и письма. Письма, 1860-1868. 1985. Л.: Наука, 616 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Публицистика и письма. Письма, 1869-1874. 1986. Л.: Наука, 573 с.
6. Захаров В.Н. Судебный розыск Достоевского летом 1871 г. // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29. 2012. СПб.: Серебряный век, С. 276–277
7. Прожогин Н.П. Достоевский во Флоренции // Иностранная литература. 1981. № 8. С. 237–244.
8. Прожогин Н.П. Достоевский во Флоренции в 1868–1869 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. 1983. Л.: Наука, С. 204–208.
9. Фридендер Г.М. Достоевский. Материалы и исследования. Том 4. 1980. Л.: Наука, 288 с.
10. Alighieri D. La Divina Commedia. 2010. R.: Book on Demand Ltd, 272 p
11. Dostoevskij F.M. Note invernali su impressioni estive. 1993. M.: Feltrinelli, 105 p.
12. Dostoevskij F.M. Opere. Diario di uno scrittore. 1963. F.: Sansoni, 1402 p.
13. Supino V. I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera. 2017. F.:

¹³ Incipit della Divina Commedia: Nel mezzo del cammin di nostra vita...

¹⁴ Lettera a Majkov dell'11/23 dicembre 1868.

¹⁵ Ibid

¹⁶ Paradiso., XVII, 58-60.

LoGisma, 134 p.

14. Supino V. Nuove scoperte sulle dimore fiorentine di Dostoevskij // *Antologia Vieusseux*, nuova serie. 2016. Vol. 22. № 66. Pp. 21–31. DOI: 10.1400/250179

References

1. Aligieri D. *Bozhestvennaya komediya*. Ad / per. D. E. Mina. 1902. SaintPeterburg: Publ. A. S. Suvorina, 436 p.
2. Aligieri D. *Bozhestvennaya komediya*. Chistilishche / per. D. E. Mina. 1902. SaintPeterburg: Publ. A. S. Suvorina, 436 p.
3. Aligieri D. *Bozhestvennaya komediya*. Rai / per. D. E. Mina. 1904. SaintPeterburg: Publ. A. S. Suvorina, 436 s.
4. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 28. Publitsistika i pis'ma. Pis'ma, 1860–1868*. 1985. Leningrad: Nauka, 616 p.
5. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 29. Publitsistika i pis'ma. Pis'ma, 1869–1874*. 1986. Leningrad: Nauka, 573 p.
6. Zakharov V. N. *Sudebnyi rozysk Dostoevskogo letom 1871 g. Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 29*, 2012. SaintPeterburg: Serebryanyi vek, pp. 276–277
7. Prozhogin N. P. *Dostoevskii vo Florentsii. Inostrannaya literature*, 1981. № 8. S. 237–244.
8. Prozhogin N. P. *Dostoevskii vo Florentsii v 1868–1869 gg. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. T. 5*, 1983. Leningrad: Nauka, pp. 204–208.
9. Fridlender G.M. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. Vol. 4*. 1980. Leningrad: Nauka, 288 p.
10. Alighieri D. *La Divina Commedia*. 2010. Roma: Book on Demand Ltd, 272 p.
11. Dostoevskij F.M. *Note invernali su impressioni estive*. 1993. Milano: Feltrinelli, 105 p.
12. Dostoevskij F.M. *Opere. Diario di uno scrittore*. 1963. Firenze: Sansoni, 1402 p.
13. Supino V. *I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera*. 2017. Firenze: LoGisma, 134 p.
14. Supino V. *Nuove scoperte sulle dimore fiorentine di Dostoevskij. Antologia Vieusseux, nuova serie*, 2016. Vol. 22, no. 66, pp. 21–31. DOI: 10.1400/250179

Информация об авторах

Супино Валентина, профессор, психиатр и психоаналитик, независимый исследователь архивов Достоевского, г. Париж, Франция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3652-9072>, e-mail: valentina.supino@wanadoo.fr

Information about the authors

Valentina Supino, professor, psychiatrist and psychoanalyst, independent researcher of the Dostoevsky archives, Paris, France, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3652-9072>, e-mail: valentina.supino@wanadoo.fr

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021

Сопоставительный анализ компаративных ФЕ даргинского и английского языков

Ибрагимова Г.Х.

Дагестанский государственный университет (ФГБОУ ВО ДГУ), г. Махачкала, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6166-5805>, e-mail: Galima_76@mail.ru

Статья посвящена сопоставительному анализу компаративных фразеологических единиц даргинского и английского языков. Отмечается, что одним из главных является признак, выделяющий компаративное устойчивое словосочетание как особую группу фразеологизмов. В даргинском литературном языке наиболее активным способом оформления компаративных отношений между элементами устойчивых словосочетаний являются сравнительные частицы - ван, -цад, -гьуна. Такие же значения выражают английские сравнительные элементы прилагательного as, глагола like.

Ключевые слова: даргинский язык, английский язык, компаративные фразеологические единицы, сопоставительный анализ, эквивалент.

Для цитаты: Ибрагимова Г.Х. Сопоставительный анализ компаративных ФЕ даргинского и английского языков [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 76–81. DOI:10.17759/langt.2021080109

Comparative Analysis of Comparative FE Darginian and English Languages

Galima K. Ibragimova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6166-5805>, e-mail: Galima_76@mail.ru

The article is devoted to the comparative analysis of comparative phraseological units of the Dargin and English languages. It is noted that one of the main features is the feature that distinguishes a comparative stable phrase as a special group of phraseological units. In the Darginian literary language, the most active way of forming comparative relations between the elements of stable word combinations is the comparative particles-wang, - tsad, - guna. The same meanings are expressed by the English comparative elements of the adjective as, the verb like.

Keywords: Dargin language, English language, comparative phraseological units, comparative analysis, equivalent.

For citation: Ibragimova G.K. Comparative Analysis of Comparative FE Darginian and English Languages. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 76–81. DOI:10.17759/langt.2021080109 (In Russ.).

В последние десятилетия стали актуальными исследования сопоставительного плана между генетически и типологически отдаленными друг от друга языками. Это обусловлено тем, что выявление и систематизация компаративных фразеологических единиц, отражающих картину мира народа – носителя языка, описание их сходств и различий является одной из актуальных задач лингвистики.

Компаративные ФЕ даргинского литературного языка и английского языка в сравнительном плане мало исследованы, в связи с чем, принимая во внимание недостаточную изученность данных единиц, мы анализируем в настоящей работе данную проблему. При сопоставительном анализе разноструктурных языков особенно четко проявляется этноспецифический характер исследуемых явлений.

Как отмечал А.Е. Кибрик, «Малые языки», хранящие черты более архаичного состояния, предоставляют существенные данные для верификации и корректировки наших представлений о праязыковой системе, позволяют ближе подойти к проблеме соотношения языка и сознания. Особый интерес в этом отношении представляет материал дагестанских языков, которые обладают замечательной по своей прозрачности и стройности системой значений, представляющий интерес не только для морфологии, но и семантики [2,с.112].

Компаративные фразеологические единицы даргинского и английского языков состоят из двух и более компонентов, которые образуют определенную структуру.

По утверждению Л.И. Ройзензона, компаративная фразеология «довольно значительно отличается от всей остальной фразеологии: если некомпаративная фразеология характеризуется индивидуальным, неповторимым характером деривации, то для структуры устойчивых образований характерна регулярность образования структуры стройных рядов и серий ФЕ» [6,с. 16].

С.Г. Гаджиева пишет, что «в плане содержания сравнение – это сопоставление двух предметов мысли на основе общего признака. В плане выражения это определенная конструкция, состоящая из трех элементов: субъекта сравнения, общего признака и объекта сравнения (А+С+В). Компаративные ФЕ, основанные на обобщенном мыслительном процессе сравнения, также строятся по этой общей модели, однако языковая традиция фиксирует их как единицы языка в двухкомпонентной форме: С+В, т.е. общий признак + объект сравнения» [1,с.10].

Факт моделируемости некоторых дагестанских фразеологизмов неоспорим. Моделируемость структуры и семантики ФЕ, как показывает фактический материал многих языков, - объективная реальность, именно моделируемость фразеологии стимулирует постоянное обновление ее состава, появление новых фразеологических серий на базе старых структурно-семантических схем [3,с. 9].

Основной целью таких моделей является получение наибольшей точности в структурных отношениях, которые лежат в основе фразеологических единиц.

М.Д. Степанова считает, что «термин «модель», столь популярный и в современной лингвистике, и в современной методике преподавания языка еще в большей степени, чем ряд других терминов, связанных с приемами анализа, многозначен, нуждается в разъяснении. «Модель» надо принимать как специфический синоним «образца» или «шаблона»» [5,с.14].

Определение особенностей структуры компаративных фразеологических единиц предполагает выявление их компонентного состава и исследование их грамматического и семантического строения. Компонентный состав понимается как совокупность лексических элементов, необходимый для реализации закрепленного языковой традицией содержания.

Среди компаративных фразеологических единиц даргинского и английского языков мы выделили те, которые отличаются своей многочисленностью и разнообразием лексического состава.

Одним из главных является признак, выделяющий компаративное устойчивое словосочетание как особую группу фразеологизмов.

Как мы выше писали, в даргинском литературном языке наиболее активным способом оформления компаративных отношений между элементами устойчивых словосочетаний являются сравнительные частицы - *ван*, -*цад*, -*гьуна*.

Конструкции с частицами -*ван*, -*гьуна* «словно», «как» составляют значительную часть устойчивых сравнений.

Приведем примеры: *эмхлеван узес* «трудиться как ишак», *хяван гушли* «голодный как собака», *вацлализиб бецлван* «как волк в лесу», *вавагьуна рурси* «девушка словно цветок» (о красивой девушке), *цлагьуна урши* «юноша словно огонь» (сильный, смелый) и т.д.

В отдельных случаях данная частица -*ван* может заменяться частицами -*цад* «словно, точно»: *эмхлелис дехцад* «словно ноша для осла», *чакарличчи тлунтлрицад* «словно мухи на сахар», *урхьназир бялихьунцад* «словно рыбы в море» и т.д.

Частица -*цад* встречается в даргинском языке реже, чем -*ван*, но в некоторых устойчивых сравнениях она имеет предпочтительное применение.

Семантическое различие между даргинскими сравнительными частицами -*ван* и -*цад* сводится к тому, что частица -*ван* указывает на уподобление, а частица -*цад* подчеркивает уподобление не как особому предмету, понятию, а как некоей ситуации, явлению в целом.

Такие же значения выражают английские сравнительные элементы прилагательного *as*, глагола *like*: *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться как Чеширский кот»; *to snore like a pig in the sun* «храпеть как свинья на солнце»; *as free as the wind* «свободный как ветер»; *to die like a dog* «умереть как собака»; *to swim like a fish* «плавать как рыба» и т.д.

Даргинские компаративные ФЕ с частицей -*гьуна* имеют структурный вариант, обусловленный наличием у данной частицы формы множественного числа -*гьунти*. Так, в составе различных словоформ в обоих числах данная частица изменяется в словоформах, выступающих в функции определения, согласуется по числу со словом, выступающим выразителем определяемого предмета: *цлагьуна урши* - *цлагьунти уршиби* «юноши словно огонь» (сильные смелые юноши).

Остальные компаративные частицы даргинского языка -*цад*, *ван* не имеют грамматических форм множественности.

Сама частица -*гьуна* также не располагает семьей множественности, что и вызвало, по-видимому, необходимость наличия формы множественности этой частицы -*гьунти*, образованную путем присоединения суффикса множественности -*ти* к форме единственного числа -*гьуна* с выпадением конечного -*а*. Составляющие члены этой компаративной фразеологической единицы связаны между собой грамматически выраженной связью в числе, осуществляемой посредством частицы -*гьуна*. Субстантив, к которому присоединяется частица -*гьуна*, в составе конструкции является определяющим и всегда находится в препозиции по отношению к своему определяемому. Изменение грамматической

формы частицы *-гъуна* влечет за собой изменение формы и семантики всей конструкции: *вавнигъунти рурсби* «цветам подобные девушки». Суффикс множественности *-ти* показывает отнесенность определяемого имени *рурс-би* «девушки» к предметам множественного числа.

В даргинском языке форма *-гъунти*, как и форма *-гъуна*, не располагает показателем класса определяемого имени.

Приведем примеры:

бецIгъуна мурул букв. «волкуподобный мужчина» - *буцIигъунти муйли* букв. «волкам подобные мужчины» (храбрые, ловкие);

чатIагъуна рурси «девочка словно ласточка» - *чатIнигъунти рурсби* «девочки словно ласточки» (нежные, добрые);

мукъараван умхIуси «игривый словно ягненок» - *мукъриван бумхIути* «игривые словно ягнята» (о ласковых, послушных мальчиках);

хягъуна дурхIя «невоспитанный ребенок» - *хуригъунти дурхIни* «собакоподобные дети» (о плохо воспитанных, непослушных детях).

Некоторую часть компаративных ФЕ даргинского языка составляют конструкции с частицей *-ван*. «В устойчивых сравнениях, сближающихся с фразеологизмами, обнаруживается следующая общая для них внутренняя зависимость. Чем ярче проявляются логические элементы сравнения, их компаративные отношения, тем менее идиоматичной оказывается конструкция, и, напротив, чем более она идиоматична, тем менее явным (более стертым) оказываются в ней компаративные отношения [4, с.67-68].

Сопоставительный анализ исследуемых языков показал, что компаративные ФЕ в плане их соотношения можно распределить на следующие группы:

1. Эквивалентные компаративные фразеологизмы даргинского и английского языков;

2. Компаративные фразеологизмы, не имеющие эквивалентов в сравниваемых языках;

Эквивалентные компаративные ФЕ относительно немногочисленны в данных языках. Совпадение компаративных элементов в них определяется как результат аналогичного проявления принципа избирательности в каждом из сопоставляемых языков:

дарг. *житара хяраван* «как кошка с собакой»,

англ. *to fight like cat and dog* «как кошка с собакой»;

дарг. *эмхIеван гIелумси* «упрямый как ишак»,

англ. *stubborn as a mule* «упрямый как ишак»;

дарг. *урчиван тазаси* «здоровый как конь»,

англ. *strong as a horse* «здоровый как лошадь»;

дарг. *уцван цIлакъси* «сильный как бык»,

англ. *strong as an ox* «сильный как бык».

Сходство таких компаративных фразеологических единиц в разноструктурных языках указывает на то, что это сходство является не генетическим, а типологическим. Образное мышление человека способно производить универсальные модели сравнения. Единство логики объясняется общим уровнем культурного развития человечества и общностью человеческих наблюдений за характером и повадками животных или других явлений окружающего мира.

Ко второй группе относятся компаративные структуры, в которых ни один из элементов не встречается в компаративных единицах другого языка. Такие сравнения

наиболее ярко и выпукло обнаруживают самобытность каждого языка, своеобразие проявляющего в нем принципа избирательности.

Приведем примеры:

дарг. *цIаличи рархьибси ХIявагъуна* «как Хава, которую отправили за огнем» о тех, кто вовремя не возвращается);

уриъла дяxлигъуна «как прошлогодний снег» (забыт, как прошлогодний снег);

англ. *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться, как Чеширский кот»;

англ. *to drop smb like a hot potato* «избавиться от кого-либо, чего-либо»;

англ. *squeal like a stuck pig* «визжать, как свинья недорезанная»;

англ. *as slippery as an eel* «скользкий, как угорь» и т.д.

Сопоставительный анализ показал, что в обоих языках достаточно много компаративных ФЕ, не имеющих аналогов. Отсутствие тех или иных соответствий объясняется тем, что, прежде всего, компаративные фразеологизмы ярко и рельефно высвечивают национальный менталитет и специфику культуры носителей языка.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ компаративных ФЕ даргинского и английского языков показал, что компаративные ФЕ обоих языков составляют наиболее употребительную форму устойчивых сочетаний. Наиболее распространены сравнения, в которых отражаются человек и его деятельность, животный и растительный мир, явления природы, религиозные и суеверные представления и т.д.

Литература

1. Гаджиева С.Г. Компаративная фразеология лакского языка. 2001. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 120 с.
2. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. 1990. Москва: Изд-во МГУ, 366 с.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи. 2011. Москва: Флинта: Наука, 461 с.
4. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. 1984. М.: Рус. яз., 173 с.
5. Ройзензон С.И. Глагольные компаративные фразеологические единицы в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972. 339 с.
6. Степанова Л.И., Бирих А.К., Мокиенко В.М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. 1999. СПб: Фолио-Пресс, 704 с.
7. Махмудова С.М. Жемчужины рутульской мысли: пословицы, поговорки и загадки рутульского народа. 2014. Махачкала: Эпоха, 151 с.
8. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха, 215 с.
9. Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 2. С. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213
10. Теля В.Н. Русская фразеология Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. 1996. М.: Школа "Языки русской культуры", 288 с.

References

1. Gadzhieva S.G. Komparativnaya frazeologiya lakskogo yazyka. 2001. Makhachkala: Dagestanskoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 120 p. (In Russ.).
2. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika. 1990. Moscow: Publ. MGU, 366 p. (In Russ.).
3. Mokienko V.M. Obrazy russkoi rechi. 2011. Moscow: Flinta: Nauka, 461 p. (In Russ.).

4. Ogol'tsev V.M. Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka. 1984. Moscow: Rus. yaz., 173 p. (In Russ.).
5. Roizenzon S.I. Glagol'nye komparativnye frazeologicheskie edinitsey v sovremennom angliiskom yazyke. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 1972. 339 p. (In Russ.).
6. Stepanova L.I., Birikh A.K., Mokienko V.M. Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik. 1999. Saint Petersburg: Folio-Press, 704 p. (In Russ.).
7. Makhmudova S.M. Zhemchuzhiny rutul'skoi mysli: poslovitsy, pogovorki i zagadki rutul'skogo naroda. 2014. Makhachkala: Epokha, 151 p. (In Russ.).
8. Makhmudova S.M. Frazeologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka. 2016. Moscow: Epokha, 215 p. (In Russ.).
9. Makhmudova S.M. Yazykovaya reprezentatsiya aksiologicheskoi dominanty kontsepta 'Etika' ('Abyr') v natsional'noi kartine mira rutulov [Language representation of the axiological dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in the national picture of the world of Rutul] // *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213 (In Russ.).
10. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. 1996. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 288 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ибрагимова Галима Хизрикадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Дагестанский государственный университет (ФГБОУ ВО ДГУ), г. Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6166-5805>, e-mail: Galima_76@mail.ru

Information about the authors

Galima K. Ibragimova, candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6166-5805>, e-mail: Galima_76@mail.ru

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021

Содержание и виды безопасности образовательной среды

Михалкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Аверюшкин А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

В статье осуществлено выявление основных компонентов образовательной среды с позиций философского подхода к осмыслению данного феномена, а также осуществлён анализ и оценка причин, которые обуславливают небезопасность его, осуществлено выделение уровней экспансии, проведена классификация видов безопасности образовательной среды. При проведении исследования применены следующие методы: аналогии, сравнительный, обобщения, системный, интерпретации результатов, мысленного эксперимента. В работе уточняется содержание понятия образовательной среды, раскрыты ее основные компоненты, на основе философского подхода к этому феномену осуществлено выявление воздействия различных видов экспансии на её безопасность, выявлены и обоснованы основные виды безопасности образовательной среды с учётом современного состояния общественной практики в стране и мире, а также тех требований, которые предъявляются образовательным учреждениям по научению и воспитанию обучаемых. Результаты исследования вносят вклад в палитру исследований образовательной среды в школе и вузе, в методологию организации безопасности образовательной среды, а также в практику образовательной деятельности школ и вузов.

Ключевые слова: образовательная среда, экспансия, вызов, угроза, безопасность, способы, средства, методология, организация образования и воспитания.

Для цитаты: *Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.* Содержание и виды безопасности образовательной среды [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 82–96. DOI:10.17759/langt.2021080110

Content and Types of Safety of the Educational Environment

Nikolay V. Mikhalkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Aleksandr N. Averyushkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: petrov@yandex.ru

Aim. To clarify the basic component of the content of the educational environment, as well as to highlight its components and types. Procedure and methods. The article identifies the main components of the educational environment, from the point of view of the philosophical approach to understanding this phenomenon, as well as analyzed and evaluated the reasons that make it unsafe, the allocation of levels of expansion, the classification of the types of safety of the educational environment. In the study methods are used: analogies, comparative, generalization, system, interpretation of the results, thought experiment. The results. The work clarifies the content of the educational environment, reveals its main components, on the basis of a philosophical approach to this phenomenon, has been identified the impact of various types of expansion on its safety, identified and justified the basic safety of the educational environment, taking into account the current state of public practice in the country and the world, as well as the requirements that are imposed on educational institutions on the education and education of trainees. Theoretical and/or practical significance. The results of the study contribute to the palette of research of the educational environment in school and university, to the methodology of organizing the safety of the educational environment, as well as to the practice of educational activities of schools and universities.

Keywords: educational environment, expansion, challenge, threat, security, ways, means, methodology, education and education.

For citation: Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Content and Types of Safety of the Educational Environment. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 82–96. DOI:10.17759/langt.2021080110 (In Russ.).

Введение

Общественная практика свидетельствует, что сегодня в развитии образования и воспитания граждан нашей страны значимой становится тема разработки и реализации путей и средств обеспечения безопасности образовательной среды для школ и вузов.

Она актуальна как для учителей, преподавателей, руководства школ и вузов страны, так и для Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, определяющих цели, задачи, формы, способы, условия подготовки кадров для школ и вузов, совершенствование образовательной среды в образовательных учреждениях.

Особое значение при решении данных задач имеют не только научная разработка

феномена «безопасность образовательной среды», но и обоснование используемых для достижения её безопасности методов, средств, способов, а также способность и готовность руководителей, учителей, преподавателей, обслуживающего персонала в школах, вузах владеть данными методами, средствами, способами и эффективно использовать их в образовательном процессе.

Основное содержание и структурные элементы феномена «образовательная среда» в школе и вузе

Как известно, в Федеральном законе «Об образовании» отсутствует определение феномена «образовательная среда». Вместо определения данного понятия перечисляются средства обучения и воспитания: "приборы, оборудование, включая спортивное оборудование и инвентарь, инструменты (в том числе музыкальные), учебно-наглядные пособия, компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, аппаратно-программные и аудиовизуальные средства, печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы и иные материальные объекты, необходимые для организации образовательной деятельности".¹

Очевидно, что названные средства обучения и воспитания не могут по сущности называться образовательной средой ни школы, ни вуза. И для того, чтобы раскрыть заявленную тему, авторы намерены сначала рассмотреть содержание понятия «образовательная среда», сформулированное учёными нашей страны, а потом уточнить её компоненты и сформулировать философское авторское определение данного феномена, чтобы потом раскрыть её содержание и виды.

Для этого используем вариант философского подхода к исследованию объектов реального мира: «движение» мысли от общего к единичному. В соответствии с ним изначально определимся с содержанием понятия «среда» для человека и общностей людей.

По мнению авторов данной статьи, наиболее точное определение этому понятию дано в Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Более того, в этом законе выделяются факторы среды обитания людей, которые предопределяют небезопасность её.

Так, в законе зафиксировано, что «среда обитания человека - совокупность объектов, явлений и факторов окружающей (природной и искусственной) среды, определяющая условия жизнедеятельности человека». ² А в качестве факторов, способных придать данной среде небезопасность, выделяются следующие: «биологические (вирусные, бактериальные, паразитарные и иные), химические, физические (шум, вибрация, ультразвук, инфразвук, тепловые, ионизирующие, неионизирующие и иные излучения), социальные (питание, водоснабжение, условия быта, труда, отдыха) и иные факторы среды обитания, которые оказывают или могут оказывать воздействие на человека и (или) на состояние здоровья будущих поколений». ³

Очевидно, *образовательная среда*, где формируется личность и специалист для определенной сферы общественной деятельности – есть составная часть среды обитания

1. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 2, часть 26.

2. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 №52. Ст.1. Основные понятия.

3. См.: там же.

человека, включающая в себя свои, особенные черты и свойства, свои компоненты, явления, факторы, связанные с образованием и воспитанием. Ведь образование и воспитание – это сложный диалектический процесс и результат усвоения обучаемым и воспитуемым систематизированных знаний, выработанных человечеством, формирование у него определённых умений и навыков, утверждение в его сознании и поведении высоких ценностей общества и государства, обусловленных государственной идеологией, превращающих его в нравственно-зрелую личность, а также развитие конкретных, значимых для его деятельности, черт, свойств, компетенций как необходимых условий подготовки его к жизни и труду. [10, с. 21].

Содержание образования и воспитания в стране диалектически взаимосвязано с соответствующим этим процессам образовательной средой. То есть заявка на соответствующую личность выпускника школы и вуза требует конкретной по содержанию образовательной среды. Одновременно, имеющаяся и вновь формируемая образовательная среда для школы и вуза корректируют процессы образования и воспитания обучаемых: школьников, студентов, магистрантов, аспирантов. И эта взаимосвязь исторически непрерывно продолжается. [4, с. 420-422].

Следуя логике выбранного нами подхода, приступим к осмыслению содержания понятия «образовательная среда». Авторы отмечают, что на данном этапе развития научных исследований этого феномена существенный вклад в его осмысление привнесли психологи и педагоги. [11, с. 38-41].

На основе их исследований можно выделить следующие модели, позволяющие оценить основные компоненты образовательной среды: психодидактическую модель; коммуникативно ориентированную модель; антрополого-психологическую модель; экопсихологическую модель.

Психодидактическая модель образовательной среды была разработана В. П. Лебедевой, В. А. Орловым, В.А. Ясвиным. [15, с. 68-71]. В их работах впервые были приведены в определенную систему педагогические представления о школьной (воспитательной) среде, психологические и эколого-психологические представления об образовательной среде, что позволило дать определение именно понятию «образовательная среда», определить её структуру и, соответственно, формы её существования.

Ими утверждается, что «образовательная среда (или среда образования) – это система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также совокупность возможностей для её развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении». [15, с. 14]

Как видим, в данном определении образовательной среды подчеркивается значимость учащегося как субъекта научения. Создание образовательной среды осуществляется в соответствии с познавательными интересами учащихся, с учетом возможностей педагогического коллектива, структуры региональной образовательной системы, традиций и особенностей социокультурной среды

С позиций же философского подхода, к рассмотрению образовательной среды в приведенном её определении не наличествует такая её составляющая как «особенное» по отношению к феномену «среда», её относительная самостоятельность и её динамика.

Содержательно иной взгляд на образовательную среду, конкретно школы, демонстрирует её коммуникативно ориентированная модель, которая была сформулирована В. В. Рубцовым и его единомышленниками.

Образовательная среда понимается ими как форма сотрудничества, которое создает особые виды общности между учащимися и педагогами, а также между самими учащимися.

Утверждается, что «образовательная среда – это целостная качественная характеристика внутренней жизни школы, которая:

– определяется теми конкретными задачами, которые школа ставит и решает в своей деятельности;

– проявляется в выборе средств, с помощью которых эти задачи решаются (к средствам относятся выбираемые школой учебные программы, организация работы на уроках, тип взаимодействия педагогов с учащимися, качество оценок, стиль неформальных отношений между детьми, организация внеучебной школьной жизни, материально-техническое оснащение школы, оформление классов и коридоров и т.п.);

– содержательно оценивается по тому эффекту в личностном (самооценка, уровень притязаний, тревожность, преобладающая мотивация), социальном (компетентность в общении, статус в классе, поведение в конфликте и т.п.), интеллектуальном развитии детей, которого она позволяет достичь. [13, с. 29]

Очевидно, что в рамках заявленного философского рассмотрения образовательной среды с позиций «общего-особенного и единичного», а также в контексте выявления небезопасности образовательной среды в приведенном её определении не просматриваются связи и взаимодействие школы и других социальных институтов и социальных организаций общества.

Антрополого-психологическая модель образовательной среды была обоснована В. И. Слободчиковым. Он, как и В. В. Рубцов, для осмысления образовательной среды использует такую составляющую нашей жизни как совместная деятельность субъектов образовательного процесса. Правда, в отличие от своих коллег, он подчеркивает относительность и опосредующий характер образовательной среды, её изначальную «незаданность». При этом он включает в содержание образовательной среды *два* смысла общего понятия «среда»:

- «совокупность условий, обстоятельств, окружающую индивида обстановку, и соответственно – границу, определяемую масштабом защиты от среды и её утилизации (способностью к ассимиляции и аккомодации)»;

- «представление о среде как сердцевине, средстве, связях бытия человека» [14, с.175].

По его утверждению, образовательная среда - это «не просто организованная совокупность учителей, родителей, детей, призванных решать некие задачи подготовки к пока еще отсутствующему будущему», это «исторически сложившаяся культурная форма встречи детей, молодых, взрослых» в реальной и полноценной жизни сегодня. [14, с. 175]

Как видим, образовательная среда характеризуется такими качествами как событийность общности, целостно-смысловое объединение учащимся, их предметная деятельность на основе развития индивидуальных способностей человека.

В. И. Слободчиков считает, что среда, понимаемая как совокупность условий и обстоятельств для образования, не существует как нечто однозначное и данное заранее. Среда начинается там, где происходит встреча образующего и образуемого, где они совместно начинают её проектировать и строить как предмет и ресурс своей совместной деятельности и где между субъектами образования начинают выстраиваться определенные связи и отношения. [14, с. 175]

Понятие «образовательная среда», по мнению В.И. Слободчикова, отражает не «данность

совокупности влияний и условий», а является собой динамическое образование, где наличествует взаимодействие учреждений образования, управления образованием, самих обучаемых.

В контексте экпсихологического подхода, обоснованного В. И. Пановым и его учениками, под образовательной средой понимается система педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность как для раскрытия еще не проявившихся интересов и способностей, так и для развития уже проявившихся способностей и личности учащихся в соответствии с присущими каждому индивиду природными задатками и требованиями возрастной социализации. [11, с. 80]

Как видим, в данном определении «образовательной среды» присутствует и социальный заказ общества, государственной власти. То есть образовательную среду «пронизывают» не только особенности возрастной периодизации развития детей и взрослых, но и социальный заказ на продукт системы образования. А это говорит о том, что средства и способы образовательных технологий обязаны соответствовать не только природным физиологическим и психологическим объективным закономерностям развития обучаемых, но и социальным особенностям бытия общества и государства.

Учёт социальных особенностей – это учёт различного вида и типа экспансий, которые всегда наличествовали и делали небезопасной образовательную среду.

В целом, в рамках философского рассмотрения природы и сущности образовательной среды, на основе выделенных её черт, отражённых в рассмотренных нами моделях, сформулируем определение, которое позволит обосновать пути и средства достижения её безопасности.

Образовательная среда – это совокупность элементов среды бытия людей, объективных условий и субъективных факторов, в их диалектической взаимосвязи, обуславливающих цель, мотивы, средства, способы, формы процессов научения и воспитания учащихся, студентов, аспирантов и т. д., предопределяющих достижение ими результатов, соответствующих потребностям и интересам развития как самого обучаемого, так и социальных общностей, обществу, стране в целом.

Содержательно образовательная среда включает в себя динамично развивающуюся совокупность реально наличествующих в стране, то есть созданных и создаваемых, в соответствии с господствующей в государстве идеологией образования, компонентов социального института образования, объединённых установками по развитию человека, общества. В структуру образовательной среды включаются элементы методологии и методики научения и воспитания обучаемых, принципы, правила, приёмы, формы, модели, образцы, стандарты образовательной деятельности, которые обуславливаются деятельностью других социальных институтов общества, а также различного вида и типа экспансиями как результатами складывающихся в мире связей и взаимодействий между людьми, пронизанными классовыми, национальными и другими видами интересов.

Экспансия как сопутствующий компонент человеческой деятельности, пронизывающая также и образовательную среду, делает её небезопасной для всех, кто включён в неё, в том числе и неё самой.

И для того, чтобы найти противодействие экспансии, порождающей небезопасность образовательной среды, определимся с природой и сущностью безопасности образовательной среды.

Содержание и сущность безопасности образовательной среды в школе и вузе

Авторы статьи отмечают, что необходимость осмысления и организации безопасной образовательной среды законодательно обосновываются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об образовании», Международной «Конвенцией о правах ребенка» и другими нормативными актами.

Более того, в Федеральном законе «О безопасности» закреплены принципы обеспечения безопасности в организациях образования. В нём отмечается, что обеспечение безопасности в организациях образования должно быть основано на принципах соблюдения, защиты прав и свобод человека и гражданина, законности, системности, комплексности и предполагает применение политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, а также взаимодействие различных сторон для обеспечения безопасности.⁴

Если данные положения «проецировать» на образовательные организации как одни из компонентов образовательной среды, то им, совместно с государственными и общественными структурами страны, необходимо обеспечить безопасность как самой образовательной организации, так и безопасность образовательной среды, основных её участников.

Сегодня в литературе наличествует ряд работ, в которых раскрываются компоненты и содержание безопасности образовательной среды. Выделим определения этого феномена у тех исследователей, которые рассматривали и безопасность образовательной среды, и такой её вид как «психологическая безопасность образовательной среды».

Например, В. В. Рубцов выделяет следующие параметры безопасной образовательной среды:

- качество межличностных отношений ребенка;
- защищенность ребенка в образовательной среде школы;
- эмоциональная комфортность ребенка в образовательной среде;
- удовлетворенность ребенка образовательной средой. [12, с. 5-7]

Он также подчёркивает, что, говоря о безопасной образовательной среде, нужно иметь в виду не только ребенка, но и педагога, и администратора, и родителей. Таким образом, можно выделить следующие критерии психологической безопасности:

- уровень удовлетворенности участниками образовательного процесса основными характеристиками процесса взаимодействия;
- защищенность от психологического насилия;
- защита от всех форм дискриминации;
- наличие безопасных условий труда и учебы. [12, с. 5-7]

О.О. Андронникова рассматривает безопасность образовательной среды с точки зрения модели образования, системы, способной гарантировать качественное обучение, определяющей вектор виктимного или невиктимного развития человека. [2, с. 9]

В контексте данного подхода, «безопасность образовательной среды» как базовая категория и составляющая образования и воспитания рассматривается ею на нескольких уровнях:

- как общая модель образовательной системы, гарантирующая качество подготовки

⁴ См.: Федеральный закон «О безопасности», от 28.12.2010г., №390-ФЗ.

специалистов и отвечающая запросам времени;

- как образовательная система, учитывающая национальную российскую самобытность;
- как социальный институт, эффективно решающий стоящие перед ним задачи;
- как система, решающая вопросы воспитания и образования, несущая в себе ресурсы для

трансформации рисков, способная эффективно изменить вектор развития ребенка с виктимного на безопасный, а значит, адаптивный. [1, с. 19]

И.Б. Бичева, О.М. Филатова, основываясь на концепции теории безопасности жизнедеятельности и гуманизации образования, рассматривают безопасную образовательную среду как совокупность компонентов, встроенных в общую систему управления образовательной организацией. Это обеспечивает функциональные взаимосвязи участников образовательного процесса, изменение установок и мировоззренческой позиции в области содержания знаний, информации, представлений, субъектно-субъектных отношений, способов осуществления учебно-воспитательной деятельности. [9, с. 48]

К компонентам безопасной образовательной среды данные авторы относят: нормативно-правовые, эмоционально-комфортные, культурно и социально ориентированные; здоровье сохраняющие и защищающие; познавательные-творческие и развивающие; процессуально-технологические. [9, с. 49]

Значительное количество исследователей, отдающих предпочтение личности учащихся и тех, кто этот процесс осуществляет, выделяют такой вид безопасности образовательной среды как «психологическая безопасность образовательной среды». И это отражено в работах таких исследователей как И.А. Баева, Е.В. Бурмистрова, Г.В. Грачев, С.Г. Плещиц, М.Ф. Секач, Э.Э. Сыманюк, В.А. Ясвин и др. Ими, в качестве основного психологического параметра, разрушительного для психического здоровья личности, называют психологическое насилие.

Так, О.О. Андронникова под психологической безопасностью понимает состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье всех включенных в нее участников. [3, с. 21]

Баева И. А. психологическую безопасность образовательной среды рассматривает как защищенность от психологического насилия во взаимодействии по таким структурным компонентам как унижение, угрозы, недоброжелательное отношение, игнорирование, принуждение. [6, с. 21]

В соответствии с заявленным осмыслением природы психологической безопасности, она приходит к выводу, что под «под психологической безопасностью мы понимаем состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников». [5, с. 83]

По её мнению, только психологическая безопасность образовательной среды есть важнейшее условие, чтобы внутренняя природа человека раскрылась в полную меру. При этом, центральным аспектом безопасности является «угроза». [7, с. 9]

Заслуживающим внимание, по определению содержания психологической безопасности образовательной среды, является обобщение, сформулированное И.Б. Бессоновым и Е.В. Дьяченко. Они пришли к выводу, что «психологически безопасной образовательной средой

можно считать такую среду, в которой большинство ее участников имеют положительное отношение к ней, высокие показатели индекса удовлетворенности и защищенности от психологического насилия». [8, с. 7].

Однако, если проанализировать сформулированные исследователями определения безопасности образовательной среды с позиций философского подхода, то в них хотя и присутствуют многие черты и свойства феномена «безопасность», но природу и сущность этого феномена отражают не полностью. Отметим тот факт, что они выделены на основе качественного признака этого феномена – «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». ⁵ Но является ли этот признак полностью определяющим природу и сущность феномена «безопасность образовательной среды»?

По мнению авторов статьи, понятие «защищённость» неопределенно. Фактически трудно представить ситуацию в жизни любого субъекта или социального образования, чтобы чьи-то потребности, а интересы есть осознанные потребности, были защищены от экспансии. ⁶

А так как экспансия практически есть следствие деятельности любого субъекта в стране, мире, то исключить экспансию образовательной среды реально невозможно. Её не будет только в том случае, когда образовательная среда будет вне связей с реальным миром, да и при этом в полном бездействии.

Следует отметить, что экспансия, направленная на конкретную организацию, субъекта этой организации, может быть разноуровневая. Сегодня в исследованиях используют такие показатели: вызов, угроза, агрессия.

Авторы данной статьи считают, что их можно определить следующим образом: *вызов* – это такой уровень экспансии в социальное образование, субъект общественных отношений, который вызывает в них некоторые функциональные изменения, но их природу и сущность не затрагивает; *угроза* – это такой уровень экспансии в социальное образование, субъект общественных отношений, который вызывает качественные изменения в их содержании, функционировании, но их сущности не изменяет; *агрессия* – это такой уровень экспансии в социальное образование, субъект общественных отношений, который изменяет их природу и сущность, принуждает их качественно измениться или утратить самость.

Исключение же экспансии для образовательной среды, или полная от нее защита – это только мыслимые состояния бытия реальных видов образовательной среды.

Все это позволяет утверждать, что понятие «безопасность образовательной среды» в первую очередь отражает определенный уровень её отношений и связей с социальными образованиями в стране и мире, а также её возможность и способность по обеспечению условий в достижении целей, перед нею поставленных, по научению и воспитанию обучаемых в ней, по созданию ею общественно значимых ценностей.

При *реальном* уровне безопасности образовательной среды научаемые способны оптимально и эффективно достичь поставленных целей, создать или сохранить необходимые

⁵ См.: Федеральный закон «О безопасности», от 28.12.2010г., №390-ФЗ.

⁶ Экспансия (лат. *expansio* – расширение, распространение) – расширение сферы влияния государств, общественных групп, организаций, осуществляемое насильственными или какими-либо другими средствами. – Современный словарь иностранных слов. – М., 1992. – С. 704.

для их жизнедеятельности ценности, реализовать всю полноту своих интересов.

При *отсутствии реального* уровня безопасности образовательной среды учащиеся будут иметь возможность воплотить в жизнь только те потребности, которые достаточны для сохранения их сущности.

И ещё один аспект, относящийся к рассмотрению безопасности образовательной среды как способности субъекта защитить свои жизненно важные интересы. Защита предполагает только противодействие экспансии, что ставит защищающуюся сторону в положение изначального ожидания. Такое положение дел, возведенное в принцип, во-первых, формирует у защищающегося субъекта «опаздывающую» парадигму мышления и практического действия, что изначально может привести к тяжелым последствиям. Во-вторых, исключает общественные отношения, важнейший компонент человеческого бытия, из структуры формирования активной безопасности, в том числе и образовательной среды. Такой подход методологически несостоятелен. Ведь очевидно, что её безопасность будет реальностью, если будет наличествовать безопасность страны, то есть общего, ибо безопасность образовательной среды – это часть целого. И в рассмотрении безопасности образовательной среды через соотношение категорий общее-особенное-единичное заключён потенциал выявления не только природы и сущности безопасности образовательной среды, но и выявления путей и средств её достижения.

Очевидно, что до того момента, когда возникает необходимость создавать защиту, возможно и необходимо управлять процессом развития отношений, развитием различного рода ситуациями, которые могут привести субъект из состояния небезопасности к реальной безопасности.

Таким образом, в рамках философского подхода к осмыслению природы и сущности безопасности образовательной среды, можно дать этому феномену следующее определение.

Безопасность образовательной среды и каждой личности, включенной в неё, представляет собой *систему* общественных отношений, в рамках которых образовательная среда и существует, совокупность условий и факторов, *обеспечивающих* достижение и реализацию целей, ценностей, интересов обучаемых в соответствии с выбранной ими профессией и включенных в конкретную образовательную организацию, *гарантирующих* предотвращение и исключение всех видов экспансии на уровне агрессии и насилия для них, и, если потребуется, *активного противодействия* субъекту разного вида и типа экспансии по отношению ко всем участникам образовательной среды.

Схематично структуру основных *видов* безопасности образовательной среды, которые выделяются на основе типологии экспансии и общественных отношений, складывающихся между её участниками в процессе её функционирования, можно обозначить следующим образом:

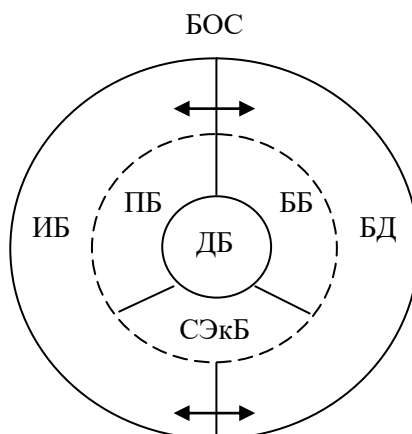

Рис. 1. Используемые сокращённые обозначения означают следующее:

- БОС – безопасность образовательной среды и её субъектов;
- ИБ – информационная безопасность образовательной среды;
- БД – безопасность деятельности, функционирования образовательной среды;
- ДБ – духовная безопасность участников образовательной среды;
- ПБ – психологическая безопасность;
- СЭКБ- социально-экологическая безопасность;
- ББ – биологическая безопасность;

Отношения образования и воспитания, формируемые в нашей стране и ориентированные на достижение основных ценностей для личности, общества и государства, обуславливают соединение всех элементов безопасности образовательной среды в определённую систему. При этом данные ценности и выступают системообразующим фактором системы безопасности образовательной среды. При этом каждый элемент системы безопасности образовательной среды ориентирован на изменение своих функций с целью обеспечения функционирования системы в целом.

В структурном плане система безопасности образовательной среды включает в себя как субъектов деятельности, которые формируют соответствующие материальные возможности и отношения, посредством которых создается потенциальная и реальная возможность противодействия видам экспансии, так и духовную составляющую, обуславливающую мировоззренческие установки и мотивацию деятельности этих субъектов.

Понятие «система безопасности образовательной среды» позволяет наиболее полно и последовательно выявить роль государственной власти в этом процессе, а также совокупности общественных отношений и социально-психологических аспектов в деятельности субъектов безопасности образовательной среды.

В системе безопасности образовательной среды наиболее полно проявляются закономерные связи между её элементами, анализ которых позволяет уяснить, где имеются слабые связи и взаимодействия, а также обосновать возможные алгоритмы укрепления этих связей, в целом укрепить и усилить безопасности образовательной среды.

Система безопасности образовательной среды в России – это открытая, целостная, объединённая на основе ценностей образования и воспитания граждан страны совокупность всех участников образования и воспитания, а также компонентов образовательной среды в их надлежащем функционировании, выражающих интересы государства, а также соответствующих отношений, норм, культуры, которые совместно обеспечивают формирование социально-зрелой, высоконравственной личности, обладающей всеми необходимыми для их квалифицированной деятельности знаниями, умениями, навыками, компетенциями.

Систему безопасности образовательной среды можно назвать одной из значимых систем общественного организма.

В содержательном плане система безопасности образовательной среды включает в себя следующие элементы:

- субъектов деятельности по обеспечению безопасности образовательной среды;
- образовательные организации и социальные институты;
- общественно-политические движения;
- безопасное сознание;
- безопасные нормы;

- культуру безопасности общества;
- общественные отношения, сложившиеся в стране, которые проявляют себя в укреплении безопасности образовательной среды;
- деятельность всех субъектов безопасности образовательной среды;
- действенное функционирование вещественных компонентов образовательной среды.

Схематично это можно изобразить следующим образом:

Рис. 2. Элементы системы безопасности образовательной среды

Таким образом, безопасная образовательная среда, представляющая собой рационально, динамично организованное и действенно функционирующее пространство образовательной организации, в котором протекает развитие, воспитание и деятельность субъектов образования, является важным условием не только обеспечения безопасности обучаемых и других участников образовательной среды, но и достижения значимых для страны и каждого обучаемого целей по формированию высококвалифицированных специалистов и социально-зрелых личностей.

По оценкам многих экспертов, качественно выстроенная и методически продуманная образовательная среда позволяет обеспечить не только доступность и результативность, но и снизить расходы на образование и обеспечить безопасность обучающихся.

В статье обоснована мысль, что образовательная среда является частью целого: среды бытия людей и является социальным образованием, созданным людьми. Она предназначена для подготовки обучаемых к практически-преобразовательной деятельности, позитивному раскрытию задатков, которыми наделён каждый человек.

Безопасность образовательной среды является достаточно сложное системное образование и включает в себя, в соответствии с видами экспансии, разные виды безопасности.

Литература

1. Андронникова О.О. Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях [Электронный ресурс] // Философия образования. 2015. №3. С. 14-22. DOI: 10.15372/PNE20150302
2. Андронникова О.О. Психологическая безопасность образовательной среды вуза [Электронный ресурс]. Н.: Институт консультирования в Новосибирске. URL: <http://www.obrazovanie9.ru/articles/338-psy-bezopasnostj-vuza.html>. (дата обращения: 25.12.2020).
3. Андронникова О.О. Психологическая безопасность образовательной среды и ее роль в формировании и обучении личности. Актуальные проблемы специальной психологии образования // Материалы VI и VII межрегиональных научно-практических конференций «Здоровьесберегающие технологии в семье и в школе» (г. Новосибирск 1—2 ноября 2006 г. и 26—27 ноября 2007 г.). Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 19-27.
4. Аверюшкин А.Н. Философские проблемы искусственного интеллекта в эпоху модернизации современного образования // Материалы XVII Всероссийской научной конференции «Нейрокомпьютеры и их применение» (г. Москва, 19 марта 2019 г.). Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 420-422.
5. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство. 2006. СПб.: Речь, 288 с.
6. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. 2002. СПб.: Издательство «СОЮЗ», 271 с.
7. Баева И.А. Семикин В.В. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Том 5. № 12. С. 7-19. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5\(12\)/baeva_semikin_5_12_7_19.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5(12)/baeva_semikin_5_12_7_19.pdf) (дата обращения: 25.12.2020).
8. Бессонов И.Б., Дьяченко Е.В. Психологическая безопасность образовательной среды высшей школы: сравнение педагогического и медицинского вузов [Электронный ресурс] // Научный диалог. 2014. №6(30). С. 6-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-obrazovatelnoy-sredy-vysshey-shkoly-sravnienie-pedagogicheskogo-i-meditsinskogo-vuzov/viewer> (дата обращения: 25.12.2020).
9. Бичева И.Б., Филатова О.М. Безопасность образовательной среды как категория современного профессионально-педагогического знания [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2017. №1. С. 48. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/326/327> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Михалкин Н.В. Философия образования и науки. Учебное пособие и практикум. 2019. М.: Издательство МГППУ, 336 с.
11. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. 2007. СПб.: Питер, 352 с.
12. Рубцов В.В. Безопасная образовательная среда: проблемы соблюдения прав детей, перспективы развития // Ребенок в современном обществе: сб. статей / Под ред.: Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдина, Н.Н. Авдеева, И.А. Корепанова, Е.В. Филиппова. 2007. М.: МГППУ, С. 5-7.

13. Рубцов В.В., Поливановой Н.И. Образовательная среда школы как фактор психического развития учащихся. 2007. М.-О.: ИГ–СОЦИН, 288 с.
14. Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. 2000. М.: Экопсицентр РОСС, 230 с.
15. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. 2001. М.: Смысл, 365 с.

References

1. Andronnikova O.O. Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh [Security of the educational environment in modern geopolitical conditions]. *Filosofiya obrazovaniya=Philosophy of education*, 2015, no. 3, pp. 14-22. DOI: 10.15372/PHE20150302
2. Andronnikova O.O. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy vuza [Psychological safety of the educational environment of the university]. Novosibirsk: Institut konsul'tirovaniya v Novosibirsk. Available at: <http://www.obrazovanie9.ru/articles/338-psy-bezopasnostj-vuza.html>. (Accessed 25.12.2020).
3. Andronnikova O.O. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy i ee rol' v formirovani i obuchenii lichnosti. Aktual'nye problemy spetsial'noi psikhologii obrazovani. Materialy VI i VII mezhhregional'nykh nauchno-prakticheskikh konferentsii «Zdorov'esberegayushchie tekhnologi v sem'e i v shkole» (g. Novosibirsk 1—2 noyabrya 2006 g. i 26—27 noyabrya 2007 g.). Novosibirsk: NGPU, 2008. pp. 19-27.
4. Averyushkin A.N. Filosofskie problemy iskusstvennogo intellekta v epokhu modernizatsii sovremennogo obrazovaniya. Materialy XVII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Neirokomp'yutery i ikh primeneniye» (g. Moskva, 19 marta 2019 g.). Moskva: FGBOU VO MGPPU, 2019. pp. 420-422.
5. Baeva I.A. Obespecheniye psikhologicheskoi bezopasnosti v obrazovatel'nom uchrezhdenii: prakticheskoe rukovodstvo. 2006. SaintPeterburg: Rech', 288 p.
6. Baeva I.A. Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: Monografiya. 2002. SaintPeterburg: Publ. «SOYuZ», 271 p.
7. Baeva I.A. Semikin V.V. Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy, psikhologicheskaya kul'tura i psikhicheskoe zdorov'e shkol'nikov [Safety of the educational environment, psychological culture and mental health of schoolchildren]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena=Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2005. Vol. 5, no. 12, pp. 7-19. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5\(12\)/baeva_semikin_5_12_7_19.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5(12)/baeva_semikin_5_12_7_19.pdf) (Accessed 25.12.2020).
8. Bessonov I.B., D'yachenko E.V. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy vysshei shkoly: sravneniye pedagogicheskogo i meditsinskogo vuzov [Psychological safety of the educational environment of higher education: comparison of pedagogical and medical universities]. *Nauchnyi dialog=Scientific dialogue*, 2014, no. 6(30), pp. 6-14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-obrazovatelnoy-sredy-vysshey-shkoly-sravneniye-pedagogicheskogo-i-meditsinskogo-vuzov/viewer> (Accessed 25.12.2020).
9. Bicheva I.B., Filatova O.M. Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy kak kategoriya sovremennogo professional'no-pedagogicheskogo znaniya [Safety of the educational environment as a category of modern professional and pedagogical knowledge] // *Vestnik Mininskogo universiteta=Bulletin of the Minin University*, 2017, no. 1, pp. 48. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/326/327> (Accessed 25.12.2020).

10. Mikhalkin N.V. *Filosofiya obrazovaniya i nauki. Uchebnoe posobie i praktikum.* 2019. Moscow: Publ. MGPPU, 336 p.
11. Panov V.I. *Psikhodidaktika obrazovatel'nykh sistem: teoriya i praktika.* 2007. SaintPeterburg: Piter, 352 p.
12. Rubtsov V.V. *Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: problemy soblyudeniya prav detei, perspektivy razvitiya. Rebenok v sovremennom obshchestve: sb. statei / Pod red.: L.F. Obukhova, E.G. Yudina, N.N. Avdeeva, I.A. Korepanova, E.V. Filippova.* 2007. Moscow: MGPPU, pp. 5-7.
13. Rubtsov V.V., Polivanovoi N.I. *Obrazovatel'naya sreda shkoly kak faktor psikhicheskogo razvitiya uchashchikhsya.* 2007. Moscow-Obninsk: IG– SOTsIN, 288 p.
14. Slobodchikov V.I. *O ponyatii obrazovatel'noi sredy v kontseptsii razvivayushchego obrazovaniya.* 2000. Moscow: Ekopsitsentr ROSS, 230 p.
15. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu.* 2001. Moscow: Smysl, 365 p.

Информация об авторах

Михалкин Николай Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Аверюшкин Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Mikhalkin, Doctor of Philosophical Sciences, professor, head at the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Aleksandr N. Averyushkin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Получена 11.01.2021
Принята в печать 25.01.2021

Received 11.01.2021
Accepted 25.01.2021